ЭЛЛЕРИ КВИН

ПРИЕМЫШ НА ЗАКЛАНИЕ

5 ДЕТЕКТИВЫ АМЕРИКИ

ПАТРИК КВЕНТИН

РЕКС СТАУТ

Приёмыш на заклание.
Эллери Квин

Аннотация
Э. Квин. Приёмыш на заклание
Глава первая. СНАЧАЛА — МЛАДЕНЕЦ
Глава вторая. ПОЛЗУЩИЙ, КАК ЗМЕЯ
Глава третья. И ЗАТЕМ - ЛЮБОВНИК
Глава четвертая. ПОЧТИ ДУЭЛЬ
Глава пятая. РАЗВЯЗКА

Аннотация

«...и жизнь, и слёзы, и любовь», и неожиданная развязка.

Э. Квин
Приёмыш на заклание

Приемыш на заклание
роман

Глава первая
СНАЧАЛА — МЛАДЕНЕЦ

«Шевроле» серого цвета стоял футах в пятидесяти от входа в госпиталь. Автомобиль был не новый, но и не старый — обычная машина для семейных загородных прогулок по воскресеньям, с обычными вмятинами на крыльях.

Толстый мужчина, втиснувшийся за руль, был в темно-синем костюме с жирными пятнами на лацканах, в белой, уже влажной от утренней июньской жары сорочке и в синем мятом галстуке. Фетровая шляпа с потеками на ленте, купленная в магазине стандартных цен Мэси в прошлом году, лежала рядом с ним на сиденье.

Человек, о котором идет речь, выглядел как миллионы других жителей Нью-Йорка. При его профессии броская внешность была ему ни к чему. Незачем обращать на себя внимание праздношатающихся, всюду сующих свой нос, которые могли бы в один далеко не прекрасный день ткнуть на тебя пальцем в зале суда. К счастью, ему не нужно заботиться о том, чтобы произвести впечатление на своих клиентов. Люди, с которы-

ми он имеет дело (посмеивался про себя толстяк), готовы подлизываться к нему, даже если бы он появился перед ними в бикини.

Толстяка звали Финнер. А. Бэрт Финнер. Девицы, работающие в ночных клубах, звали его запросто — Фин, считая, что его манера засовывать им в нейлоновые чулки шуршащие пятидолларовые бумажки дает им на это право. Он арендовал грязное помещение в конторском здании на 49-й улице.

Финнер поковырял в зубах спичкой, несколько раз втянул внутрь щеки, прочищая зубы.

Он приехал раньше назначенного времени, памятуя о том, что запоздалая пташка может найти гнездо пустым. Пять раз из десяти, жаловался Финнер, его клиенты в самую последнюю секунду меняют свое решение.

Финнер наблюдал за входом в госпиталь без всякого волнения. Его губы сложились колечком, немигающие глазки еще глубже ушли в орбиты, выражение лица, имеющего форму груши, сделалось сосредоточенным, и он принялся насвистывать. Финнер слушал свой свист с удовольствием. Такой уж это был человек. Он насвистывал свою излюбленную песенку «О сладкие тайны жизни». «Мои основная тема» — как

часто говаривал он.

Из госпиталя вышла женщина. Толстяк поспешно вылез из машины и с улыбкой приветствовал ее на ступенях крыльца.

— Доброе утро, — сказал он. — Все в порядке?

— Да.

— Никаких осложнений?

— Нет.

— И крошка чувствует себя хорошо, надеюсь?

Финнер хотел было приподнять угол голубого одеяла, чтобы взглянуть на младенца, которого молодая женщина держала в руках, но она оттеснила его плечом.

— Не прикасайся к нему!

— Ну-ну, — примирительно буркнул толстяк. — Бьюсь об заклад, что он душка. Разве он может быть другим у такой красавицы!

Он сделал еще одну попытку взглянуть на ребенка, но так же безрезультатно.

— Ладно, поехали, — кротко сказал Финнер и, взяв из рук женщины прорезиненный мешок с пеленками и бутылочками, вперевалку направился к машине.

Женщина плелась за ним, прижимая к груди ребенка.

Толстяк открыл перед ней переднюю дверцу.

Она оттолкнула его руку и села в машину. Он пожал плечами,

— Куда тебя отвезти?

— Все равно... Домой.

Машина тронулась с места.

В зеленой замшевой куртке и в фетровой, похожей на мужскую, шляпе, молодая мать была очень эффектна. Золотые волосы с зеленоватым отливом, большие карие глаза, крупный рот, ни на мгновение не остававшийся в покое. В это утро она не воспользовалась косметикой. Губы у нее были бледные и шероховатые.

Приподняв краешек простыни, она с тоской взглянула на маленькое морщинистое личико.

— Какие-нибудь отклонения или родимые пятна? — спросил толстяк.

— Что?

Он повторил вопрос.

— Нет. — Она баюкала ребенка.

— Ты сделала с бельем то, что я велел?

— Да.

— Никаких меток?

— Я же сказала! — Она яростно обернулась к нему. — Не можешь ли ты помолчать?! Он спит.

— Его из пушки не разбудишь. Все прошло легко?

— Легко?! — усмехнулась женщина.

Финнер изогнул шею, чтобы взглянуть на ребенка.

— Не беспокойся. Товар первый сорт, — отрезала она.

Нежным и трепещущим контральто она принялась баюкать ребенка, когда тот захныкал.

— Родненький мой, что случилось? Не плачь... Мама с тобой...

— Бензином воняет, — сказал толстяк.

Она бросила на него взгляд, полный ненависти. Затем подняла ребенка и пошлепала по задику. Он отрыгнул и тут же снова заснул.

А. Бэрт Финнер вел машину и вежливо молчал.

— Я не могу! Не хочу!.. — вскричала вдруг женщина.

— Конечно. Я понимаю, — тотчас отозвался Финнер. — У меня у самого трое. Но подумай о нем...

Она сжимала младенца в объятиях; на лице у нее было такое выражение, словно она попала в западню.

— В таких случаях нужно забыть о себе, — серьезным тоном продолжал толстяк. — Всякий раз, когда ты поймешь, что думаешь только о себе, остановись и вспомни о малыше. Ну, подумай,

что ждет его, если ты сейчас заупрямишься?

— Что ж его ждет? — вызывающе спросила она.

— А то, что он будет расти в вечных разъездах, вот что! Ты будешь таскать его из одного города в другой. Ему придется дышать сигарным дымом и водочным перегаром, вместо того чтобы наполнять свои маленькие легкие чистым, свежим воздухом, — сказал толстяк. — Ты так хочешь вырастить своего сына?

— Я не допущу этого, — отозвалась женщина. — Никогда не допущу этого. Я найму ему хорошую няню...

— Вижу, что ты уже все обдумала, — одобрительно кивнул головой А. Бэрт Финнер. — А ведь у нас с тобой есть железная договоренность. Ладно, предположим, ты найдешь ему хорошую няню. Кто же станет ему матерью? Ты или няня? Ты будешь трудиться день и ночь, словно раба, чтобы иметь возможность платить ей жалованье, покупать молоко и все такое прочее, а он будет любить ее, а не тебя!

Женщина закрыла глаза.

— Итак, с этим вопросом все ясно. А кто окрестит его? Какой-нибудь дежурный по этажу в захудалом канзасском отеле? С кем он будет

играть? С каким-нибудь саксофонистом, уволенным из оркестра за ненадобностью? Что он будет совать себе в рот? Пробочники и сигарные окурки? — И Финнер мягко добавил: — И шататься от столика к столику, называя всех «папой»?

— Ах ты ублюдок! — вскричала женщина.

— Именно это я и имел в виду, — кивнул толстяк.

— Я выйду замуж!

Они проезжали по улочке Вест-Сайда, мимо пустыря.

— Поздравляю, — сказал Финнер, остановив машину и подавая ее назад. — Знаком ли я с этим господином, который готов взять себе чужого ублюдка и назвать своим сыном?

— Выпусти меня, слышишь, ты, жирная свинья!

Толстяк улыбнулся.

— Пожалуйста.

Она вышла из машины, сверкая глазами. Он спокойно ждал.

Он понял, что одержал победу, увидев, как вяло опустились ее плечи. Женщина обернулась и осторожно положила сверток на сиденье рядом с толстяком и так же осторожно закрыла дверцу.

— Прощай, — прошептала она.

Финнер вытер потное лицо. Затем вынул из внутреннего кармана пухлый конверт и протянул ей.

— Вот твои деньги, — доброжелательно произнес он.

Она взглянула на него невидящими глазами. Затем выхватила у него конверт и швырнула ему в лицо. Ударившись о его лысую голову, конверт упал, деньги рассыпались по сиденью и полу машины.

Женщина побежала.

— Всего наилучшего! — крикнул ей вслед толстяк, затем подобрал банкноты и запихал в бумажник.

Оглядевшись, Финнер убедился, что улица пуста. Он склонился над ребенком, развернул одеяло и, обнаружив на распашонке фирменную марку магазина, оторвал ее и сунул в карман. Другую марку он увидел на крохотной нижней рубашке и также оторвал ее. Затем, оглядев спящего младенца, вновь завернул его в одеяло и положил рядом с собой.

После этого Финнер принялся рассматривать содержимое прорезиненного мешка. Удовлетворенный осмотром, он задернул замок-молнию.

— Что ж, крошка, тебя ждет долгая и скучная

жизнь, — вздохнул он, обращаясь к свертку, лежащему на сиденье. — Тебе было бы куда веселее с ней.

Он посмотрел на часы и тронул машину с места.

Машина шла по Вестсайдскому шоссе, не превышая дозволенной скорости — тридцать миль в час. А. Бэрт Финнер принялся насвистывать, изредка бросая дружелюбный взор на сверток.

Вскоре он запел: «О сладкие тайны жизни, тайны любви, хочу познать вас... »

Семиместный «кадиллак» стоял в пустынном переулке неподалеку от Хатчинсонской набережной, между городками Пелхэм и Нью-Рошель. Это была старомодная, безупречно чистая машина с коннектикутским номерным знаком. Рядом с седовласым шофером сидела полная женщина с хорошеньким носиком. Ей было за сорок. Под пыльником на ней был белый нейлоновый халат.

Позади сидели супруги Хамфри.

— Элтон, он не опаздывает? — спросила Сара Стайлз Хамфри.

— Не беспокойся, Сара. Он обязательно приедет, — улыбнулся муж.

— Я нервничаю, как кошка!

Он похлопал ее по руке. Рука у Сары Хамфри была широкая, холеная. Она была крупной женщиной с крупным лицом, за которым она регулярно ухаживала и от которого так же регулярно приходила в отчаяние.

Ее муж, угловатый человек в чопорном черном костюме, гордился своими предками, прибывшими в Америку на «Мэйфлауэре». Со времен Кол Хилла и Плимутских плантаций драгоценный прах всех Хамфри покоился в земле Новой Англии. Семья его жены принадлежала к не менее аристократическому роду.

Элтон К. Хамфри убрал руку. На мизинце не хватало одной фаланги. Хамфри и родился с этим недостатком: без одной фаланги на мизинце правой руки. Обычно он скрывал этот недостаток, прижимая мизинец к ладони. Это привело к тому, что и безымянный палец у него согнулся. Когда он поднимал руку, подзывая кого-нибудь, жест получался почти папский. Это даже нравилось ему.

— Элтон, а вдруг она передумала! — произнесла жена.

— Чушь, Сара.

— Как жаль, что мы не можем иметь детей, — вздохнула она.

Он поджал губы. Иногда Сара была совсем как

ребенок.

— Ты же знаешь почему, дорогая.

— Сказать по правде, не знаю.

— Или ты забыла, что мы с тобой далеко не идеального возраста?

— О, Элтон, ты мог бы это уладить. — Одно из очаровательных качеств Сары Хамфри заключалось в твердой убежденности в том, что ее муж может все.

— Так вернее, Сара.

— Да. — Сара Хамфри умолкла.

«Элтон прав. Он всегда бывал прав. Если бы только люди нашего круга могли бы жить, как обычные люди», — подумала она.

— Вот и он, — произнес седовласый шофер.

Супруги Хамфри мгновенно обернулись. «Шевроле» серого цвета остановился позади.

Няня с красивым носиком вышла из «кадиллака».

— Я возьму его сам, мисс Шервуд! — остановил ее Элтон К. Хамфри и торопливо вышел из машины.

Няня села обратно в машину.

— О боже! — только и произнесла госпожа Хамфри.

— Прошу получить, — сияя улыбкой, произнес

Финнер.

Хамфри уставился на голубой сверток. Затем, не говоря ни слова, открыл дверцу «шевроле».

— Но... — начал Финнер.

— Что?

— Помните наше условие, мистер Хамфри? — улыбнулся толстяк. — Уплата при доставке.

Нетерпеливо кивнув, миллионер протянул ему пухлый конверт. Финнер вынул деньги и пересчитал.

— Он ваш, — кивнул Финнер на сверток, протягивая прорезиненный мешок. — В этом мешке вы найдете достаточное для начала количество бутылочек и пеленок.

Хамфри ждал, неловко держа сверток в руках.

— Что-нибудь не так, мистер Хамфри? Может быть, я что-то позабыл?

— Свидетельство о рождении и прочие бумаги, — хмуро ответил миллионер.

— Мои люди — не волшебники, — расплылся в улыбке толстяк. — Как только документы будут готовы, я перешлю их вам по почте. Можете не сомневаться: это будет настоящее произведение искусства!

— Отправьте их заказной бандеролью.

— Не беспокойтесь, — отозвался толстяк.

Хамфри не двигался с места, пока «шевроле» не скрылся за поворотом дороги. Затем он медленно направился к своему лимузину. Шофер распахнул перед ним дверцу.

— Дай мне его, Элтон! — протянула руки госпожа Хамфри.

Он передал ей ребенка. Дрожащей рукой она откинула простынку с лица младенца.

— Мисс Шервуд, — едва слышно прошептала она. — Взгляните!..

— Просто красавчик, госпожа Хамфри. — У няни был мягкий, приятный голос. — Позвольте мне...

Она взяла ребенка, положила на сиденье и развернула одеяло.

— Мисс Шервуд, он упадет!

Няня улыбнулась.

— Мистер Хамфри, передайте мне, пожалуйста, этот мешок.

— Почему он плачет?

— Если бы вы лежали в мокрых пеленках, были голодны и имели всего одну неделю от роду, миссис Хамфри, вы тоже известили бы об этом весь мир, — ответила няня. — Сейчас, моя крошка! Ты будешь чистеньким и сухоньким в одно мгновение!.. Генри, включите отопление и согрейте эту бутылочку. Мистер Хамфри, закройте-ка дверцу,

пока я перепеленаю юного мистера Хамфри.

— Мистер Хамфри! — смеялась и плакала одновременно Сара Хамфри, а ее муж, казалось, не мог оторвать глаз от извивающегося маленького тельца. — Элтон, у нас сын, сын!..

— Ты действительно очень возбуждена, Сара. — Элтон Хамфри был явно рад этому обстоятельству.

— Няня, давайте не будем пользоваться вещами из мешка, хорошо?.. Мы уже купили тебе красивые новые вещи, малютка!

Миссис Хамфри дернула замок-молнию сафьянового чемодана. Он был полон присыпок, мазей, стерильных бинтов, ваты, медикаментов. Няня молча достала из чемодана баночку с детской мазью и коробку с присыпкой.

— В первую очередь мы попросим педиатра из Гринвича обследовать его... Элтон!

— Да, дорогая?

— А вдруг доктор найдет, что он не такой... не такой, как нам о нем говорили?

— Послушай, Сара, ты сама прочитаешь все его бумаги.

— Но, не зная, кто его родители...

— Неужели мы снова будем возвращаться к этому, моя дорогая? — терпеливо возразил муж.

— Я и не желаю знать, кто его родители. К тому же это может быть чревато неприятностями. Нам известно, что ребенок англосаксонского происхождения, что у него нет никаких наследственных болезней, ни слабоумия, ни криминальных наклонностей. Имеет ли остальное хоть какое-нибудь значение?

— Думаю, что нет, Элтон. — Его жена мяла в руках перчатки. — Няня, почему он не перестает плакать?

— Потерпите немного, — произнесла мисс Шервуд под аккомпанемент детского крика. — Генри, бутылочка, наверное, согрелась.

Шофер протянул ей бутылку. Она отвернула алюминиевый колпачок, стряхнула немного молока себе на ладонь и затем осторожно вложила в ротик ребенка резиновую соску. Плач мгновенно оборвался. Малютка принялся яростно сосать.

Миссис Хамфри как завороженная смотрела на него.

Элтон К. Хамфри произнес почти весело:

— Генри, обратно на остров.

Старик повернулся в постели, и его обнаженные руки протянулись к падавшему откуда-то свету. То ли это был не такой свет, то ли он падал не оттуда? Или еще не рассвело?

Затем, услышав шум прибоя, старик вспомнил, где находится, и закрыл глаза. Это была приятная комната со старинной сборной мебелью; здесь царил соленый запах, ржавые креветки покачивались на обоях цвета морских водорослей. Бледно-голубые волнистые линии текли по стенам, мешая старику сосредоточиться.

Еще держалась ночная прохлада, но солнечные лучи, отражавшиеся от поверхности моря, уже ударяли в стены, словно волны. Через два часа здесь будет нечем дышать.

Ричард Квин открыл глаза и несколько мгновений разглядывал свои руки. «Как у трупа», — подумал он. Изношенные веревки мышц и кости в сморщенной оболочке вместо кожи. Но в них еще была жизнь, они все еще могли постоять за себя, все еще могли быть ему полезны. Он приблизил к глазам пальцы, разглядывая набрякшие суставы, морщинистую кожу, поры, похожие на пятнышки грязи, поросль седых волосков; потом снова закрыл глаза.

Было еще рано, почти так же рано, как в те дни, когда он вставал, чтобы идти на работу. Будильник начинал звонить, когда он уже был на ковре, проделывая свои ежедневные пятьдесят жимов на руках, зимой и летом, при зеленом весеннем

свете или при сером рассвете осени. Бритье, горячий компресс и холодный душ при плотно закрытой двери в ванную, чтобы не разбудить сына. Завтрак, разогретый на плите. Телефонный звонок помощника, докладывающего о всех происшествиях за ночь. Машина у подъезда с сержантом-шофером. По дороге он слушал полицейское радио — так, на всякий случай. Может быть, прозвучит и непосредственное обращение к нему из радиофона с верхнего этажа большого, увенчанного золотым куполом здания на центральной улице. Вот и его кабинет... «Какие новости? » Распоряжения. Корреспонденция. Бумаги. Ежедневная сводка по телетайпу. Построение в десять часов. Доклады... Это было его жизнью.

«Трудно изменить привычкам, обретенным в течение всей жизни, — подумал он. — Просто невозможно. О чем думают старые клячи, пережевывающие солому своей отставки? О скачках, которые они выиграли! О скачках, которые они все еще могут выиграть, дай им только возможность принять в них участие?..

Молодёжь занимает их места... Так всегда, всегда. А многие ли из них могут пятьдесят раз подряд отжаться на руках? Даже из тех, кто вдвое

моложе его? Но они там, ожидают похвал и благодарностей в случае удачи — и похорон за счет департамента, если получат пулю в сердце или удар ножом.

Да, они там, а я здесь... »

Бекки осторожно двигалась в соседней комнате. Ричард Квин знал, что это Бекки, а не Эйб, потому что Эйб был неуклюж, как теленок, чтобы бесшумно передвигаться в заставленной мебелью комнате. Старый Квин гостил в домике на взморье достаточно долго и хорошо изучил жизнь четы Перлов.

Да, это Бекки крадется по лестнице, чтобы не разбудить ни мужа, ни гостя. Вскоре запах кофе начнет просачиваться из кухни. Бекки Перл была маленькой доброй женщиной с пышной грудью и золотыми руками, всегда занятыми каким-нибудь делом.

На взморье из-за чего-то громко бранились чайки.

Инспектор Квин пытался вспомнить свою жену. Но она умерла больше тридцати лет назад. Это было все равно что пытаться восстановить в памяти лицо незнакомца, на мгновение мелькнувшего перед тобой в другом конце темного коридора.

Вот и аромат кофе... Так что он будет делать сегодня?

В нескольких милях от домика, где ворочался в постели Ричард Квин, находился остров, соединенный с материком бетонной дамбой. Въезд на остров преграждали ворота. Рядом стояла каменная сторожка, увитая плющом, возле которой была разбита окаймленная ракушками клумба. Объявление на шлагбауме гласило: «Остров Нэр. Частная собственность. Вход посторонним воспрещен».

Два сторожа, облаченные в полуморскую форму, дежурили посменно, по двенадцать часов каждый.

Островом Нэр владели шесть человек, которые делили двести акров его площади примерно поровну. В Таугусе, городке на побережье, к которому по административному делению примыкал этот островок, летнее пристанище шестерых богачей с усмешкой называли «островом миллионеров».

Шестеро богачей не общались друг с другом. Каждое поместье было отделено от соседнего высокой каменной стеной, утыканной поверху острыми раковинами и железными шипами. У каждого владельца имелась собственная бух-

точка, пристань для яхт и огороженный пляж для купания. Каждый пользовался дорогой, обслуживающей все шесть поместий, так, словно она принадлежала ему одному. Ежегодные собрания для обсуждения небольших проблем, возникающих перед этой общиной, проходили во враждебной обстановке. Шестеро владельцев острова были объединены не на принципах христианского братства, а скорее являлись исключением из него.

Остров был их крепостью, а все они принадлежали к избранным. Один был могущественный сенатор Соединенных Штатов, в свое время занявшийся политикой и презревший развлечения высшего света ради борьбы за американский образ жизни. Вторая — восьмидесятилетняя вдова железнодорожного магната. Третий — международный банкир. Четвертый — стареющий филантроп, который любил простых людей в массе, но не выносил их поодиночке... Соседом его являлся адмирал в отставке, женатый на единственной дочери владельца целого торгового флота. Шестым был Элтон К. Хамфри.

Инспектор Квин спустился вниз. Он был выбрит и одет в бежевые брюки, нейлоновую спортивную рубашку и коричнево-белые туфли. Через

руку у него висела куртка.

— Что это вы так рано поднялись, Ричард?

Бекки Перл в свежем домашнем платье наливала мужу кофе. Эйб уже был облачен в свою форму.

— Боже, какой нарядный! Или вы повстречались на взморье с какой-нибудь дамочкой?

— Кому интересно знакомиться со мной? — рассмеялся старик.

— Это вы бросьте! Эйб и то уже беспокоится, оставляя меня каждый день дома в обществе такого привлекательного мужчины.

— И не думай, что это не так, — буркнул Эйб. — Как ты спал сегодня, Дик?

— - Хорошо. — Квин сел напротив своего друга и взял из рук Бекки протянутую чашку кофе. — Ты сам поднялся сегодня раньше обычного, Эйб...

— Начинаются летние заботы. Ночью произошла потасовка — какие-то молокососы перепились на пляже. Не хочешь ли съездить со мной, Дик? Просто так, от нечего делать...

Квин грустно покачал головой.

— Бросьте, Дик, — упрекнула его Бекки. — Просто вы скучаете. Во время отпуска это обычное состояние.

— Отпуска бывают у работающих людей. Не у

таких выброшенных за ненадобностью на свалку, как я, — улыбнулся старик.

— Хорошенький разговор!.. Как вам приготовить сегодня яйца?

— Я выпью только кофе, Бекки, спасибо.

Супруги переглянулись.

— Что слышно от сына, Дик? — спросил Эйб. — Ты, кажется, получил вчера письмо из Рима?

— У Эллери все отлично. Собирается еще поездить по Европе.

— Почему вы не поехали с ним? — спросила миссис Перл. — Разве он не предлагал вам?

— Он звал меня с собой, но я отказался. Он разъезжает по разным странам в поисках материала для своих книг, и я был бы ему обузой.

— Надеюсь, его не окрутила та пустышка? — хмыкнула Бекки Перл.

— Он хотел было отказаться от поездки, — тихо произнес Ричард Квин. — И поехал только потому, что вы и Эйб были так любезны, что пригласили меня на лето к себе.

— Стоит ли говорить об этом?

— Может быть, ты все-таки поедешь со мной, Дик? — поднялся с места Эйб Перл.

— Нет, я хочу совершить сегодня небольшой поход. Можно взять твою лодку?

— Бери, ради бога. Что ты спрашиваешь! — С этими словами Эйб Перл расцеловал жену и, ступая так, что посуда в буфете зазвенела, вышел.

Квин видел в окно, как его друг, нахлобучив фуражку с золотым гербом, вывел из гаража черно-белый двухместный автомобиль с мигалкой на крыше и, махнув на прощание рукой, уехал.

«При его способности и популярности, — думал старый Квин, — он может на всю жизнь сохранить свою должность начальника полиции в Таугусе. У Эйба есть голова на плечах. Он сумел сделать себе карьеру. Не многим моложе меня, а посмотрите на него».

-— Опять вы сокрушаетесь о своей жизни, Ричард? — с укоризной проговорила Бекки Перл.

Он обернулся, покраснев.

— Ведь вы вовсе непохожи на таких людей, как, например, Джо Перл, — ласково продолжала она. — Брат Эйба не имеет никакого образования, и он закоренелый холостяк к тому же... Джо только и знал, что свою работу. Всю жизнь простоял за станком, а когда стал слишком стар и болен, чтобы продолжать работать, у него не оказалось ровным счетом ничего — ни семьи, ни сбережений, кроме нескольких долларов пенсии и чека, который ему ежемесячно посылает Эйб. Таких,

как Джо, миллионы, Ричард. У вас — иное дело, вы здоровы, у вас преуспевающий сын, вы прожили интересную жизнь, у вас хорошая пенсия и никаких забот о завтрашнем дне. Кому же лучше: вам или Джо Перлу?

Квин усмехнулся. «Дадим-ка Эйбу повод к ревности! » Он поднялся с места и нежно поцеловал жену своего друга.

— Ричард! Вы — дьявол! — зарделась Бекки.

— Стар, да? А ну дайте-ка сюда яйца, да не пережарьте бекон!..

Однако, когда он покинул дом и направился к подержанному катеру, купленному Эйбом из вторых рук, его сердце наполняла горечь. Люди по-разному переносят свои невзгоды. Человеку мало хорошо прожитого прошлого и обеспеченного будущего. Бекки упустила из виду самое главное. Человек нуждается в настоящем. Ему необходима деятельность.

Мотор профукал до самой бухты и заглох как раз, когда катер подходил к пристани. Ричард Квин причалил, закрепил трос на кнехте и хмуро огляделся вокруг. Пристань была пуста, и на пляже не было никого, кроме миловидной полнеющей женщины в нейлоновом халатике медицинской сестры, которая читала журнал,

сидя на песке рядом с покрытой кисеей детской коляской.

Старик помахал рукой, чтобы привлечь ее внимание. Женщина растерянно взглянула в его сторону.

— Нельзя ли купить здесь немного бензина? — крикнул он.

Женщина энергично затрясла головой, предостерегающе показывая в сторону коляски. Квин выбрался на пристань и направился к ней, шагая по песку. Песок был отличный, чистый, словно свежевыстиранная скатерть, и у старика возникло чувство неловкости, что он портит его, оставляя на нем свои следы.

— Извините, — сказал он, снимая шляпу. — Я разбудил ребенка?

Нянька осторожно склонилась над коляской и тут же выпрямилась с улыбкой.

— Нет, нет. Он спит как сурок.

Ричард Квин подумал, что никогда прежде не видел более приятной улыбки. Женщина была довольно крупная, пышущая здоровьем: красивый носик шелушился от загара. «Ей около пятидесяти», — решил он. У него был богатый опыт в определении возраста; на вид же ей нельзя было дать больше сорока.

Она отошла с ним в сторону от коляски.

— Не хватило горючего?

— Да, забыл проверить бак. Это не мой катер, — извиняющимся тоном произнес он, — да и сам я не ахти какой мореплаватель. Едва добрался до вашей пристани — и тут увидел вас...

— Вы — нарушитель границы, — сказала она с усмешкой. — Это частное владение.

— Знаю, остров Нэр, — кивнул он. — Но я в отчаянии. Вы не разрешите мне купить немного соку для этой адской машины?

— Вам следует спросить об этом хозяина, мистера Хамфри, но уверена, что это ни к чему не приведет. Он даже может вызвать полицию из Таугуса.

— А он дома?

Старик усмехнулся при мысли о том, как будет мчаться сюда Эйб Перл для того, чтобы взять его под стражу.

— Нет. — Она рассмеялась, словно разгадав его мысли. — Они отправились катером в Ларчмонт — посмотреть на гонки яхт.

— Значит, если я сам помогу себе, никто не узнает?

— Кроме меня.

— Позвольте мне взять несколько галлонов. Я

пришлю мистеру Хамфри чек.

— Вы поставите меня в неловкое положение.

— Я даже не упомяну вашего имени, — торжественно произнес он. — Кстати, как вас зовут?

— Шервуд. Джесси Шервуд.

— А меня — Ричард Квин, миссис Шервуд.

— Мисс Шервуд, — поправила она.

— О, — протянул он. — Рад познакомиться с вами.

— Я — тоже, — отвечала она.

Они улыбнулись друг другу. Ласково грело солнце. Голубое небо, солнечные блики на воде, ветерок, пахнущий солью.

— У меня нет никаких дел, мисс Шервуд, — сказал он. — Почему бы нам не посидеть и не поболтать вдвоем?

Улыбка исчезла с ее лица.

— Если мистеру и миссис Хамфри станет известно, что я встречаюсь с посторонними людьми в то время, как нянчу ребенка, меня мигом уволят и будут совершенно правы. А я очень привязана к маленькому Майклу. Боюсь, что не смогу принять ваше предложение, мистер Квин.

«Какая милая женщина», — подумал он.

— Виноват, — произнес Квин, — простите, но я подумал... Я — старинный приятель начальника

таугусской полиции Перла. Я живу в их доме на взморье.

— Я, конечно, уверена, что мистер Хамфри не будет возражать, — сказала она. — Но он так беспокоится за ребенка!

— Это их первенец?

— Да.

— Что ж, тогда понятно. Родители никогда не могут быть излишне осторожны в отношении своих детей, особенно, если они богаты.

— Хамфри — мультимиллионеры.

— Начальник полиции говорил мне, что на острове Нэр живут богачи. Помню одно дело о похищении, которое расследовал несколько лет назад...

— Разве вы — полицейский офицер, мистер Квин?

— Был, — сказал он. — В Нью-Йорке. Но меня уволили в отставку.

— В отставку? Вас? В вашем возрасте?

— А сколько, вы думаете, мне лет? — воззрился он на нее.

— Лет пятьдесят пять?

— Ну, это вы говорите просто так.

— Я никогда ничего не говорю «просто так».

— Что ж, процитирую вам параграф 434-а тире

21, пункт «с» Административного кодекса города Нью-Йорка, — мрачно сказал он. — Там говорится буквально следующее: «Ни один из сотрудников полицейских сил, за исключением полицейских хирургов... » и так далее... «достигший возраста 63 лет, не может продолжать службу в полиции и должен быть уволен в отставку с зачислением на пенсию». — Он выложил все это одним духом и затем добавил: — Видите, я выучил это наизусть.

— Шестьдесят три... — Скептическое выражение появилось на ее лице.

— Исполнилось в последний день моего рождения.

— Никогда бы не поверила, — покачала она головой.

Послышался пронзительный плач.

Няня кинулась к коляске, и он последовал за ней. Он не мог не заметить, как округлы ее бедра, молоды плечи, красивы ноги.

Оказалось, что ребенок просто заплакал во сне.

— Скоро он проснется и будет просить есть, — нежно проговорила няня, поправляя полог. — Вы гостите здесь вместе с женой?

— Я — вдовец почти столько лет, сколько вам от роду, мисс Шервуд.

— Вы — душка! В январе мне исполнится пять-

десят. Вот уже двадцать пять лет, как я имею диплом медсестры.

— О, вы, должно быть, очень опытная медсестра! А разве ребенок болен?

— Боже мой, нет! Это здоровущий маленький поросенок!..

Именно таким он и был. У него были пухлые ручки и ножки, крепкая грудка и розовые щечки. Он спал, закрыв ручками голову, в смешной позе самозащиты и беспомощности; его шелковистые бровки были сдвинуты, словно он хмурился. Ричард Квин подумал: он выглядит, как... как... Но не смог найти нужного слова. Для выражения некоторых чувств не существует слов. Он был удивлен, что эти чувства все еще владеют им.

— Миссис Хамфри... Она так беспокоится за ребенка, что не хочет доверить его обыкновенной няне, — продолжала Джесси Шервуд. — А я почти все эти годы была педиатрической сестрой в родильном отделении. Обычно я не соглашаюсь на такую работу, как эта — совершенно здоровый ребенок! Я могла бы ухаживать за кем-нибудь, кто действительно нуждается в моей помощи. Но в последние годы я переутомилась и решила отдохнуть. А мистер Хамфри так щедр...

Она внезапно замолчала. Почему она говорит

все это совершенно постороннему, незнакомому человеку?

— И вы никогда не были замужем? — как бы между прочим спросил Квин.

Выражение ее лица изменилось.

— Была помолвлена. Во время войны.

Глаза ее сузились, но на этот раз не от улыбки.

— Он был врач. Его убили в Нормандии.

Старик кивнул. Он стоял рядом с ней над коляской, глядя сквозь полог на спящего ребенка.

«О чем ты думаешь? — сказал он себе. — Энергичная, привлекательная женщина... А ты? Высушенный старый глупец».

Он принялся застегивать куртку.

— Не могу выразить, как мне было приятно собеседовать с вами, мисс Шервуд.

— Уже уходите?

— Да, мне пора, Бекки... — я хочу сказать: миссис Перл — будет нервничать, если я опоздаю к ленчу. Она пытается нарастить немного мяса на моих костях.

— Не понимаю, зачем? — удивилась Джесси Шервуд. — Мне кажется, вы прекрасно сложены...

— Для человека моего возраста? — Он улыбнулся. — Надеюсь, мы еще встретимся.

— Да, — сказала она, понизив голос. — Я не знаю здесь ни одной живой души. По четвергам я просто с ума схожу. Это мой выходной...

— Я понимаю вас, — просто сказал он. Улыбка застыла у него на лице. — Что ж, до свидания, мисс Шервуд. Еще раз спасибо.

— До свидания, — ответила Джесси.

... Он даже не помахал ей на прощание рукой, когда катер отошел от пристани.

Четвертое июля пришлось на понедельник и стало одним из самых шумных празднований Дня независимости, которые когда-либо знала медсестра Шервуд. Несмотря на запрет, фейерверки вспыхивали, свистели, шипели и пронзительно завывали в небе над островом Нэр весь день и вечер напролет, отчего маленький Майкл все время капризничал. Его настроение передалось всем обитателям дома. Миссис Хамфри заламывала руки и не находила себе места; миссис Шарбедо, повариха, пережарила телятину и яростно переругивалась с миссис Ленихэн, экономкой. Миссис Ленихэн придиралась к Розе Хили, горничной верхнего этажа, и унижала Марию Томкинс, горничную нижнего этажа. Даже старый садовник Столлингс, невозмутимейший из людей, грозился расквасить нос шоферу Генри Каллэму, если тот

будет осаживать машину на газон.

И Элтон Хамфри был раздражен. Единственная дорога на острове была запружена весь день, словно это была главная улица Таугуса: окружающие воды бурлили до самого вечера от сотен празднично разукрашенных лодок с материка и Каллэма пришлось направить на вахту на пляж, принадлежавший семейству Хамфри, — изгонять всех желающих расположиться там пикником.

Но хуже всего было то, что Рональд Фрост устроил ему сцену.

Фрост был племянником Хамфри, единственным сыном его покойной сестры. Он жил на маленький доход, который приносило ему небольшое поместье матери, большую часть времени гостил у своих многочисленных друзей, занимавших положение в свете, вертясь вокруг какой-нибудь случайной девицы или обучая чью-нибудь кузину игре в теннис.

На остров он явился одновременно с родственниками Сары Хамфри, приехавшими из Эндовера, Молдена и Кембриджа на уик-энд; но если Стайлзы, люди почтенного возраста, были достаточно воспитанны, чтобы уехать в воскресенье вечером, Рональд Фрост задержался и на День независимости. Что именно побудило его

к этому, Джесси Шервуд не понимала, — разве только дядюшкин бар с напитками.

Рон был младшим изданием дяди — высокий, худощавый, с узкими плечами, безжизненными каштанового цвета волосами и слегка выпученными глазами. Однако у него была неприятная улыбка — полуелейная-полупрезрительная; к тому же он отвратительно обращался с прислугой.

Перепеленывая ребенка, Джесси Шервуд слышала из детской комнаты отголоски ссоры: кабинет мистера Хамфри был расположен через холл. Очевидно, Рон Фрост погряз в долгах и рассчитывал, что дядюшка вытащит его.

— Боюсь, Рональд, что на этот раз ты должен будешь искать помощи в другом месте, — услышала Джесси холодный, слегка гнусавый голос хозяина.

— Что?! Ты это серьезно?!

— Никогда в жизни не был более серьезен.

— Но, дядюшка Элтон, я попал в чертовское положение!

— Если ты умеешь попадать в такие положения, то пора бы тебе научиться и выпутываться из них.

— Я просто не верю! — Фрост был ошеломлен. — Ты же никогда не отказывал мне прежде. Что с

тобой, дядя? Только не говори, что у тебя денежные затруднения!

— У меня не бывает денежных затруднений, Рональд. (Джесси Шервуд точно увидела ледяную улыбку миллионера.) Теперь я понимаю истинную причину твоего приезда, поэтому...

— Минутку, — перебил Рон Фрост. — Я хочу внести ясность. Это временное раздражение из-за того, что день был таким беспокойным, или ты разлюбил меня навсегда?

— В переводе на английский, — уточнил мистер Хамфри, — ты, очевидно, хочешь знать: каприз ли это или линия поведения? Линия поведения, Рональд! Я нашел лучшее употребление своим деньгам, чем оплачивать твои карточные долги и увеличивать счета твоих приятельниц.

— Это отродье... — пробормотал Фрост.

— Прошу прощения?

— Этот ублюдок, которого ты где-то подобрал!..

— Ты пьян!

— Не настолько, чтобы не суметь сосчитать, сколько будет дважды два!.. Это все пустая болтовня — твои слова о фамильной чести, обещания, которые ты дал моей матери!..

— Ты тоже многое обещал, — отрезал дядя. — И главное — прекратить паразитическую жизнь.

Между прочим, тебе придется извиниться за свои выражения в адрес моего сына!

— Твоего сына! — вскричал Фрост. — Этот ублюдок — твой сын?!

— Вон отсюда!

— Правда глаза колет? Ты заставил меня думать, что я буду твоим наследником, а теперь этот маленький паршивец...

— Прости меня господь, — отчетливо произнес Элтон Хамфри. — Но если ты, Рональд, немедленно не уберешься отсюда, я спущу тебя с лестницы...

Наступило молчание.

Затем Джесси Шервуд услышала нервный смешок Фроста:

— Сожалею, дядя. Боюсь, что я немного перепил. Я, конечно, приношу свои извинения.

Снова наступило молчание.

— Ладно, — сказал Хамфри. — А теперь покинь мой дом.

— Да, да, — отозвался Рон Фрост.

Она услышала. его удаляющиеся шаги, но он тут же вернулся и остановился перед дверью в кабинет.

— Пожалуйста, поблагодари тетю, Сару от моего имени, дядюшка. В этих условиях...

— Понимаю. — Голос Хамфри звучал глухо.

— Ну, что ж... пока, дядюшка Элтон.

— Счастливого пути, Рональд.

— Надеюсь вскоре повидать тебя и тетю.

Ответа не последовало.

Фрост неуверенными шагами спустился по лестнице, и вскоре Джесси услышала, как его «ягуар» зашуршал шинами по шоссе.

День прошел ужасно, и, когда наступил вечер, она с облегчением легла в постель, прочла молитву и пыталась заснуть.

В два часа ночи она еще не спала.

Остров Нэр давно погрузился во мрак и был объят тишиной. Шорох прибоя, убаюкивающий Джесси каждый вечер, был единственным звуком, который доносился до ее слуха, если не считать шума запоздалых машин, покидавших остров; но сегодня ритм прибоя, казалось, подгоняет ее пульс. В доме все спали; окна двух комнат, расположенных над гаражом, в которых жили Столлингс и Каллэм, были давным-давно темны. В ее спальне не было душно: прохладный ветерок задувал с моря, и ей даже пришлось подняться, чтобы взять стеганое одеяло.

Почему же она не может заснуть?

Дело, конечно, не в ребенке. Он высосал до дна

свою бутылочку молока и заснул, словно ангелочек. Когда она зашла к нему, перед тем как лечь в постель, его маленькое личико было безмятежно, он спокойно дышал. И не приближающееся время кормления мешало ей заснуть — вот уже десять дней, как маленький Майкл был отлучен от своей ночной порции и с тех пор спал всю ночь напролет.

«По-видимому, это результат дневных треволнений, — решила Джесси. — Фейерверки, суматоха, нервничающая миссис Хамфри, ссора между дядей и племянником... А может быть (она почувствовала, как кровь прилила к ее щекам), может быть, это имеет отношение к тому человеку, Ричарду Квину? »

Джесси должна была признать, что вела себя на пляже, как легкомысленная девчонка. Думать о мужчине шестидесяти трех лет от роду! Дать ему понять, что у нее выходной в четверг... А в выходной день она даже отправилась на общественный пляж в Таугус и весь день просидела на песке под взятым напрокат зонтиком, надеясь, вопреки всему, и в то же самое время чувствуя себя до чрезвычайности глупо. Что если бы он вдруг появился? Ее фигура в купальном костюме была неплоха для ее возраста, но вряд ли могла

соревноваться с этими загорелыми дочерна и почти обнаженными молодыми бабенками, порхавшими по пляжу. Итак, она злилась на себя за тот день — и все же была разочарована. Он был так мил, так моложав и так удручен своим возрастом и отставкой... Конечно, он не пришел. Он должен хорошо знать женщин, раз он всю жизнь был полицейским офицером.

И все же она была огорчена. Они нашли бы много общих тем для разговоров. Всякие интересные случаи, с которыми ей пришлось сталкиваться, когда она работала у важных особ. И он, наверное, знает множество захватывающих историй... Честное слово, она вовсе не так уж плохо выглядела в купальном костюме. Она самокритично разглядывала себя в зеркале в ванной комнате, перед тем как решиться отправиться на пляж в тот день. Во всяком случае, у нее было мясо на костях. И кожа у нее совсем без морщин, просто удивительно для женщины в сорок девять лет. Сколько лет Марлен Дитрих?..

Джесси Шервуд повернулась и зарылась лицом в подушку.

И вдруг в воцарившейся после этого тишине она услышала звук, от которого все посторонние мысли мигом улетучились у нее из головы. Это

был звук открываемого в детской окна.

Она прислушалась.

Детская находилась в угловой комнате с двумя окнами, одно из которых выходило на дорогу и в сад, а второе — на море. Обычно, когда ребенок спал, она распахивала оба окна настежь; но сегодня дул бриз, и она закрыла окно, выходящее на море. Раму другого окна она опустила почти до самого низа, оставив его приоткрытым всего на три-четыре дюйма. Ей казалось, что открывается именно это окно.

Вот опять! И опять!

Это были короткие, тихие, скребущие звуки, словно раму окна поднимали на полдюйма зараз, осторожные толчки с паузами между ними, чтобы прислушаться.

«Родители никогда не могут быть излишне осторожны в отношении своих детей, особенно если они богаты... »

Это сказал он.

«Дело о похищении, которое я расследовал несколько лет назад... »

Похититель детей!

Джесси Шервуд мгновенно соскочила с постели, схватила халат, накинула его поверх ночной рубашки и бросилась в комнату маленького

Майкла.

При слабом свете ночника она увидела темный силуэт мужчины. Одну ногу он перенес через подоконник, другая, очевидно, стояла на верхней ступеньке приставной лестницы. Его голова была наполовину скрыта приподнятой рамой окна.

Мисс Шервуд издала истошный крик. Человек в окне исчез.

Поднялась суматоха. Мистер Хамфри вбежал в детскую, застегивая на ходу наскоро надетую пижаму; миссис Хамфри появилась следом и, с криком вырвала ребенка из рук няни; миссис Ленихэн, миссис Шарбедо и обе служанки толклись на лестнице, ведущей с третьего этажа, натянув на себя что попало и спрашивая друг друга, что случилось; зажегся свет и в комнатах мужчин над гаражом. Ребенок громко заплакал, миссис Хамфри завопила еще пронзительнее, мистер Хамфри кричал, требуя объяснений, — и Джесси Шервуд хотела, чтобы ее услышали в этом бедламе!.. Когда наконец она рассказала о том, что видела, и Элтон Хамфри высунул голову из окна, дорога была пуста; старый Столлингс и Генри Каллэм, босые и в пижамах, стояли под окном и глядели вверх, растерянно спрашивая, что произошло.

Длинная лестница была прислонена к стене

у окна.

— Обыщите участок! — крикнул Элтон Хамфри двум седым людям внизу. — Я позвоню в сторожку.

Он повернулся, кипя от раздражения.

— Не понимаю, за что мы платим этим охранникам. То ли этот сумасшедший Питерсон спал, то ли пьян. Сара, прекрати немедленно, прошу тебя! Передай Майкла мисс Шервуд. Ты напугала его до смерти!

— О, Элтон, подумать только, что это мог быть похититель! — истерически вскричала миссис Хамфри.

— Глупости. Какой-нибудь воришка, а мисс Шервуд спугнула его. Дай сюда ребенка.

— Я возьму его, мистер Хамфри, — сказала Джесси Шервуд. — Миссис Ленихэн, будьте любезны, принесите из холодильника бутылочку молока... Сегодня мы сделаем для тебя исключение, родненький! Но сперва давай поменяем тебе пеленки... — Она отнесла младенца в ванную комнату и плотно прикрыла за собой дверь.

Когда она вышла оттуда, в комнате находился один Элтон Хамфри, который наблюдал за греющимся на электроподогревателе молоком.

— Как Майкл? — коротко спросил он.

— Отлично, мистер Хамфри.

— Вы уверены, что это был мужчина?

— Да, сэр.

— Вы не узнали его?

— Я не видела его лица, — тихо ответила Джесси, — а все остальное было черным силуэтом. Но, мистер Хамфри, я уверена, что это был не просто воришка!

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Зачем воришке было лезть в дом через верхний этаж? Ведь окна внизу не заперты.

Элтон Хамфри не ответил. Джесси взяла теплую бутылочку, села в кресло-качалку и принялась кормить младенца.

— Мистер Хамфри! — послышался голос Калльэма снизу.

— Ну?

— Ни единой души, — доложил шофер.

Столлингс, стоявший рядом с ним, кивнул в подтверждение.

— Все оденьтесь и побудьте некоторое время внизу.

Он задернул занавески с изображениями зверюшек.

Джесси обратила внимание на то, как осторожно он действовал при этом, чтобы не прикоснуть-

ся к раме. Затем он обернулся к ней; лицо у него было насупленное.

— Может быть, все же вызвать полицию, мистер Хамфри? — спросила Джесси.

— Конечно, — сказал он.

За стеной зазвонил телефон, и старик мгновенно проснулся. Он услышал сонный голос Эйба Перла:

— Слушаю. — И затем совсем другим, энергичным тоном: — Немедленно выезжаю. Пусть меня встречают Тинни и Борчер.

Когда начальник полиции вышел из своей спальни, в холле его ожидал старик.

— Дик! А ты зачем встал?

— Услышал телефонный звонок. Неприятности, Эйб?

— Странное происшествие на острове Нэр, — пробурчал тот. — Может быть, хочешь включиться?

— Остров Нэр? А что там стряслось?

— Кто-то пытался проникнуть в дом одного из тамошних богачей. В детскую комнату. Возможно, попытка похищения.

— Не в дом ли Хамфри?

— Вот именно, — подтвердил Эйб Перл.

— Никто не пострадал?

— Нет, вора спугнули... Но как ты угадал, Дик?

— Я буду готов через три минуты.

... Дом Хамфри был ярко освещен. Один из людей Перла обследовал лестницу и дорогу, другой в детской комнате расспрашивал мистера Хамфри и няню. Миссис Хамфри сидела в кресле-качалке, кусая губы, но уже успокоившаяся.

Старик и Джесси Шервуд взглянули друг на друга в тут же отвели глаза. Она покраснела и еще плотнее завернулась в халат. «Как назло, я сегодня в хлопчатобумажной сорочке! — подумала она. — Почему я не выстирала орлоновую?! »

Начальник полиции подошел к окну.

— Это ваша лестница, мистер Хамфри?

— Да.

— Где она обычно хранится?

— В сарае, где Столлингс, мой садовник, держит свои инструменты и прочее.

— А ну взгляните, Борчер!

Детектив вышел.

Эйб Перл обернулся к Джесси.

— Скажите, вы узнали бы этого человека при встрече? — спросил он.

— Сомневаюсь. Когда я вбежала в детскую, он сразу исчез.

— Вы услышали шум автомобиля?

— Нет. То есть не обратила внимания. Не помню.

— Слышали или нет?

Джесси бросило в жар.

— Я же вам сказала, что не знаю!

— Ладно, — произнес начальник полиции. — В такие моменты люди обычно возбуждены.

Он отвернулся от нее, и Ричард Квин прищурился. Сейчас его друг думает: оставить няню под вопросом. Естественно, ведь Эйб не знал ее. Квин сам удивился тому, что думал о ней так, словно они были знакомы долгое время.

— Вы слышали шум отъезжающего автомобиля, мистер Хамфри?

— Не могу сказать. Здесь было так шумно после того, как мисс Шервуд закричала.

Эйб Перл кивнул.

— Если он приехал на машине, он мог оставить ее у дороги вне пределов вашего поместья. Ваши люди не видели никаких следов?

— Нет.

— Следов? — проговорила Сара Хамфри.

— Сара, не думаешь ли ты, что тебе лучше отправиться спать? — резко спросил муж.

— Нет, Элтон, прошу тебя... Все равно я сейчас не засну. Я хорошо себя чувствую, дорогой.

— В состоянии ли вы ответить на несколько вопросов, миссис Хамфри? — Голос начальника полиции был почтителен.

— Да. Только я ничего не могу вам сообщить...

— Относительно вашей прислуги, я имею в виду.

— Прислуги? — повторила Сара Хамфри.

— Простая формальность, миссис Хамфри. В подобных случаях ни в чем нельзя быть уверенным. Сколько человек находится у вас в услужении и как давно?

— Наша экономка миссис Ленихэн служит у нас со времени нашей свадьбы, — начала миссис Хамфри. — Миссис Шарбедо, кухарка, — почти десять лет. Роза Хили и Мария Томкинс — служанки, обе из Бостона, и тоже работают у нас несколько лет.

— А что вы скажете о тех двух стариках в саду?

— Столлингс, садовник, — ответил Элтон Хамфри, — из местных; мы наняли его с первого же дня, как приобрели это поместье. Зимой он — сторож. Генри Каллэм, шофер, возил еще моего отца. Я могу поручиться за обоих. И за всех женщин тоже. Мы очень внимательно относимся к отбору прислуги, мистер Перл.

— А как насчет мисс Шервуд? — как бы невзначай спросил Перл.

— Это безобразие! — возмущенно воскликнула Джесси.

— Мисс Шервуд нанята за неделю или около того до появления ребенка. Она была нам горячо рекомендована доктором Холидеем, известным педиатром, а также доктором Виксом из Таугуса, который является нашим домашним врачом в летний период.

— Вы проверили ее рекомендации, мистер Хамфри?

— Конечно, весьма внимательно.

— Я работаю дипломированной сестрой уже более двадцати трех лет, — прорвалась Джесси Шервуд, — и мне всякое пришлось видеть все это время, но это уж слишком! Если бы я была сообщницей какого-нибудь психопата, собиравшегося похитить ребенка, неужели вы думаете, я бы закричала и позвала на помощь?!

— Просто я хотел представить себе общую картину, — мягко произнес начальник полиции и вышел.

— Не вините шефа, это его работа, — не обращаясь ни к кому в частности, проговорил инспектор Квин.

Джесси Шервуд вскинула голову.

Когда Эйб вернулся, он сказал мистеру Хам-

фри:

— Лестница пыльная. Возможно, мы отыщем какие-нибудь отпечатки. Мисс Шервуд, вы не заметили, не был ли этот человек в перчатках?

— Не могу сказать, — коротко ответила Джесси.

— Что ж, сейчас мы больше ничего не можем сделать, мистер Хамфри. Думаю, что теперь вам не о чем беспокоиться, но если хотите, я могу оставить здесь своего человека.

— Благодарю, — отозвался Элтон Хамфри. — И еще, мистер Перл...

— Слушаю вас, сэр?

— Я хотел бы избежать гласности...

— Я дам указание, чтобы мальчики в управлении держали язык за зубами... Дик? — Начальник полиции взглянул на своего друга.

Ричард Квин выступил вперед.

— Один вопрос, если вы не протестуете, мистер Хамфри. Это ваш ребенок?

Сара Хамфри вздрогнула. Элтон Хамфри чуть ли не в первый раз взглянул на старика.

— Не сочтите это за оскорбление, — продолжал инспектор Квин, — но вы сказали начальнику полиции, что у вас нет других детей. Я просто подивился: ведь в вашем возрасте несколько

поздновато обзаводиться первым ребенком.

— Это ваш человек, начальник? — спросил миллионер.

— Инспектор Квин из департамента полиции Нью-Йорка, в отставке, — быстро ответил Эйб Перл. — Он был моим заместителем, когда я гонялся за манхаттенскими преступниками, мистер Хамфри. Он гостит у меня.

— А, тот самый человек, который прислал мне чек на полтора доллара! — протянул Хамфри. — Вы постоянно одалживаетесь чужим бензином, сэр?

— Я объяснил это вам в своей записке.

— Да. Что ж, инспектор, я считаю ваш вопрос неуместным.

— Но вы не ответили на него, — улыбнулся Ричард Квин.

— Майкл — усыновленный ребенок. А в чем дело?

— Возможно, что его происхождение может объяснить случившееся, мистер Хамфри, вот и все.

— Уверяю вас, это абсолютно исключено, — ледяным тоном произнес миллионер. — Если у вас нет к нам больше дел, джентльмены, прошу извинить миссис Хамфри и меня.

Джесси Шервуд было интересно, скажет ли ей Ричард Квин что-нибудь перед тем, как уйти.

Но тот лишь вежливо глянул в ее сторону и последовал за шефом полиции города Таугус.

Во вторник вечером, после ужина, Джесси Шервуд поднялась наверх, заглянула в детскую, затем переоделась в легкое голубое платье, привела в порядок прическу, припудрила нос и выскользнула из дома.

Шагая по дороге, она подумала: о чем, интересно, разговаривает чета Хамфри, когда остается наедине? Сейчас супруги сидели на веранде, посасывая шерри-бренди и молча глядя в морскую даль. В компании других они были достаточно разговорчивы — миссис Хамфри была болтушкой в полном смысле слова, а ее супруг отличался язвительностью; однако, хотя Джесси десятки раз заставала их наедине, ей ни разу не пришлось прервать их беседы. «Странные люди», — подумала она. И вздрогнула. Неожиданно из-за высокой поросли горного лавра неподалеку от сторожки появился человек и посветил ей в лицо карманным фонариком.

— Извините, мисс Шервуд.

— Ничего, ничего, — пробормотала Джесси.

Это был один из трех охранников, нанятых

Элтоном Хамфри сегодня утром в частном детективном агентстве Бриджпорта. Это были люди с каменными лицами, которые появлялись и исчезали неслышно, словно кошки.

Обогнув поворот шоссе, она зашагала быстрее. Воздух был солоновато-сладким от морского бриза и цветущих садов; придорожные фонари осаждались мириадами мотыльков и бабочек. Вокруг царили тишина и покой, но Джесси спешила вперед.

Вот и ворота, преграждавшие дорогу у начала дамбы.

— Мистер Питерсон?

Высоченный сторож маячил в дверях сторожки.

— Хотите выйти? — мрачно спросил он.

— Нет, просто дышу свежим воздухом. Что-нибудь случилось, мистер Питерсон? Вы озлоблены на весь свет...

— А вы думаете, что я тут развлекался в этот уикэнд? — проворчал сторож. — Знаете, сколько тут прошло машин за вчерашний вечер? А от меня еще требуют, чтобы я помнил, кто приезжал и уезжал!

— Просто безобразие, — посочувствовала Джесси. — При таком движений я бы не винила вас,

даже если бы вы вообще оставили ворота открытыми на всю ночь!

— Именно так я и сделал, мисс Шервуд.

— Даже в два часа ночи?

— Почему бы нет? Откуда я мог знать?..

— Конечно. Вы, должно быть, сильно утомились и отдыхали в сторожке?

— Факт!

— И конечно, не могли видеть машину, которая проехала после полуночи и уехала около двух часов.

— Я видел только ее зад, — хмуро отвечал Питерсон. Джесси глубоко вдохнула напоенный ароматом цветов воздух.

— Бьюсь об заклад, это была машина, которую вы знали и поэтому не задержали ее.

— Вроде того. Я не видел лица водителя, но и он, и машина показались мне знакомыми.

— А что это была за машина, мистер Питерсон?

— Иномарка. «Ягуар».

— Понимаю. — Сердце Джесси начало биться сильнее.

— Вроде той, на которой раскатывает племянник мистера Хамфри. Как его звать-то... Ага, мистер Фрост! Я и подумал, — продолжал сторож, — что это он сам. Весь уик-энд он мотался туда

и обратно...

— Значит, вы не уверены?

— Поклясться не могу. — Сторож покачал головой. Что ж, — улыбнулась Джесси, — пусть это вас не беспокоит, мистер Питерсон. Я уверена, что вы хорошо несете свою службу.

— Спасибо на добром слове!

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мисс Шервуд, — тепло попрощался Питерсон.

Он вернулся к сторожке, а озабоченная Джесси зашагала обратно.

— Приятной прогулки, — послышался вдруг мужской голос.

Сердце Джесси подскочило в груди.

— Мистер Квин! — воскликнула она. — Что вы тут делаете?

Он стоял перед ней на дороге и улыбался.

— То же, что и вы, мисс Шервуд. Разыгрываете роль детектива? — Он рассмеялся и взял ее под руку. — Позвольте мне проводить вас.

Джесси кивнула несколько чопорно, и они зашагали по дороге мимо высокой каменной ограды, увитой плющом и розами, и луна светила им сверху, словно сыр чеддер, и солено-сладкий воздух щекотал ноздри. «Сколько лет прошло с

тех пор, — подумала она, — как я гуляла вот так, при луне, с мужчиной под руку? Последним был Клем — перед отъездом туда, на войну... »

Старый человек рядом с ней неожиданно проговорил:

— Вы подозреваете Рона Фроста?

— Почему вас это так интересует? — ответила вопросом Джесси.

— Скажем так: я не терплю преступлений, связанных с окнами детских комнат. — Голос его звучал сердито. — И если я могу оказать помощь Эйбу Перлу...

Какой-то неутомимый патриот, находящийся в море, запалил в небе римскую свечу. Они остановились, наблюдая разрывы и всплески огненных шаров. На несколько секунд остров осветился. Затем снова все окуталось мраком.

Она ощутила его беспокойное движение.

— Пожалуй, мне пора возвращаться, — сухо произнесла Джесси и двинулась дальше. — Относительно вашего вопроса, мистер Квин. Пожалуй, мне не следовало бы говорить этого, покуда я получаю жалованье у Хамфри, но я люблю угрозы по отношению к детям еще меньше, чем вы. Рональд Фрост вчера поссорился с мистером Хамфри из-за Майкла.

И она рассказала о том, что ей довелось услышать из детской.

— Итак, Фрост рассчитывал на наследство своего дядюшки, а теперь младенец встал ему поперек пути, — задумчиво произнес Ричард Квин. — А Фрост был хорошо нагружен виски, когда уезжал?

— Ему было что пить.

— Сегодня утром, на похмелье, у него на столе стояла пустая бутылка из-под виски. По-видимому, он вчера вечером выпил лишку. Может быть...

— Вы его видели?

— Я заезжал к нему в Старый Гринвич. В порядке услуги Эйбу Перлу.

— И что же вам сказал Фрост?

— Он сказал, что явился домой поздно ночью и лег спать. Он живет один, поэтому его никто не видел. Иными словами, алиби у него нет.

— Но он возвращался сюда вчера ночью или нет?

— Неужели вы думаете, что он признается в этом? (Она почувствовала, что Квин улыбается.) Во всяком случае, он выглядит напуганным... Это я утверждаю с гарантией. Если это Фрост пытался влезть в окно — уверен, что он не захочет повто-

рить подобную штуку.

Джесси вздрогнула.

— Но зачем ему это было нужно?

— Пьяные плохо соображают.

— Вы не думаете... о выкупе? Он говорил мистеру Хамфри, что погряз в долгах.

— Я ничего не думаю, — ответил инспектор. — Кто бы ни был преступник, но он был в перчатках — ни на лестнице, ни на подоконнике не обнаружено отпечатков пальцев. Мы ничего не можем предъявить Фросту, кроме весьма сомнительного опознания его Питерсоном. Даже если бы у нас были улики — сомневаюсь, чтобы мистер Хамфри захотел бы начать дело, если судить по его сегодняшнему телефонному разговору с Эйбом Перлом. Поэтому советую вам, юная леди, начисто забыть о том, что произошло прошлой ночью!

— Благодарю вас.

«Юная леди»! Джесси отчаянно надеялась, что детектив из Бриджпорта окажется достаточно благовоспитанным и не осветит их карманным фонариком.

Наступило молчание.

— Что ж, — произнесла Джесси, — вы облегчили мне душу, инспектор. И благодарю за то, что вы

проводили меня.

— Это доставило мне удовольствие. — Но в тоне, каким он произнес это, было больше грусти. — Спокойной ночи, мисс Шервуд.

— Спокойной ночи.

Она стояла во мраке, прислушиваясь к удалявшимся шагам и думая о том, увидит ли она его еще когда-нибудь, как вдруг ее ослепил яркий луч.

— Кто это был с вами, мисс Шервуд? — спросил детектив.

— О, убирайтесь прочь, проклятая ищейка! — воскликнула Джесси и бегом бросилась по дороге, словно кто-то преследовал ее.

Так, завязавшаяся было дружба, похоже, оборвалась. Проходили недели, и, хотя Джесси, гуляя с маленьким Майклом по частному пляжу Хамфри, всматривалась в проходящие мимо катера и лодки, а по своим выходным дням пристально разглядывала толпы гуляющих по главной улице или на городском пляже Таугуса, она ни разу не встретила знакомой худощавой фигуры.

Если бы не привязанность к Майклу, она предупредила бы своих хозяев об уходе и покинула остров Нэр. Но она одинока до отчаяния, а маленький Майкл нуждается в ней, продолжала она

твердить, подавляя в себе приступы ревности, когда миссис Хамфри брала у нее ребенка.

Иногда Джесси думала, что должна уйти до того, как ребенок слишком привяжется к ней. Но она тут же отгоняла эту мысль. В унынии, которое внезапно охватывало ее, он был единственным светлым пятном, солнечным лучом во мраке. И она не могла забыть тот ужасный случай ночью четвертого июля. Вдруг попытка выкрасть ребенка повторится, а ее не будет, чтобы защитить его!

... День проходил за днем, наступил конец июля. Тридцать первого, спустя почти четыре недели после той ночи, Элтон Хамфри распрощался с частными детективами.

На другое утро — это был четверг — Джесси вымыла и одела мальчика, накормила его кашкой, напоила молочком и вручила Саре Хамфри.

— Вы уверены, что сумеете управиться с ним? — озабоченно спросила она. (Миссис Хамфри была слегка простужена.) — Я охотно откажусь от выходного. Отгуляю в другой раз.

— Нет, нет. — Миссис Хамфри глядела на Майкла поверх марлевой повязки, прикрывавшей нижнюю половину ее лица.

Джесси хотела бы, чтобы она не нацепляла

такую маску по малейшему поводу и не пугала бы ребенка. Кроме того, Джесси придерживалась взгляда, что чем больше оберегать ребёнка от разных микробов и вирусов в ранние месяцы жизни, когда у него вырабатывается иммунитет, тем более восприимчив к болезням он будет. Но миссис Хамфри следовала советам книги, вернее — книг; их у нее была целая полка возле постели.

— Что вы, это вовсе не нужно, мисс Шервуд. Всего-навсего небольшая простуда. Мы отлично обойдемся без няни — правда, золотой мой?

— Может быть, мне все же вернуться к вечеру? — сказала Джесси.

Майкл уставился своими глазенками на белую маску, и уголки его маленького ротика начали кривиться.

— Не хочу даже слышать об этом. — Миссис Хамфри принялась щекотать животик ребенка. — Тю-тю, крошка! А ну, посмейся, родненький, золотенький мой!

— Мне действительно все равно, когда взять выходной — настаивала Джесси, с трудом сдерживаясь от желания прекратить развлечение своей хозяйки.

Но Майкл прекратил его сам — он принялся сучить ногами и и хныкать. Миссис Хамфри ви-

новато отстранилась от него.

— Не рекомендуется щекотать ребенка, особенно на полный желудок. — Джесси подхватила Майкла, вытерла личико и положила обратно в постельку.

— О боже, — вздохнула Сара Хамфри. — Мне еще надо так многому научиться!

— Не так уж многому, — не удержалась Джесси. — Это всего-навсего вопрос здравого смысла, миссис Хамфри. Наверное, мне все же лучше вернуться сегодня вечером...

— Я решительно запрещаю вам! Я знаю, с каким нетерпением вы ожидали возможности провести вечер в городе...

В конце концов Джесси была вынуждена сдаться. Сидя за рулем своего старенького двухместного «доджа» выпуска 1949 года, она до самой железнодорожной станции твердила, что должна подавить в себе материнский инстинкт. Миссис Хамфри пойдет на пользу, если она сама повозится с ребенком. Матери не должны перепоручать другим заботы о своем ребенке.

И все же Джесси весь день чувствовала себя не в своей тарелке. Это мешало ей хорошо провести время, как она рассчитывала. Она гостила у своей давней приятельницы, Бель Берман, стар-

шей няни нью-йоркского госпиталя и хотя они вместе походили по магазинам, позавтракали в пропахшем вином ресторанчике на 45-й улице, стены которого были обклеены французскими туристскими плакатами, и побывали в кино, мысли Джесси все время возвращались к острову Нэр и несчастному маленькому личику в детской ванне.

Обедали они дома у Бель Берман на 11-й Западной улице, и Джесси беспрестанно поглядывала на часы.

— Что с тобой? — спрашивала ее подруга, убирая со стола посуду. — Можно подумать, что ты оставила тяжело больного пациента.

— Прости меня, Бель, но я очень озабочена младенцем. Миссис Хамфри простужена, и если она распустит себя... Кроме того, она так беспомощна и не умеет простейших вещей!..

— Господи, Джесси! — воскликнула Бель Берман. — Есть ли что-нибудь на свете более здоровое, чем ребенок? Во всяком случае, твоей хозяйке это пойдет только на пользу! Ох уж эти мне богатые матери! Выбрось из головы свои глупости... Нет, нет, я сама вымою посуду, а ты усаживайся поудобнее и развлекай меня разговорами. Кстати, как ты ухитряешься так сохранять

фигуру? Ты же ешь как лошадь!

После обеда к Бель Берман явились несколько ее друзей, и Джесси старалась принять участие в их болтовне о госпитале, вместе с ними добродушно перемывая косточки врачей и сестер, которых они знали. Но с каждой минутой она чувствовала все большее и большее беспокойство. Наконец она поднялась с места.

— Бель, я знаю, ты думаешь, что я — климактеричка или что-нибудь в этом роде, но ради бога извини, если я нарушу наш уговор и не останусь у тебя ночевать.

— Джесси!

— Я не могу вынести мысли, что мой драгоценный мышонок находится в руках этой женщины, которая не умеет обращаться с детьми! — яростно сказала Джесси. — А что, если она расхворалась всерьез? Наши горничные не отличат одного конца ребенка от другого. Если я уйду сейчас же и поймаю такси, то поспею на поезд в одиннадцать ноль пять.

... Она успела на станцию в самый раз. В вагоне было душно, и несчастная Джесси всю дорогу пребывала в болезненном оцепенении, подремывая на своем месте.

В начале первого она вышла из вокзала в Та-

угусе и отперла свою машину. Даже здесь, на побережье, было душно, а «додж» накалился, как печка. Она опустила стекла и, не ожидая, пока в машине станет прохладнее, тут же тронулась в путь. Кровь пульсировала у нее с висках.

Она уже решила, что Чарли Питерсон не выйдет из своей сторожки. Наконец он появился, зевая во весь рот.

— Ну и ночка, — сказал он, отмахиваясь от москитов. — В городе тоже жарко, мисс Шервуд?

— Дьявольски.

— Во всяком случае, там можно спрятаться в кино с кондиционированным воздухом... И что еще больше делает эту работу нестерпимой, это то, что видишь перед собой проклятую воду, а сам буквально закипаешь от жары!

— У меня страшная головная боль, — проговорила Джесси. — Извините меня, мистер Питерсон.

— Простите! — Он отошел от машины.

Теперь, когда Джесси была на острове, ее поведение показалось ей до чрезвычайности глупым. Окна дома Хамфри были темны. Если бы ребенок заболел или простудился — дом бы сверкал огнями. Миссис Хамфри считала само собой разумеющимся, что ее прислуга счастлива разделять с ней ее треволнения, и поэтому без зазрения

совести поднимала всех с постели в тот самый миг, когда что-нибудь казалось ей не так. Но в эту ночь никто, видимо, не был потревожен. Джесси решила оставить машину на площадке, тихо войти, на цыпочках подняться к себе и лечь в постель. Шум мотора, если она станет заводить машину в гараж, может разбудить кого-нибудь.

Джесси выключила зажигание, заперла машину и направилась к дому. Она осторожно прикрыла за собой дверь, и, на ощупь найдя перила, поднялась по лестнице, благодаря бога за то, что она застелена толстым ковром.

Но у своей двери, хотя она старалась вести себя как можно тише, выронила сумку. В тишине погруженного во мрак дома этот звук показался взрывом бомбы.

В поисках сумки Джесси ползала на коленях, придерживая одной рукой шляпу, чтобы она не свалилась с головы, как вдруг резкий, словно взмах хлыста, голос приказал:

— Ни с места!

— О боже! — Джесси нервно рассмеялась. — Это я, мистер Хамфри. Весьма сожалею...

Луч фонарика осветил ее.

— Мисс Шервуд! — Элтон Хамфри стоял с фонариком в одной и с пистолетом в другой руке. — Я

считал, что вы будете ночевать в Нью-Йорке.

Джесси подобрала с пола свою сумку, чувствуя себя по-дурацки.

— Я передумала, мистер Хамфри. У меня началась головная боль, а в городе такая духота...

«Почему он не опускает пистолет? »

— Элтон! Что случилось?

Из двери в спальню хлынул свет. Появилась миссис Хамфри, прихватив рукой на груди халат. Лицо у нее вытянуто от страха.

- Это мисс Шервуд, Сара. — Только теперь Элтон Хамфри сунул пистолет в карман пижамы. — Очень неосмотрительно с вашей стороны, мисс Шервуд, не предупредить нас. Я мог бы вас застрелить. Почему вы не позвонили по телефону?

— У меня не было времени. Я решила ехать в самую последнюю минуту. — Джесси чувствовала, как в ней закипает злоба. Допрашивать ее, словно какую-нибудь преступницу! — Весьма сожалею, что своей неуклюжестью разбудила вас. Ребенок в порядке, миссис Хамфри?

— Был в порядке, когда я в последний раз навещала его. — Сара Хамфри вышла в холл и повернула выключатель. Ее муж молча вернулся в спальню. — Вы уже заходили к Майклу?

— Нет еще. Как ваша простуда?

— О, все хорошо. Майкл капризничал весь день, не пойму только — отчего. Я не оставляла его ни на минуту. Я уже дважды заходила к нему после того, как он уснул. Вы думаете, он мог заразиться от меня?

— Я сейчас взгляну на него, — обеспокоенно произнесла Джесси.

— Я взгляну вместе с вами на Майкла.

Джесси пожала плечами. Она отворила дверь в свою комнату, зажгла лампу над изголовьем постели и швырнула шляпку и перчатки на стол.

— По-моему, я делала все правильно, — говорила миссис Хамфри. — Он закапризничал в половине одиннадцатого, когда, перед тем как лечь спать, я заходила к нему в последний раз, поэтому я положила большую подушку между его головкой и спинкой кроватки. Я боялась, что он может удариться. Его маленькая, хрупкая головка....

Джесси хотела только одного, чтобы ее собственная маленькая хрупкая головка перестала болеть. Стараясь не выказывать своего раздражения, она обратилась к хозяйке:

— Я же вам говорила, миссис Хамфри, что этого не следует делать. Амортизаторы вполне предохраняют его.

Она поспешила в детскую.

— Но он такой неугомонный! — Сара Хамфри остановилась в дверях, из гигиенических соображений прижав ко рту носовой платок.

В детской было душно, хотя при слабом свете ночника Джесси заметила, что жалюзи на окне, обращенной в сторону дороги, были подняты, а окно раскрыто. Кто-то также сдвинул с окна сетку, и комната была полна москитов.

Она готова была ударить эту не способную ни к чему женщину, стоявшую дверях.

На цыпочках Джесси подошла к детской кроватке.

Дурное предчувствие охватило ее. Ребенок сбросил с себя простынку. Он лежал на спине, его пухленькие ножки были раскинуты в стороны, а подушка закрывала лицо и туловище.

Джесси Шервуд показалось, что миллионы лет прошли между тем, как сердце ее сжалось и затем бешено забилось. В это бесконечное мгновение она, словно парализованная, глядела на неподвижное маленькое тело. Затем отбросила подушку, опустила стенку кровати и склонилась над ребенком.

— Зажгите верхний свет, — хрипло велела она.

— Что? Что случилось? — дрожащим голосом

спросила миссис Хамфри.

— Делайте, что вам говорят! Свет!

Сара Хамфри нащупала на стене выключатель, другой рукой все еще прижимая платок к лицу.

Джесси Шервуд, дипломированная медсестра, принялась делать то, что предписано в этих случаях: ее быстрые пальцы работали привычно и хладнокровно, как у хирурга, словно это действительно были пальцы хирурга или кого угодно, но только не ее. Одна мысль засела в ее мозгу: всего два месяца от роду... Всего два месяца...

И продолжая растирать холодное маленькое тельце, стараясь не видеть его таким, какое оно есть, а представлять только таким, каким оно было — у нее на руках, в ванной, в коляске на пляже, — она вдруг поняла, что никогда уже Майкл не станет старше.

— Он умер, — сказала Джесси, не прекращая делать искусственное дыхание. — Задохся... То, что я делаю, — впустую, он уже давно умер, миссис Хамфри. Позовите вашего мужа, вызовите врача — не доктора Холидея, Гринвич слишком далеко отсюда, — вызовите доктора Викса, и не вздумайте упасть в обморок, пока вы этого не сделаете! Пожалуйста, не падайте в обморок, пока вы не вызовите врача!..

Миссис Хамфри пронзительно вскрикнула и потеряла сознание.

С некоторым удивлением Джесси увидела, что обворачивает еще в одну простыню Сару Хамфри в ее спальне. Открытая склянка с нашатырным спиртом стояла на полке возле кровати, рядом с книгами об уходе за детьми, и Джесси поняла, что автоматически делала то, что следовало делать, а может быть, делала это по указаниям доктора Викса — она услышала его голос, доносящийся из холла. Миссис Хамфри лежала поперек кровати, голова ее свисала вниз; она была в сознании и громко стонала, и Джесси стало жаль, что она вывела эту женщину из благословенной страны шока. «Действительно, — подумала Джесси, — Саре Хамфри лучше было бы умереть».

Затем она вспомнила все, и память нанесла ей оглушающий удар. «Боже мой! »

Она уложила стонущую женщину поудобнее и вышла.

Теперь она припомнила все. Где она была? Как долго это продолжалось? У доктора Викса должно было уйти немало времени, чтобы одеться и приехать сюда. Сколько времени он здесь находится?

Доктор разговаривал с Элтоном Хамфри в холле. Миллионер с мрачным видом прислонился

к стене, прикрывая рукой глаза, словно им было больно от света.

— Это всегда под сомнением, мистер Хамфри, — говорил доктор Викс. — Боюсь, что наши познания о таких вещах недостаточны. В некоторых случаях причиной является широко распространенная рассеянная инфекция, возможно, вирусного происхождения, которую можно обнаружить исключительно при вскрытии, и то не всегда. Возможно, именно это и произошло. Если вы дадите согласие на вскрытие...

— Нет, — сказал Элтон Хамфри. — Нет.

Джесси Шервуд вспомнила, как на крик жены он вбежал в детскую, выражение его лица, когда он увидел распростертое на кроватке тельце, его взгляд, его позу — словно его охватил столбняк. Целую минуту это выражение не сходило с его лица, пока он наблюдал за ее попытками вернуть к жизни уже омертвевшие легкие, заставить биться крохотное сердечко...

Потом он сказал: «Он мертв».

Он поднял жену и вынес из детской, а мгновение спустя Джесси услышала, как он звонит доктору Виксу и разговаривает с ним...

Спустя много минут Джесси перестала массировать холодные детские ручки, накрыла тельце

и отправилась к миссис Хамфри. Ее муж пытался привести ее в чувство.

— Позвольте мне, — сказала Джесси.

Он вышел решительным шагом, словно ему было необходимо как-то израсходовать сжатую в нем энергию.

Хлопоча над бесчувственным телом хозяйки, Джесси слышала, как он странно деликатным тоном разговаривает со слугами, затем до нее донеслись всхлипывания женщин, неожиданный вопль хозяина — патриция, никогда не повышавшего голоса! — вопль ярости, и мгновенно наступила страшная тишина. А после этого он принялся шагать вверх и вниз по лестнице, из комнаты в комнату, пока не приехал доктор Викс.

... Джесси направилась к ним и также прислонилась к стене.

— Вот и вы, мисс Шервуд! — Доктор Викс сказал это с облегчением. Он был маленький человек с лысиной во весь череп. — Как себя чувствует миссис Хамфри?

— Она очнулась, доктор.

— Пойду-ка взгляну на нее. Вам надлежит очень бережно относиться к вашей жене, мистер Хамфри.

— Конечно, — ответил Элтон Хамфри, выпрямляясь. — Конечно.

Доктор Викс подхватил свой чемоданчик и торопливо прошел в спальню. Хозяин дома последовал за ним. Джесси поплелась следом. Ноги у нее подкашивались. Волна слабости накатила на нее, и на мгновение холл перед ней покачнулся. Однако она взяла себя в руки и вошла в спальню.

Сара Хамфри рыдала навзрыд. Доктор Викс говорил с ней, как с ребенком:

— Плачьте, плачьте, миссис Хамфри, не обращайте на нас внимания. Это естественно после такого шока. Хорошие слезы помогут вам.

— Дитя мое... — всхлипывала миссис Хамфри.

— Это ужасное несчастье, большая трагедия. Но что поделаешь? Это случается даже в лучших детских яслях.

— Подушка... — рыдала она. — Я положила подушку, чтобы оберечь Майкла... О боже, откуда я могла знать!..

— Нечего вспоминать об этом, миссис Хамфри... Сейчас вам необходим сон.

— Я не должна была отпускать мисс Шервуд. Она хотела остаться. Но нет, я решила, что знаю все, знаю, как нужно ухаживать за ним...

— Миссис Хамфри, если вы будете продолжать

в том же духе...

— Я любила его, — всхлипывала женщина.

Доктор Викс взглянул на Джесси, словно ища у нее поддержки. Но Джесси думала: «Я упаду, упаду... »

— Сейчас мы вам что-нибудь дадим, — произнес доктор Викс.

«Значит, заметно, в каком я состоянии», — сказала себе Джесси. Но тут же она увидела, что доктор обращается к миссис Хамфри.

— Нет! — кричала та. — Нет, нет, нет!..

— Хорошо, хорошо, миссис Хамфри, — поспешно согласился доктор. — Только успокойтесь. Ложитесь... Ложитесь...

— Доктор Викс, — произнес ее муж.

— Да, мистер Хамфри?

— Вы сообщите об этом коронеру? — Миллионер был напряжен, словно пружина.

— Да. Конечно. Вы знаете, такова формальность...

— Нужно ли говорить вам, как мне все это неприятно? У меня есть кое-какие связи в Хартфорде, доктор. Если вы согласитесь содействовать мне...

— Я просто не знаю, мистер Хамфри, — осторожно возразил доктор Викс. — Врачебная присяга...

— Понимаю. — Хамфри сдерживал себя огромным напряжением воли. — И все же иногда бывают исключения, доктор Викс. В особых случаях — скажем так. Разве в вашей практике этого не случалось?

— Пожалуй, нет, — более уверенным тоном сказал врач. — Что бы вы ни имели в виду, мистер Хамфри, боюсь, что мне придется ответить отрицательно.

Губы миллионера сжались.

— Я прошу только о том, чтобы я и миссис Хамфри были избавлены от тяжелых испытаний, связанных со следствием, которое поведет коронер. Ведь это повлечет за собой нашествие газетчиков, публичность... Это нестерпимо, доктор. И к тому же при состоянии моей жены... Как лечащий врач, вы должны понимать это

— Я переживаю ваше несчастье так же, как и вы, мистер Хамфри. Но что я могу поделать?

— Но ведь это несчастный случай! Разве можно публично распинать людей на кресте за несчастье, обрушившееся на них?

Джесси Шервуд подумала, что если они сейчас же не прекратят — она закричит.

— Я знаю, что это несчастный случай, мистер Хамфри. Но вы ставите меня в...

Она услышала свой собственный голос, громко произнесший:

— Нет, это не несчастный случай!

Доктор Викс резко обернулся к ней.

— Что вы сказали, сестра?

Миссис Хамфри вся изогнулась в постели, щуря заплаканные глаза на Джесси.

— Я сказала, доктор Викс, что это — не несчастный случай.

Одно какое-то мгновение ей казалось, что Элтон Хамфри готов вцепиться ей в горло. Но он спокойно спросил:

— Что вы имеете в виду, мисс Шервуд?

— Я имею в виду, что кто-то входил в детскую после того, как миссис Хамфри отправилась спать.

Миллионер вперил в нее горящий взор.

Джесси напряглась всем телом и ответила взглядом на взгляд.

— Ребенок был убит, мистер Хамфри, если вы сию же минуту не вызовете полицию, я сама сделаю это.

Глава вторая
ПОЛЗУЩИЙ, КАК ЗМЕЯ

Перед ней плыли лица, растекаясь по комнате, насыщенной парами. Тяжесть улетучилась из головы Джесси. Она чувствовала себя легкой, словно воздушный шар. С удивительной отчетливостью она представляла себе, что все ее тревоги вот-вот кончатся и она проснется в незыблемом мире, соскочит с кровати, прислушается к лепету ребенка...

— Сидите спокойно, Джесси.

Чудо — это был голос Ричарда Квина. Не позволяя ей подняться с кресла-качалки, он подносил стакан к ее сухим губам. Он назвал ее Джесси... Или это все еще сон?

— Выпейте.

Она увидела комнату. Детская была полна людей, что-то бесстрастно, словно оценщики, рассматривающих, измеряющих, сравнивающих, людей в штатском и полицейских.

— Вам лучше, мисс Шервуд? — послышался бас начальника полиции Перла.

— Просто я всю ночь не спала, — объяснила

она.

— Очень хорошо. Итак, вы вошли в детскую вместе с миссис Хамфри, наклонились над кроваткой и увидели подушку, закрывавшую лицо ребенка. Тогда вы отбросили подушку, поняли, что ребенок задохся, и начали делать ему искусственное дыхание, хотя имели все основания считать, что он уже мертв. А теперь вспомните, мисс Шервуд, сколько прошло времени с того момента, как вы увидели подушку, и до того момента, как вы ее отбросили?

— Не знаю, — ответила Джесси. — Мне это показалось вечностью. Но в действительности, наверное, не больше двух-трех секунд

— Две-три секунды... Что же вы сделали с подушкой?

Джесси протерла глаза.

— Я отшвырнула ее в сторону.

— Отшвырнули, так. Куда?

— На пол.

— Пожалуйста, припомните, мисс Шервуд, куда именно упала подушка, — попросил небритый человек без галстука.

«У них помутилось в голове от жары, — подумала Джесси. — Как будто это имеет значение, куда упала подушка».

— Я и не посмотрела на нее, отшвырнула в сторону — и все, — сердито произнесла она. — Я думала только о том, чтобы вернуть ребенка к жизни. Я даже не осознала, что именно я увидела на подушке... Это пришло мне в голову много позже. Пришло внезапно, как гром, и тогда я поняла, что все это означает...

— Расскажите еще раз: что, как вам показалось, вы увидели на подушке, мисс Шервуд?

Это снова человек без галстука. Или ей померещилось, или кто-то сказал ей, что этот человек — из бриджпортской прокуратуры?

— Показалось?! — вспыхнула Джесси. — Вы не доверяете моим словам?

В раздражении она обратила взор на Ричарда Квина. Неужели он на их стороне?! Бывший инспектор молча стоял возле нее, теребя седой ус.

— Ответьте, пожалуйста, на вопрос.

— Мне ничего не показалось! Я отчетливо видела на подушке отпечаток руки!

— Отпечаток человеческой руки?

— Да! Кто-то оставил его на подушке своей грязной рукой.

— Какого рода была грязь, мисс Шервуд?

— Какого рода? Откуда я знаю!

— Какого цвета? Черного? Коричневого? Се-

рого?

— Трудно сказать... Пожалуй, сероватого. Как пыль.

— Так. Значит, сероватого, как пыль... А может быть, нет?

— Думаю, что да.

— Думаете?

— Я не уверена в цвете, — устало произнесла Джесси. — У меня такое впечатление, что отпечаток оставлен пыльной рукой. Возможно, я ошибаюсь, но я твердо убеждена в одном — отпечаток был грязный.

— Вы говорите, что это похоже на то, будто кто-то положил грязную руку на подушку, — сказал человек без галстука... — Как же он положил руку, мисс Шервуд? Плашмя? Изогнув? Или как-нибудь иначе?

— Совершенно плашмя.

— На какое место подушки?

— Примерно посередине.

— Это был отчетливо видный отпечаток? То есть, можете ли вы утверждать, что это был отпечаток руки человека?

— Пожалуй, он не был совершенно отчетлив. Слегка расплывчатый, словно грязное пятно. Но его нельзя было принять ни за что другое — толь-

ко за отпечаток руки. — Джесси закрыла глаза и вновь увидела этот отпечаток. — Отпечаток был вдавлен — я хочу сказать, что рука надавила на подушку. Сильно надавила. — Она открыла глаза, и голос ее дрогнул. — Кто-то грязной рукой прижал подушку к лицу ребенка и не отпускал, пока ребенок не задохся. Вот почему я сказала мистеру и миссис Хамфри, что Майкл был убит. Сперва это не пришло мне в голову. Я увидела отпечаток, и, должно быть, мой мозг запечатлел его, но лишь позже я поняла, что это значит. Тогда я сказала, что нужно вызвать полицию... Почему вы задаете мне все эти вопросы? Почему не взглянете на подушку и не убедитесь сами?!

— Встаньте, мисс Шервуд, — буркнул начальник Перл. — Вы можете встать?

— О, я в полном порядке. — Джесси нетерпеливо поднялась на ноги.

— Подойдите к кроватке, но ни к чему не прикасайтесь. Только взгляните на подушку.

Джесси казалось, что это сон; так бывает, когда думаешь, будто ты проснулась, но и эта мысль пришла к тебе во сне. Взгляните на подушку! Неужели они сами не могут посмотреть на нее?!

Неожиданно она почувствовала, что ей не хочется подходить к кроватке. Это было странно,

потому что профессия медсестры приучила ее к виду смерти. Только трижды смерть испугала ее — когда умерли ее родители и когда она получила извещение из военного министерства относительно Клема. Возможно, тут сыграла свою роль любовь... Ведь это она ухаживала за младенцем, она бинтовала его пупочек... Это на нее обращал свои светлые доверчивые глазки Майкл, когда она кормила его...

«Лишь бы его не было в кроватке», — молила она.

— Не волнуйтесь, Джесси, — сказал Ричард Квин, — ребенка унесли.

Он понял ее состояние, благослови его господь!..

Не видя ничего, она сделала несколько шагов. Затем, тряхнув головой, чтобы собраться с мыслями, посмотрела.

Подушка лежала на полу возле кроватки; один угол ее загнулся — там, где подушка касалась ножки.

На кружевной наволочке не было ни единого пятнышка.

Джесси нахмурилась.

— Подушка, наверное, перевернулась, когда я бросила ее.

— Борчер, поверните подушку, — распорядился Перл.

Большим и указательным пальцами полицейский взялся за кружевной уголок и осторожно перевернул подушку.

Другая сторона была также чиста.

— Ничего не понимаю, — растерянно произнесла Джесси. — Я видела это собственными глазами. Я не могла ошибиться.

— Мисс Шервуд, — голос человека из прокуратуры был неприятно сладок, — вы хотите, чтобы мы поверили, будто вы, видя подушку не более двух-трех секунд, да еще в комнате, освещенной слабым светом ночника, не только заметили отпечаток руки на подушке, но увидели его так явственно, что утверждаете, будто это след человеческой руки, испачканной пылью?

— Мне все равно, верите вы или нет, — отрезала Джесси, — но я видела то, что видела.

— Это было бы верхом наблюдательности, — продолжал человек без галстука. — Но, как видите, мисс Шервуд, с обеих сторон подушки нет и намека на то, что могло бы подтвердить ваши слова. Может быть, при вашем волнении, и к тому же в полутьме, вам это показалось? Просто оптический обман?

— Я никогда в жизни не страдала галлюцинациями. Я видела след точно таким, как я его описала.

— Вы продолжаете настаивать на своем утверждении? Может быть, вы все же откажетесь от своих слов?

— Совершенно определенно — нет.

Ричард Квин перехватил взгляд Джесси и улыбнулся.

Человек без галстука казался недовольным. Он посовещался о чем-то с начальником полиции. Затем они подошли к окну, выходящему на дорогу, у которого какой-то человек орудовал склянками и кисточками. Человек без галстука выглянул наружу в то время, как шеф полиции что-то сказал относительно лестницы.

— Лестница? — заморгала Джесси, глядя на Квина.

Он быстро подошел к ней.

— Точно так же, как и в ту ночь, Джесси. Даже лестница та же самая. Вы не заметили ее, когда подъезжали к дому?

Я не подъезжала к дому. Я оставила машину на дороге.

— О, значит, это ваша машина. — Его лицо ничего не выражало.

Так вот каким образом этот изверг испачкал руку! О пыльную лестницу, когда он взбирался по ней. Джесси вперила взор в подушку.

— Почему я не заметила этого раньше...

— Что именно, Джесси? — Квин насторожился.

— Это другая наволочка!

— Не понимаю.

— Это не та наволочка, на которой я видела отпечаток руки! Инспектор Квин, это другая наволочка!

Квин внимательно посмотрел на нее. Затем подозвал своего друга и человека без галстука.

— Мисс Шервуд говорит, что это не та наволочка, на которой был отпечаток.

— Не та? — Перл взглянул на человека из прокуратуры. — Интересненькое добавление к рассказу, Меррик.

Человек без галстука обратился к Джесси:

— Почему вы так думаете, мисс Шервуд?

— Кайма, мистер Меррик, вот почему. Та наволочка была обшита другими кружевами. Обе наволочки из очень тонкого батиста, но та была обшита хонитоновыми кружевами, а эти кружева, как мне кажется, из ирландского кроше. Во всяком случае, это другая наволочка.

— Вы уверены, мисс Шервуд? — требовательно

спросил Меррик.

— Совершенно уверена.

— Заменена, — заметил Ричард Квин. — Если верить словам мисс Шервуд, кто-то снял испачканную наволочку и заменил ее чистой. Что ты скажешь на это, Эйб?

Начальник полиции хмыкнул, оглядывая детскую. Он указал на что-то, напоминавшее ящик в стене возле двери.

— Это люк для грязного белья, мисс Шервуд?

— Да.

Эйб Перл подошел к стене, открыл дверцу, пытаясь заглянуть внутрь.

— Куда он ведет?

— В подвал, в прачечную.

— Кто там стирает белье?

— Миссис Смит, миссис Сэди Смит.

— Сэди Смит... — Эйб Перл сдвинул брови. — Кто такая? Я не знаю в доме никого с таким именем.

— Приходящая прачка из Норуока. Она приходит два раза в неделю, чтобы выстирать и перегладить белье. Детские пеленки... пеленки я стирала сама. — Джесси закрыла глаза. — Она приходит по пятницам. Она должна прийти завтра, то есть сегодня, выстирать и выгладить вещи Майкла...

— Тинни, Борчер! (Оба детектива подбежали к шефу.) Немедленно вниз. Поищите кружевную наволочку с отпечатком руки. Осмотрите прачечную, корзины с бельем, стенные шкафы для белья, печи, мусорные ящики — в первую очередь. Если не найдете там — переверните весь дом!

Расплывчатые лица, расплывчатые звуки — все смешалось в сознании Джесси. Она сдерживала себя, понимая, что не может уйти из этого странного мира вне времени, иначе произойдет что-то ужасное. И сквозь все это до нее доносился голосок маленького Майкла...

Время от времени она ощущала прикосновение руки Ричарда Квина к своему плечу. Однажды он приложил ладонь к ее лбу. Рука у него была сухая и прохладная, и Джесси взглянула на него. «Пожалуйста, не убирайте руку. Это так приятно». Но он тут же смущенно убрал ее.

До ее сознания дошли их попытки расспросить Сару Хамфри. Какая-то суета в спальной комнате хозяев. Безумные вопли женщины, продолжавшей кричать, что все это ее вина, что это она убила ребенка, своего дорогого мальчика, что она заслуживает смерти, что она чудовище, преступница, дайте ей умереть, о мой бедный невинный малютка... Нестройные мужские голоса вторглись

в эту арию, затем голос ее мужа — подавленный, то успокаивающий, то молящий, словно скрипка; голос доктора Викса, отрывистый и ломкий — гобой, подумала Джесси; вкрадчивый тромбон Меррика, прокурора из Бриджпорта, выползающий из разговора; басовая труба начальника Перла, заглушающая всю эту безумную фугу. Наконец они вернулись — начальник полиции, человек из прокуратуры и Элтон Хамфри, почти женственный в своем горе и раздражении.

— Она больная женщина! — продолжал восклицать миллионер визгливым голосом, странно непохожим на голос, который знала Джесси. — Вы должны понимать это, джентльмены... Моя жена сверхчувствительна... У нее слабые нервы... Это страшное потрясение...

— Миссис Хамфри находится в опасном нервном состоянии, — подхватил доктор Викс. — Нельзя полагаться на ее слова. Я утверждаю это, как лечащий врач, джентльмены. Если вы настаиваете на том, чтобы продолжать расспрашивать ее, вам придется взять на себя ответственность за любые возможные последствия.

— Я не могу этого допустить, мистер Перл, — говорил Элтон Хамфри, взмахивая длинными руками. — Не могу и не хочу, понимаете!

Эйб Перл взглянул на Меррика, тот пожал плечами.

— Ладно, доктор, будь по-вашему, — пробурчал начальник полиции.

Теперь Джесси слышала голос доктора Викса из другой комнаты. Он все говорил и говорил, словно усыпляющая пластинка, затем раздался стон пружин: это Сара Хамфри бросилась на кровать. Наконец всхлипывания и вскрики умолкли.

И тогда вновь принялись за Джесси. Дом обыскали от подвала до чердака, но наволочка, которую она описала, кружевная наволочка с грязным отпечатком руки на ней, не была обнаружена.

Да, ночник в детской давал очень слабый свет. Но нет, она не ошиблась. Света было достаточно, чтобы заметить отпечаток руки.

Нет, она не носит очков. Да, зрение у нее хорошее.

Нет, это не могло быть игрой светотени. Это был отпечаток руки. Правой руки.

— Почему вы думаете, что правой?

— Потому что отпечаток большого пальца был слева.

Кто-то из них то ли хихикнул, то ли фыркнул — Джесси было наплевать на их реакцию.

— Либо ей это померещилось, либо наволочка

сожжена или изрезана на куски и спущена в уборную.

— Скажите, на острове пользуются септическими баками?

— Нет, здесь обычная канализация, со сбросом, как в городе.

— Стало быть, мы никогда не найдем наволочки.

— Похоже на то.

Голоса, только голоса. Но один из них был дорог ей.

Удивительно, как спокойнее ей становилось всякий раз, когда он произносил хоть одно, даже самое обычное слово.

— Это важное обстоятельство, Эйб, — тихо сказал Ричард Квин. — Если ты не против моего вмешательства...

— Не будь ослом, Дик.

— Существует разница между несчастным случаем и убийством. Я бы не распрощался так легко с этой наволочкой, будь я на твоем месте.

— Но мы даже не уверены, существовала ли она.

— А вот мисс Шервуд уверена.

— Черт возьми, Дик, она могла...

— Не думаю, Эйб.

«Он защищает меня, — обрадовалась Джесси. — Как это мило с его стороны... Глупости, просто он знает, что я говорю правду, и защищает не меня, а всего лишь свою точку зрения».

— Ну, а что ты скажешь о лестнице, Дик?

— Она подтверждает, что это убийство.

— Нет, не подтверждает. Мистер Хамфри сам поставил ее туда. Мистер Хамфри, будьте добры, расскажите инспектору Квину, каким образом лестница оказалась под окном.

Послышался усталый голос миллионера:

— Около десяти часов вечера я услышал, что из детской доносится шум. Ветер сорвал ставню на окне, выходящем на дорогу. Я испугался, что стук может разбудить ребенка. Тогда я поднял жалюзи, попытался укрепить ставню из комнаты, но не смог дотянуться до нее. Столлингса и Каллэма не было — по четвергам они обычно уходят, поэтому мне оставалось только достать лестницу из сарая, забраться наверх и починить ставню самому. Затем мальчик проснулся, моя жена начала нервничать, и к тому времени, когда нам удалось его успокоить, я позабыл про лестницу... Не понимаю, какое это может иметь отношение к делу?

— Мистер Хамфри прав, Дик. Лестница ничего

не значит.

— Но это не снимает вопроса об убийстве, Эйб. Ведь убийца мог увидеть лестницу и воспользоваться ею. А мисс Шервуд настолько уверена относительно наволочки, что...

— Дик, ради самого господа бога, что ты от меня хочешь?

— Хочу, чтобы ты продолжал искать наволочку, пока не найдешь ее.

— Мистер Хамфри, вы видели наволочку с отпечатком руки?

— Нет.

— А вы, доктор Викс?

— Я бы объявил об этом, — коротко ответит тот.

— Единственная здравая мысль, которую высказала миссис Хамфри, заключалась в том, что она тоже не видела этой наволочки. А ведь она находилась в той же самой комнате, Дик!

— Джесси Шервуд против всех.

Это был ее собственный голос. Что за смешную штуку она сказала? Джесси услышала свой смех, пронзительный, истерический, вовсе непохожий на ее обычный смех.

И немедленно наступила тишина.

Она лежала на чем-то мягком, и доктор Викс

подносил ей ложечку чего-то горького.

После этого все исчезло из ее сознания.

Инспектор Квин бродил вдоль берега, когда начальник полиции Перл появился на пляже, принадлежавшем Хамфри. Небо над морем было цвета лососевого брюшка. Рассвет переходил в день.

— Я ищу тебя повсюду. Какого черта ты тут делаешь?!

Старик взглянул на шефа полиции.

— Ничего особенного, Эйб. Просто интересуюсь, не подходила ли какая-нибудь лодка к берегу прошлой ночью.

Эйб Перл удивленно воззрился на приятеля.

— Почему именно лодка?

— Потому что надо быть глупцом, чтобы дважды испытывать судьбу, проезжая на своей машине через проходную.

— Ты имеешь в виду Фроста?

— Кого же еще? Но я ничего не обнаружил. Прилив уже набрал силу. Я должен был подумать об этом, когда мы сюда приехали. — Он взглянул на друга. — В доме все осмотрели?

— Да.

Бок о бок они молча шагали между деревьями, занятые своими думами. На лужайке им

встретились люди Перла, все еще обыскивавшие местность.

— Продолжайте поиски, — распорядился начальник полиции. — То же самое передайте ребятам в доме.

Вдвоем они сели в черно-белую полицейскую машину.

— Ты разговаривал со сторожем? — спросил старик.

— Его допрашивали мои люди. Он ничего не видел. — Эйб Перл хмыкнул. — Все как немые, обычное дело. А с другой стороны, Дик, человек не может видеть того, чего нет.

Старик не ответил.

У сторожки Перл пальцем поманил к себе Питерсона. Инспектор Квин молча слушал их разговор.

— Ну-ка, Питерсон, расскажите все с самого начала, — сказал Эйб Перл.

Сторож вытянул толстые губы.

— Расскажу еще раз, начальник, а затем к черту этот остров, и да поможет мне бог не возвращаться сюда больше!.. Последняя машина, которая проехала здесь прошлой ночью до того, как ребенок был найден мертвым, это, как я уже говорил, двухместный «додж» тамошней няни,

мисс Шервуд, которая вернулась около половины первого ночи. До нее проезжала еще одна машина, примерно часом раньше: это были служанки миссис Дандридж — они ездили в Таугус, в кино. Еще раньше, примерно в одиннадцать вечера, шофер сенатора...

— Проезжал ли после того, как вы заступили на дежурство, хоть один неизвестный вам автомобиль? — перебил начальник полиции.

— Нет.

— А кто-нибудь проходил? — Голос Ричарда Квина испугал Питерсона.

— Что?

— Проходил кто-нибудь пешком?

— Нет.

— Но ведь мог же кто-нибудь пройти так, что вы не заметили?

— Послушайте, приятель, — огрызнулся Питерсон. — Я гляжу в оба, но иногда и мне надо присесть и отдохнуть. Факт, что существуют тысячи способов, чтобы проникнуть на остров незамеченным.

— Знаешь, Эйб, а ведь Питерсон прав, — сказал старик, когда они выехали на дамбу. — Остров Нэр доступен кому угодно. Гребная лодка может пристать к любому частному пляжу ночью...

можно и прокрасться мимо сторожки... молодой парень, вроде Рона Фроста, может даже переплыть сюда с таугусского пляжа и вернуться тем же способом.

— Ты вбил себе в голову, что это убийство, Дик, не так ли? И что совершил его этот парень, Фрост? — взглянул на друга Эйб Перл.

— Я ничего не вбивал себе в голову. Просто я верю, что мисс Шервуд видела на наволочке отпечаток руки, а это значит, что совершено убийство. А если это убийство — первое подозрение падает на Фроста.

— Ни в коей мере. Пока ты вынюхивал следы лодки на пляже, я получил доказательство того, что Фрост не мог быть на острове прошлой ночью.

— Почему?

— Ребенок скончался между 10. 30 и 12. 30 ночи. В течение этих двух часов Рон Фрост находился без сознания в Стэмфорде.

— Без сознания?

— Скорая помощь доставила его в Стэмфордский госпиталь из дома его приятеля около девяти часов вечера с острым приступом аппендицита. Его оперировали в десять часов семь минут, и он пришел в сознание после наркоза лишь в три

часа утра. — Эйб Перл усмехнулся, поворачивая машину на улицу, обстроенную небольшими приморскими домиками. — Что ты теперь скажешь о няне Шервуд и об этой наволочке?

Ричард Квин прищурился.

Они проехали еще немного, затем Эйб остановил машину, выключил мотор, похлопал приятеля по плечу.

— Голову выше, Дик! Неужели для встреч с этой Шервуд тебе необходимо, чтобы было совершено преступление? Пригласи ее куда-нибудь, как подобает мужчине! — Он громко засопел. — Я отсюда чую запах яичницы с ветчиной, которую готовит Бекки. Пошли, Дик позавтракаем, вздремнем несколько часиков...

— Я не голоден, Эйб, — отозвался старик. — Ты — иди. Я немного посижу здесь.

Долгое время просидел Ричард Квин в одиночестве.

Джесси Шервуд затормозила перед воротами на дамбу и нетерпеливо засигналила, вызывая из сторожки Монти Бэрнса, дневного сторожа. Прошла уже неделя после трагедии, семь дней, которые показались ей вечностью. Уик-энд ознаменовался первым ураганом в этом сезоне: на острове Нэр затопило подвалы, и пятиметровые

волны сильно повредили дорогу на дамбе. Ремонтные работы все еще продолжались.

Но даже ураган не смог бы удержать сестру Шервуд на острове Нэр в этот четверг. Прошедшая неделя казалась ей адом. Десятки раз она раскаивалась в том, что согласилась на уговоры Элтона Хамфри остаться ухаживать за его женой. Огромный дом был слишком переполнен напоминаниями о Майкле, а капризы Сары Хамфри были ей нестерпимы. «Но что я могла поделать?» — думала она. Миссис Хамфри находилась на грани помешательства, и профессиональный глаз Джесси видел это и без предупреждений доктора Викса.

... Следствие и похороны сами по себе могли расшатать нервную систему даже здоровой женщины, не говоря уже о чувстве собственной вины, которое еще более усугубляло тяжелое состояние Сары Хамфри.

Заключение следствия гласило: «Смерть из-за невнимательного отношения; несчастный случай».

И похороны...

Гробик был белоснежен и скорбно крохотен. Супруги Хамфри пытались сохранить в тайне время и место погребения, но это, конечно, не

удалось. Толпа... что-то выкрикивающие репортеры... эта ужасная сцена на таугусском кладбище, когда Сара Хамфри завыла пронзительно, словно животное, и пыталась броситься в могилу следом за маленьким, усыпанным цветами гробиком...

... Джесси вздрогнула и снова надавила на сигнал. Монти Бэрнс появился из сторожки, торопливо застегивая на ходу куртку.

Наконец она преодолела запруженную рабочими дамбу и только хотела дать газ, как вдруг знакомый человек с седыми усами появился из-под клена и, выйдя на дорогу, поднял с улыбкой руку.

— Доброе утро!

— Что вы здесь делаете? — растерянно спросила Джесси

— Вспомнил, что сегодня ваш выходной, и решил сбежать от завтрака Бекки Перл. Я вас ждал. Собрались куда-нибудь по делу?

— Нет.

— Может быть, проведем время вместе?

— С удовольствием.

«Что у него на уме?» — подумала она, когда он садился в машину. Он улыбался, но она ощущала в нем какую-то напряженность.

Следы ураганы были видны повсюду. Между

Норуоком и Вестпортом прибрежная дорога кое-где все еще была под водой. Джесси приходилось ехать в объезд.

— Парусная лодка была бы здесь куда более уместна! — усмехнулась она. — Что вы делали все это время, инспектор Квин?

— Почти ничего, — отозвался старик. — Знаете, Джесси, когда вы не напрягаете лицо, вы становитесь красивой, как на картинке.

— Даже сейчас?! — рассмеялась Джесси. Она смеялась! Она сбросила свою черную соломенную шляпу и откинула голову. — Правда, какой ласковый ветерок?

— Очаровательный, — согласился он, глядя на нее.

— Он растреплет мне прическу, но мне все равно.

— У вас красивые волосы, Джесси. Я очень рад, что вы не стрижетесь коротко.

— Вам так нравится? — спросила польщенная Джесси,

— У моей матери волосы были до колен. Конечно, в те годы никто не носил короткой прически, кроме суфражисток и проституток. Боюсь, что я очень старомоден, но до сих пор я предпочитаю длинные волосы.

— Очень рада, — сказала Джесси. Утро начинало доставлять ей удовольствие.

— Может быть, позавтракаем где-нибудь? Что-то я проголодался.

— И я! — воскликнула Джесси. — Куда мы поедем?

Они отыскали чистенькую таверну на берегу с видом на залив; меню здесь состояло из различных даров моря. Сидели за столиком, наблюдая за всплесками волн все еще волнующегося моря, которое пыталось добраться до них, с силой ударяя о сваи и покрывая брызгами большое окно. Они окунали сваренных на пару моллюсков в растопленное масло. Затем ели жареных омаров, и Джесси была счастлива.

Когда подали кружки с черным кофе, Квин вдруг сказал:

— Знаете, Джесси, на этой неделе я провел целый день в Стэмфорде, в тамошнем госпитале.

— О, значит, вы видели Рональда Фроста? — выдохнула Джесси.

— А также его медицинскую карту и доктора, который его оперировал. Даже разговаривал с людьми, у которых он был в гостях, когда его схватил приступ аппендицита. Мне захотелось проверить алиби Фроста.

— Оно, конечно, вне всякого сомнения.

— Да. Действительно острый приступ аппендицита, и, судя по всему, Фрост физически не мог быть на острове Нэр, когда умер ребенок.

— Счастливый приступ. — Джесси хмуро глянула в окно. — Для него, я имею в виду.

— Весьма счастливый, — сухо отозвался Ричард Квин. — Особенно потому, что это он пытался проникнуть в детскую комнату ночью четвертого июля.

— Он в этом сознался? — воскликнула Джесси.

— Не совсем. К чему ему это? Но из того, что он говорил и как он это говорил, я пришел к убеждению, что это он лез тогда в окно. Бог его знает, чего он хотел и о чем думал в тот момент — по-видимому, он и сам не понимал этого. Был пьян в стельку. Во всяком случае, Джесси, таковы обстоятельства. Что касается убийства, то Фрост тут ни при чем.

Джесси подняла кружку с кофе и снова поставила ее на место.

— Вы все же хотите убедить меня, что это не было убийством, инспектор Квин?

Он осторожно помешивал свой кофе.

— Может быть, мы позабудем это обращение «инспектор», Джесси? Если нам придется часто

встречаться...

— Я не думала об этом, — сказала Джесси. «Право, мне следует сходить в дамскую комнату и привести в порядок прическу», — подумала она. — Наверное, я похожа на дикарку с Борнео». — Но если вы этого хотите... Ричард...

— Зовите меня просто Дик, — расцвел он. — Так зовут меня все друзья.

— Но Ричард нравится мне куда больше.

Улыбка его погасла.

— Вам кажется, что «Дик» звучит слишком молодо?

— Я не это имела в виду. Это ничего общего не имеет с возрастом. Боже! — Джесси поправила рукой прическу. — И не меняйте тему разговора. Так что же это — убийство или нет? И не пытайтесь убедить меня, что это — несчастный случай, как утверждает коронер!

— Что ж, давайте посмотрим на случившееся с его точки зрения, — мягко произнес он. — Слабый свет ночника, к примеру. Несколько секунд, в течение которых вы имели возможность видеть отпечаток руки... Вы должны признать, что им трудно поверить вам, особенно при том, что наволочка так и не обнаружена.

Джесси внезапно почувствовала страшную

усталость.

— Я могу лишь клятвенно утверждать то, что я видела. Но что же произошло с наволочкой?

— Возможно, она уничтожена. Или спрятана где-нибудь.

— Но кем?

— Тем, кто находился в доме.

— Но это невероятно! — Джесси была ошарашена.

— Если допустить существование отпечатка руки — это единственное логическое заключение.

— Но кто в доме Хамфри мог совершить такое преступление?!

— Я знаю это так же, как и вы, — пожал он плечами.

— Но вы ведь верите мне, не так ли? Кто-нибудь же должен мне поверить... — сказала Джесси.

— Конечно, я верю вам, Джесси, — мягко произнес он. — Из этого я и исхожу.

— Как вас понимать?

— Прошлой ночью я беседовал с Эйбом Перлом. Эйб отличный полицейский для большого города, но возможно, что он не такой знаток человеческих характеров, как я. Вашего характера, во всяком случае.

Джесси даже не улыбнулась.

— Иначе говоря, начальник полиции твердо решил не доверять моим словам...

— Эйб не любит поднимать шум относительно убийства, если не видит конкретных причин. К тому же прокуратура пришла к выводу, что это — несчастный случай. Объедините это с алиби Фроста — и вы поймете позицию Эйба.

— Значит, вы хотите сообщить мне, — горько произнесла Джесси, — что расследование прекращается.

— Да. — Ричард Квин потер щеку. — И поэтому вчера вечером я сообщил Перлам, что они скоро потеряют своего главного и единственного квартиранта.

— Вы уезжаете?! Куда? — вскинулась Джесси.

— Обратно в Нью-Йорк.

— Но вы как будто сказали...

Он хмуро кивнул.

— Я очень много думал об этом деле и решил, что Нью-Йорк — самое лучшее место для начала расследования. Кто-то должен заняться этим делом. Эйб не может, Хамфри не хочет; кому же, кроме меня? А я теперь совершенно свободен.

Слезы появились в глазах Джесси.

— Я так рада... Так рада, Ричард...

— И еще... — Он выразительно посмотрел на

нее через стол. — Я надеялся, что вы поедете со мной...

— Я?!

— Вы могли бы мне во многом помочь, — осторожно произнес он, постукивая пальцами по кружке.

Сердце у Джесси забилось сильнее. «Не будь дурой, — твердила она про себя. — В конце концов, что ты о нем знаешь? Может быть...»

— Я хотела бы знать, чем именно я могу быть вам полезной, Ричард, — медленно проговорила она. — И еще: я обещала остаться здесь некоторое время, чтобы ухаживать за миссис Хамфри...

— Пусть они поищут себе другую сиделку.

— Но я обещала...

— На какой срок?

— Давайте поговорим об этом в машине, — решительно сказала Джесси. — Если я должна что-то делать, то хочу знать, что именно. Вы не протестуете?

Он неожиданно наклонился и взял ее за руку.

— Вы очень женственны, Джесси. Кто-нибудь говорил вам об этом?

— Перестаньте мне льстить! — рассмеялась Джесси, отнимая руку и вставая. — Жду вас в машине.

Ричард Квин смотрел, как она шла между пустых столиков в сторону туалетной комнаты. Походка, как у молодой девушки, отметил он про себя. Молодой девушки...

Он подозвал официантку и, поймав себя на том, что разглядывает свою руку, торопливо опустил ее.

Сама миссис Хамфри помогла Джесси решиться. Пока Джесси накрывала завтрак, она выскользнула из спальни в одной рубашке, побежала на пляж и бросилась в пролив, пытаясь утопиться. Ей бы это удалось, если бы Генри Каллэм в это время не возился на пристани с хозяйским катером. Седовласый шофер бросился в воду и вытащил истерически рыдающую женщину. Она пронзительно кричала, что хочет умереть.

Доктор Викс прописал ей полный покой и серьезно поговорил с ее мужем.

— Боюсь, что вам придется еще не раз сталкиваться с этим, мистер Хамфри. Ваша жена очень больна, и я не могу лечить ее. Она требует специальной помощи. Навязчивая идея, что это она убила ребенка, истерическое состояние — тут я не в силах помочь ей.

Элтон Хамфри казался расслабленным, как будто переплет, который держал его собранным,

вдруг развалился. Джесси никогда прежде не видела его таким подавленным.

— Ваша жена на грани помешательства, — продолжал доктор Викс, потирая лысину. — При ее неуравновешенном состоянии этот дом — наихудшее место для нее. Если вы примете мой совет...

— Вы хотите сказать, что я должен поместить миссис Хамфри в санаторий?

— Да. Я знаю одно очень хорошее медицинское учреждение такого рода в Массачусетсе. В Грейт-Баррингтоне. Психиатр, стоящий во главе санатория, имеет отличную репутацию...

— А он может держать рот на замке? — спросил миллионер. — Если газетчики пронюхают...

— Иначе я бы не рекомендовал его, мистер Хамфри. Я знаю ваше отношение к гласности... — Губы доктора Викса растянулись в улыбке.

— Психиатр, вы сказали?

— Один из лучших.

— Я подумаю об этом. — Хамфри поднялся, властным жестом прекращая разговор.

Осмотрев свою пациентку, доктор отдал Джесси несколько распоряжений и уехал.

Это был последний визит доктора Викса к Саре Хамфри.

Вскоре после этого, как-то днем, дверь приоткрылась, и Джесси увидела Элтона Хамфри, который манил ее костлявым пальцем.

— Можете ли вы оставить на несколько минут мою жену, мисс Шервуд?

— Я только что дала ей снотворное.

— Тогда пройдите, пожалуйста, в мой кабинет.

Она последовала за ним. В кабинете он указал ей на кресло, и Джесси села. Он остановился у окна, спиной к ней.

— Мисс Шервуд, я закрываю этот дом.

— Вот как! — удивилась Джесси.

— Я уже давно раздумывал о том, чтобы уехать отсюда. Столлингс остается здесь в качестве сторожа. Генри и миссис Ленихэн отправятся со мной на мою нью-йоркскую квартиру. Миссис Шарбедо и служанок я отправляю обратно в Конкорд. Лучшая часть лета, пожалуй, кончилась.

— Вы собираетесь жить в Нью-Йорке?

— Во всяком случае зиму.

— Перемена места должна благотворно отразиться на миссис Хамфри.

— Миссис Хамфри не едет со мной. — Его голос был гнусав, как обычно. — Я помещаю ее в санаторий.

— Очень этому рада, — сказала Джесси. — Она

нуждается в санаторном лечении. Я слышала, что доктор Викс говорил вам вчера о санатории в Грейт-Баррингтоне...

— Викс... — Узкие плечи миллионера передернулись. — В делах такой важности, мисс Шервуд, нельзя полагаться на Виксов. Нет, она не поедет в Грейт-Баррингтон.

«Это психиатрия испугала вас», — подумала Джесси и, стараясь, чтобы ее голос звучал так же ровно, как и его, спросила:

— Позвольте узнать, на каком санатории вы остановили свой выбор, мистер Хамфри?

Ей показалось, что его тощее тело вдруг сжалось, когда он обернулся к ней; на лице его играла слабая улыбка.

— На санатории для выздоравливающих... Все это чепуха, будто миссис Хамфри нуждается в психиатрическом лечении. Она, правда, в весьма нервном состоянии, но это и все. Ей нужен полнейший покой, одиночество, а как мне сказали, лучшего санатория в этом смысле, чем дуэйновский, в Нью-Хейвене, найти нельзя.

Джесси кивнула. Она знала нескольких медсестер, которые там работали, — одна из них, Элизабет Кюри, служила у доктора Сэмюэля Дуэйна в течение восьми лет. Этот санаторий

представлял собой замаскированный дом заключения, в котором люди содержались за весьма высокую плату. Окруженный кирпичной стеной, он к тому же охранялся частной полицией.

«Именно такое место и должен был выбрать Элтон Хамфри!» — подумала Джесси. Когда Сара Хамфри будет водворена туда, в эту тюрьму-люкс доктора Дуэйна, ее муж сможет вздохнуть спокойно. Охранники доктора учуют газетного репортера за десять миль.

— Когда миссис Хамфри едет? — спросила Джесси.

— Сегодня вечером. Доктор Дуэйн сам приедет за ней.

— Миссис Хамфри уже знает об этом? — Миллионер нахмурился, и Джесси торопливо добавила: — Я спрашиваю об этом потому, мистер Хамфри, чтобы знать, как мне вести себя? Нужно ли подготовить ее к мысли о предстоящей поездке?

— Нет, я ей еще ничего не говорил. Доктор Дуэйн предпочел, чтобы я сообщил ей об этом в его присутствии.

— Вы будете ее сопровождать?

— Не знаю. Все зависит от доктора Дуэйна. — Его узкое лицо еще более вытянулось. — Вы понимаете, что этот разговор должен остаться

строго между нами, мисс Шервуд?

— Конечно.

Он присел к столу и принялся выписывать чек. Она наблюдала за его длинными белыми пальцами, за мизинцем, согнутым и спрятанным в ладони, таким же скрытным, как и он сам.

— Значит, — сказала Джесси, — вы хотите, чтобы я как можно скорее покинула ваш дом..

— Что вы, мисс Шервуд! Ради бога, вы можете оставаться еще несколько дней. Прислуга задержится здесь до следующей недели.

— Благодарю вас за доброту, мистер Хамфри, но я, пожалуй, уеду завтра утром.

— Как вам будет угодно.

Он склонился над столом, осторожно промокнул чек и протянул ей.

— О, мистер Хамфри, — запротестовала она, — это слишком много! Вы же уплатили мне по прошлую неделю...

— Я не вижу причин, почему вы должны пострадать от моего внезапного решения в отношении миссис Хамфри, — ответил он улыбаясь. — Поэтому я плачу вам за полную неделю и еще немного сверх того в знак признательности за все, что вы делали для миссис Хамфри и Майкла.

— И вы это называете немного?! — Джесси

покачала головой. Чек был на пятьсот долларов.
— Вы очень щедры, мистер Хамфри, но, право, я не могу принять такую сумму.

— Боже мой, мисс Шервуд! Почему? — Он казался искренне удивленным.

— Откровенно говоря, мистер Хамфри, — ее руки похолодели и стали влажными, — я бы не хотела быть обязанной вам.

— Не понимаю, — ледяным тоном произнес он.

— Если бы я иначе относилась к Майклу, я могла бы взять у вас чек... Но из-за случившегося я не могу этого сделать...

— Вы хотите сказать, если бы вы иначе относились к причине его смерти?

— Вот именно, мистер Хамфри.

Четыре здоровых пальца постукивали по столу, пятый, искалеченный, был плотно прижат к ладони. Миллионер откинулся в кресле.

— Вы все еще не можете признать, что это — несчастный случай, мисс Шервуд?

— Это было убийство, — сказала Джесси. — Ребенка хладнокровно и жестоко удушили подушкой, на которой была исчезнувшая наволочка.

— Но никакая наволочка не исчезала!

— Нет, исчезла. Ее просто не сумели разыскать.

— Дорогая мисс Шервуд, — терпеливо произнес

он. — В результате следствия коронер пришел к заключению, что это был несчастный случай. Полиция — также. Я — также. Как можете вы противостоять этому?

— Я видела подушку с отпечатком руки, мистер Хамфри, — тихо произнесла Джесси. — Больше никто не видел ее!

— Очевидно, вы ошиблись.

— Нет, я не ошиблась.

— Но ведь нет никаких доказательств, которые могли бы подтвердить ваше предположение.

— Это не предположение, мистер Хамфри. Это факт. Я знаю, что я видела.

— Назовите мне хоть одного компетентного человека, который согласен с вами.

— Ричард Квин.

— Кто? — Хамфри вздернул брови.

— Друг Эйба Перла. Бывший инспектор полиции Нью-Йорка. Он мне верит.

— Эти старые развалины только и знают, что совать нос в чужие дела. Возможно, он был уволен в отставку по старческому маразму, — пожал плечами миллионер.

— Ему всего лишь шестьдесят три года, и он вполне в здравом уме, уверяю вас. — Джесси кусала губы. Хамфри поглядывал на нее с ирони-

ческой улыбкой. — По крайней мере инспектор Квин согласен со мной, что это было убийство, и мы собираемся...

Джесси умолкла.

— Да? — Элтон Хамфри больше не улыбался. — Что же вы собираетесь делать, мисс Шервуд?

— Ничего. — Джесси поднялась с места. — Мне пора вернуться к миссис Хамфри...

— Мисс Шервуд... — Он оперся о стол руками; Джесси, как это уже с ней бывало, показалось, что сейчас он прыгнет на нее. — Неужели вы хоть на одно мгновение можете предположить, что, если бы я счел, что ребенок убит, я бы оставил это дело?

— Я не могу ответить на этот вопрос, мистер Хамфри. — Шаг за шагом она отступала к двери, но, осознав это, тут же заставила себя остановиться. — Простите, я должна вернуться к миссис Хамфри... Мне бы хотелось, чтобы вы разорвали этот чек и выписали другой — на ту сумму, которая действительно мне причитается.

Он не сводил с нее глаз.

— Неужели вы не понимаете, что значил для меня этот мальчик, мисс Шервуд?

— Я уверена, что он значил для вас все. — Джесси была в отчаянии. — Но... вы вынуждаете меня

сказать... Теперь, когда маленький Майкл мертв, вы хотите похоронить все дело вместе с его останками. Вы предпочитаете, чтобы на расследовании был поставлен крест только потому, что не хотите, чтобы вашу фамилию упоминали в связи с убийством. Я не понимаю таких людей, как вы, мистер Хамфри. На свете существуют куда худшие вещи, чем то, что ваше имя может явиться предметом толков. Оставить детоубийцу безнаказанным — одна из них.

— Вы кончили? — спросил Элтон Хамфри.

— Да, — прошептала Джесси.

— Подождите, мисс Шервуд. Я хочу кое-что сказать вам, прежде чем вы уйдете... Вам известно состояние моей жены. — Гнусавый голос сочился ядом. — Я не знаю, что замыслили вы и этот Квин, но если из-за ваших действий моя жена почувствует хуже или мое имя окажется предметом публичных унижений, вам придется отвечать передо мной. Передо мной, слышите?!

— Совершенно отчетливо. — У Джесси пересохло в горле. — А теперь позвольте мне уйти.

— С превеликим удовольствием.

Она бежала от этих выпученных, немигающих глаз. Десятью минутами позже она рыдала у телефона.

— Ричард, пожалуйста, спросите миссис Перл, не могу ли я приехать к ней сегодня вечером. Мне все равно, где спать. Я могу лечь в машине или постелить себе на полу — где угодно, лишь бы не оставаться больше в этом доме!..

Инспектор Квин ожидал ее на другом конце дамбы, в машине Бекки Перл. Он вышел ей навстречу.

— Джесси, что с вами?

— О, Ричард, я так рада видеть вас!

— Что случилось?

— Вообще — ничего. Мистер Хамфри отправил свою жену в санаторий и уволил меня. Но я проговорилась, будто вы и я не можем оставить этого дела, и он вроде бы пригрозил мне...

— Пригрозил? Вот как... — хмуро проговорил старик.

— Не знаю, что вы станете думать обо мне. Я никогда в жизни не вела себя так глупо. Миссис Перл, должно быть, считает меня истерической дамочкой...

— Вы не знаете Бекки Перл!

— Лучше мне поехать домой... У меня есть маленький домик в Роуэйтоне. Зачем только я сдала его на это время! Мне так стыдно, Ричард. Лучше мне переночевать в мотеле или еще где-нибудь...

— Бекки сказала, что если я не привезу вас, то и сам могу не появляться. Поэтому следуйте за мной, Джесси...

В чистеньком коттедже Перлов Джесси впервые за много недель почувствовала себя спокойно. Бекки ласково улыбалась ей, одобрительно поглядывая в сторону Ричарда Квина, а сам начальник полиции суетился вокруг нее, словно она была почетной гостьей.

— Вы вовсе не такой людоед, каким казались мне, мистер Перл, — улыбнулась Джесси. — Если бы вы знали, как я вас боялась!

Перл виновато посмотрел на свою жену.

— Он запугивал вас? — Бекки обернулась к мужу.

— Я принесу ваш чемодан из машины, мисс Шервуд. — И Эйб Перл поспешно ретировался из гостиной.

— Поставь его в комнату Ричарда, Эйб!

— Миссис Перл!..

— Вы займете комнату Ричарда. Эйб и Ричард будут спать в нашей комнате, а я устроюсь здесь, на кушетке. Это самое удобное место во всем доме.

— О нет...

— Будет так, как я говорю, — решительно отре-

зала миссис Перл. — Сейчас я приготовлю вам и Ричарду что-нибудь поесть, а затем мы с Эйбом уедем в кино.

... Когда Перлы удалились, Джесси растроганно произнесла:

— Вы счастливый человек, если у вас такие друзья, Ричард.

— Они вам понравились?

— Они просто душки.

— Я рад, — сказал он. — Ну, а теперь принимайтесь за эту кастрюльку, иначе Бекки разъярится.

После ужина Джесси мыла посуду в крохотной кухоньке, а Ричард Квин вытирал ее и ставил на место, рассказывая, как он проводит лето у Перлов, и ни разу не упомянув о том, что привело его сюда.

«Я не должна так радоваться, — убеждала себя тем временем Джесси. — Меня не ждет ничего, кроме разочарования и горя, как это было с Клемом...» Ей было трудно удержаться от сравнения обоих мужчин. Клем был много моложе — высокий, уверенный в себе, с тонкими быстрыми пальцами и вечно усталыми глазами. Вспоминая о нем даже теперь, когда его уже много лет не было в живых, Джесси ощущала, как пульс у нее начинает биться быстрее... Тогда все бы-

ло по-другому. Хлопоча у кухонной раковины рядом с Квином, она не могла себе представить такой картины с Клемом. Клем олицетворялся в ее глазах с волнением, с жизнью напряженной, полной капризов и расставаний... Ричард же был спокойный, уравновешенный человек с запасом сил и знанием людей, — с ним она могла бы заниматься каждодневными обыденными вещами, составлявшими самое жизнь. И она могла бы гордиться им, она инстинктивно ощущала это. Гордиться — и быть всецело полной им... «Но я не должна даже мечтать об этом», — в отчаянии думала Джесси.

— Вы устали, — сказал Квин. — Я сейчас же отправлю вас спать.

— О нет! — воскликнула Джесси. — Мне так все нравится здесь! Я хочу рассказать вам обо всем, что со мной произошло в последние дни, Ричард. Пожалуйста...

— Хорошо. Даю вам несколько минут. А затем вы отправитесь наверх.

Он повесил кухонное полотенце сушиться, и они пошли в гостиную. Усадив ее в самое удобное кресло, он зажег спичку, чтобы она прикурила, и слушал ее рассказ о попытке Сары Хамфри к самоубийству и о разговоре с Элтоном Хамфри.

Он не перебивал ее и, только когда она умолкла, сказал:

— Ваше время вышло, мисс Шервуд.

— Но разве мы не поговорим о ваших планах?

— Не сегодня.

— А относительно моих?

— В свое время я заставлял дрожать от страха здоровенных полицейских, но, кажется, никогда не научусь обращаться с женщиной, — рассмеялся он. — Ладно, Джесси, выкладывайте.

— Я поеду с вами.

— Знаю.

— Знаете?! — воскликнула задетая Джесси.

— Я не льщу себе, — грустно сказал он. — Но я этому причиной. Элтон Хамфри подтолкнул вас к такому решению.

— Да, правда, я не люблю, когда меня запугивают, — ответила Джесси. — Но это не единственная причина...

— Ребенок?

— И другое...

— Это может оказаться и не пикником, Джесси. — Он вдруг встал и принялся ходить по комнате. — Я все время задумываюсь над тем, не вовлек ли я вас из простого эгоизма во что-то рискованное. Это очень странное дело. Почему убили ребенка?

Пока мы подозревали Фроста, зная о его надеждах на наследство, убийство имело хоть какой-то, пусть безумный, но смысл. Но подозрение рассеялось. Дело тут не в миллионах Хамфри. Мотив убийства иной. Вы видите путеводную нить, Джесси?

— Я тоже думала над этим, — тихо произнесла Джесси. — Мне пришло в голову только, что убийство может быть связано с фактом усыновления Майкла.

— И каков же вывод, Джесси? — оживленно спросил инспектор, садясь на место.

— Убийство может быть связано с истинными родителями Майкла. Ведь ни одна из сторон не знает, кто стоит на другой стороне! Передача ребенка была совершена адвокатом, только он знает обе стороны.

— Адвокат по имени А. Бэрт Финнер. Именно так его звали, да?

— Да. Вы его знаете?

— Немного. Темный делец, специализирующийся в добывании детей для тех, кто либо не может позволить себе законно усыновить ребенка, либо по каким-то причинам хочет проделать это втихомолку. Возможно, Хамфри имел с ним дело потому, что Финнер гарантирует сохранение

тайны и отсутствие неприятностей. Очень важно, Джесси, что Финнер знает настоящих родителей ребенка. Отсюда мы и начнем.

— С Финнера?

— С Финнера.

— Но если настоящие родители не знают, кому был отдан Майкл...

— Постепенно, постепенно, Джесси, шаг за шагом, — сказал Ричард Квин. — Утром мы отправимся в Нью-Йорк. А пока что вам пора баиньки.

Он поднялся и взял ее за руку.

— Вы заставляете меня вспомнить детство, — рассмеялась Джесси. — Разве я не могу сказать своего слова в отношении того, где мне остановиться в Нью-Йорке?

— Ни единого слова, — твердо произнес он. — В городе вы будете жить в моей квартире.

— Инспектор Квин!..

У него даже шея покраснела.

— Я имею в виду, что сам остановлюсь у кого-либо из приятелей...

— Ну и глупо. Я уже не в таком возрасте, чтобы беспокоиться о своей репутации. — Джесси рассмеялась над его растерянным видом. — Но я не желаю изгонять вас из вашего дома.

— Я буду приходить каждое утро и завтракать

вместе с вами...

— Нет, Ричард, — ласково сказала Джесси. — У меня в Нью-Йорке куча друзей, одиноких женщин, которые с удовольствием приютят меня. Но все равно, я вам очень благодарна. Очень.

Он выглядел таким несчастным, что Джесси импульсивно сжала его руку. Затем быстро поднялась по лестнице.

Ричард Квин шагал по комнате, поглядывая на потолок и улыбаясь собственным мыслям, пока Перлы не вернулись из кино.

На следующее утро Джесси почти целый час провела у телефона, звоня в Нью-Йорк.

— Мне везет, — сказала она Ричарду Квину. — Бель Берман, моя приятельница, настаивает, чтобы я остановилась у нее. А Глория Сарделла, с которой я вместе училась, завтра отправляется в отпуск и предлагает мне свою квартиру.

— В каких районах они живут?

— Бель живет в Вилледже — 11-я Западная улица, а Глория — на 71-й улице, недалеко от Бродвея, в переоборудованном старом доме без лифта.

— Квартира Сарделла, — не задумываясь, сказал он.

— Я тоже так решила. Глорию я заставлю согласиться на то, чтобы я оплачивала квартиру, а

Бель не захочет слышать даже о части расходов. — Джесси вопросительно посмотрела на него. — А почему вы так решили, Ричард?

— По мотивам географии, — неуверенно ответил он. — Я живу на 87-й Западной улице. Так что мы будем находиться меньше чем в миле друг от друга.

— Внимательно следите за этим человеком, Джесси, — сказала Бекки Перл. — Он — настоящий волк.

— О, я уже поняла это!

Он пробормотал что-то и удалился.

Джесси снова позвонила своей подруге, обо всем договорилась; затем, несмотря на протесты миссис Перл, заплатила за междугородные переговоры, и наконец они сели в машину Джесси и поехали. Бекки Перл долго махала им с крыльца.

— Она такая душка, — сказала Джесси, поворачивая машину на дорогу, ведущую в Таугус. — И Эйб Перл тоже. Знаете, что он сказал мне сегодня утром, уходя на службу?

— Что?

— Он сказал, что вы очень переменились с тех пор... ну, с четвертого июля. И что он до смерти рад... Перлы очень беспокоятся за вас!

Он казался взволнованным и польщенным.

— Человек не может жить без интересов...

— Да. Это убийство...

— Кто говорит о нем?!

— Знаете, я действительно верю, что вы — волк!

Они весело болтали до самого Нью-Йорка.

... У Ричарда Квина не было автомобиля, а машина Эллери на время его отсутствия была на консервации.

— Что за польза от помощника без машины! — сказала Джесси. — В вашем распоряжении теперь нет дежурной полицейской машины, Ричард. Моя развалина нам очень пригодится.

— Согласен — с условием, что вы разрешите мне оплачивать гараж.

— Ричард Квин, никто не оплачивает мои счета, кроме меня!

Они остановились возле старого кирпичного здания на 87-й Западной улице, чтобы оставить его багаж. Джесси только присвистнула при виде квартиры Ричарда и немедленно настежь распахнула все окна. Она взбила постели, с ужасом оглядела кухню и принялась открывать шкафы.

— Что вы ищете? — робко поинтересовался он.

— Чистое постельное белье и пылесос. Вам же придется сегодня здесь ночевать! И вообще, кто

убирает вашу квартиру?

— Миссис Фэбрикен. Она должна была приходить раз в неделю...

— Она не совала сюда свой нос по меньшей мере два месяца. Вы занимайтесь своими делами — звоните по телефону или что там вам нужно, а я наведу тут хоть какой-нибудь порядок. При первой же возможности сделаю у вас генеральную уборку. Представить только, что ваш сын вернется в такую грязь!

С теплым чувством он удалился в кабинет Эллери, даже не поглядев на прямоугольное светлое пятно на стене своей спальни, где когда-то висел прямой телефон в управление.

Когда он вернулся в спальню, Джесси брюзжала:

— Это безнадежно. Чтобы убрать только эту комнату, необходим целый день!

— Что вы, она уже похожа на больничную палату! — воскликнул Квин.

— Ну, спать-то вы здесь сможете, не боясь подцепить холеру, но это, кажется, и все, — пробурчала Джесси. — Вы дозвонились до этого Финнера?

— Дозвонился, с десятой попытки. Он сказал, что будет у себя весь день. Я не назначил точного времени, Джесси, потому что не знал, когда вы

устроитесь с жильем.

— Не думайте обо мне. Все равно я не могу попасть к Глории раньше половины пятого. Она работает до четырех.

— Но ведь она завтра уезжает! — удивленно воскликнул он.

— Медсестры не живут, как обычные люди. Позвольте мне вытереть пыль, принять ванну, и я буду готова отправиться с вами пощекотать этого мистера Финнера,

— Но сперва мы позавтракаем у Билтмора.

— О, чудесно, я голодна как волк.

— А мне казалось, что волк — это я! — весело отозвался он.

— Но ведь на свете бывают и волчицы, не так ли?

Он поймал себя на том, что, прислушиваясь к такому уютному и домашнему плеску воды в ванной комнате, насвистывает, как мальчишка.

... Старое шестиэтажное здание с лязгающим лифтом находилось на 49-й Восточной улице. В узком подъезде на указателе среди прочих фамилий значилось: «Финнер, Л. Бэрт — 622».

— Джесси, говорить буду я. Хорошо?

— Конечно! Будто я знала бы, что ему говорить! — Джесси вдруг осенило: — Послушайте,

Ричард...

— Что? — быстро спросил он.

— Когда мы в то утро забирали ребенка, Финнер меня видел. Он может узнать меня.

— Вряд ли, но спасибо, что вы напомнили об этом. — Он задумался. — Ладно, может, это и к лучшему. И еще, Джесси...

— Да?

— Нам будет легче, если Финнер сочтет, что я все еще нахожусь на службе. Не удивляйтесь, если я буду вести себя, как полицейский чин.

— Есть, сэр, — отчеканила Джесси.

Шестьсот двадцать вторая комната находилась на верхнем этаже, в дальнем от лифта конце грязного коридора. Отовсюду тут несло старой краской и плесенью.

Старик улыбнулся Джесси и распахнул перед ней дверь.

А. Бэрт Финнер хмуро поднялся из-за своей конторки.

— Входите, мисс Шервуд, — рявкнул Ричард Квин. — Не пугайтесь, он вас не укусит. Он собаку съел на своем деле — не так ли, Финнер?

Джесси бодро вошла в маленький кабинет. Она не должна была показывать, что боится.

Толстяк с шумом обрушился обратно в вертя-

щееся кресло. Если память не изменяла Джесси, он был одет в тот же самый мятый синий костюм и пропотевшую белую рубашку. Мрачное помещение конторы пропахло потом. В комнате не было ничего, кроме обшарпанной конторки, перед которой стоял стул, скособочившейся вешалки с одиноко висевшей фетровой шляпой, старого шкафа для картотеки, запертого на замок, и вертящегося кресла, поскрипывающего под тяжестью Финнера. Ни ковра, ничего на стенах — только большой календарь с рекламой детского питания, на котором был изображен здоровенный бутуз в пеленках. Штора на единственном окне едва держалась.

Ричард Квин прикрыл дверь, взял Джесси под руку и повел ее к стулу.

— Присядьте, мисс, — сказал он, холодно взглянув на толстяка. — Итак...

Бледно-голубые глазки А. Бэрта Финнера удивленно перебегали от Джесси к Квину и обратно. «Мое лицо кажется ему знакомым, — подумала Джесси, — но он не может вспомнить, где он меня видел».

— В чем дело? Кто вы такие?

— Я звонил вам два или три часа назад, — ответил старик. — Помните, Финнер, то слово, ценой в

шестьдесят четыре миллиона долларов, которое я упомянул?..

— Какое слово?

— Хамфри.

Луноликое лицо стало еще шире.

— Да, конечно. И я еще сказал, что не понимаю, что вы имеете в виду.

— Однако вы все же просили меня заехать к вам и сказали, что будете в конторе весь день. — Ричард Квин взглянул на него с презрением. — Вот мы и здесь, Финчер. Вам не кажется, что на этот раз вы увязли по уши?

— Кто вы такой? — медленно спросил Финнер.

— Моя фамилия — Квин. — Инспектор вынул небольшой кожаный футляр и открыл его. Золотой полицейский значок блеснул на мгновение в луче солнца, с трудом пробившегося сквозь пыльное окно.

Финнер заморгал.

Старик спрятал футляр обратно в карман.

— Очень рад познакомиться с вами, инспектор, — произнес Финнер. — А эта леди?..

Бледные глазки вновь обратились к Джесси. Она заставила себя сидеть смирно и не теребить юбку.

— Вы не узнаете ее, Финнер?

— Нет. — Толстяк был обеспокоен и пытался скрыть это улыбкой. — А я должен узнать ее, инспектор?

— Пожалуй, да, — сухо ответил Квин. — Она та самая няня, которая находилась в тот день в машине Хамфри.

— В какой машине, в какой день, какая няня? — с той же улыбочкой вопросил Финнер. — И что это вы упоминаете какого-то Хамфри? Я не знаю никакого Хамфри.

— Господин адвокат, не осложняйте свое положение — перестаньте юлить! Мисс Шервуд, этот ли человек подъехал к лимузину Хамфри на пустыре неподалеку от Пелхэма в пятницу третьего июня на сером «шевроле» и передал мистеру Элтону Хамфри с острова Нэр, штата Коннектикут, голубой сверток с новорожденным?

— Да, это тот самый человек, инспектор! — дрожа, ответила Джесси. Она подумала было, не следует ли ей показать пальцем на толстого адвоката, как это делают в зале суда в кинофильмах, но решила воздержаться от этого.

— Леди ошибается, — расплывшись в улыбке, произнес Финнер и откашлялся. — Она никогда не видела меня, а тем более в подобных обстоятельствах.

— Как вы можете так лгать?! — вознегодовала Джесси. — Я видела вас собственными глазами!

— И я могу ошибаться, — пошел на попятную толстяк. — Нет ли у вас еще каких-нибудь доказательств, инспектор? Или, скажем, свидетеля?

— Целых три, Финнер, — наслаждаясь, ответил Квин. — Мистер и миссис Хамфри — двое и их шофер — седой человек с розовыми щеками — третий.

— Шофер, который управлял в то утро машиной Хамфри? — словно вспоминая что-то, спросил Финнер.

— Совершенно верно.

— Но откуда вы знаете, что он подтвердит показания этой леди, инспектор? Я не вижу его здесь.

— Ну, это дело поправимое. Позвольте воспользоваться телефоном?..

— Ладно, ладно, это не так уж важно! — Финнер принялся сосать нижнюю губу, поморщился, заложил руки за жирную шею. — Предположим, я окажусь столь слабонервным, что признаю, что был там в тот день, — сказал он, глядя в окно. — Ну, а дальше?

Джесси взглянула на Ричарда Квина. Тот покачал головой.

— Вы хотите знать мои козыри, Финнер?

— Как вам будет угодно это назвать.

— Что ж, извольте. Вы специализируетесь на незамужних матерях. Отыскав покупателя, вы устраиваете девушке возможность под чужим именем родить в больнице, платите ей деньгами покупателя и забираете ребенка, когда она выписывается. После этого вы передаете ребенка своего клиенту, получаете за это немалую мзду и, возможно, даже снабжаете ребенка фальшивыми документами. Это разлюбезный рэкет, Финнер, и самый его вкус в том, что всем замешанным в нем лицам невыгодно выдавать вас. Видите, я кое-что знаю!

— Я ничего не слышал, — сказал Финнер, продолжая глядеть в окно, — хотя слушаю вас обоими ушами.

— Я не хочу высказывать своих суждений относительно ваших методов зарабатывать деньги, которыми вы швыряетесь в ночных клубах, Финнер, — продолжал Ричард Квин. — В один прекрасный день мои мальчики этим займутся. Но сейчас я вами не интересуюсь.

— Да? — Финнер стремительно обернулся, и вертящееся кресло скрипнуло под ним.

— Вы должны сказать мне, кто родители ребенка, которого вы отдали Хамфри.

— Вы шутите?

— Я жду, Финнер, — сказал старик.

Джесси задержала дыхание.

— Даже если предположить, что все ваши слова — правда, — рассмеялся толстяк, — а мне трудно это сделать: почему я должен что-то рассказывать вам?

— Потому что вы, влипли, Финнер, — улыбнулся Ричард Квин. — Вам, конечно, известно, что ребенок мертв?

— Мертв? — Финнер склонился над столом, чтобы сдуть пыль. — Кажется, я что-то читал относительно ребенка по фамилии Хамфри, которого нашли задохнувшимся в его кроватке. Не этого ли ребенка вы пытаетесь пришить мне, инспектор?

— Этого самого.

— Тяжкое обвинение. Я всегда сострадаю детям. У меня своих трое. Но что из того? Ведь это был несчастный случай, не так ли?

— Это было убийство, Финнер..

Брюхо Финнера навалилось на стол, словно кит, вынырнувший на поверхность.

— Черта с два. Я тоже читаю газеты. Коронер вынес решение, что смерть наступила в результате несчастного случая. Расследование прекращено.

Что вы от меня хотите, инспектор? Почему вы пытаетесь вкрутить мне шарики?

— Это было убийство, Финнер.

Финнер достал из ящика стола стальной нож для разрезания бумаг и принялся чистить им ногти.

— Новые данные?

Ричард Квин не ответил, наблюдая за пухлыми руками толстяка.

Финнер положил нож на место и спрятал руки под стол.

— Послушайте, инспектор, — торопливо сказал он. — Ни в коей мере не признавая себя виновным, я, возможно, смогу добыть для вас кое-какую информацию относительно родителей ребенка. Мои связи...

— Мне безразлично, что вы признаете или не признаете, адвокат. Я хочу получить эти фамилии.

— Так... Какой у нас сегодня день? Четверг. Может быть, я сделаю для вас даже больше, инспектор. Я не обещаю, учтите, но может быть...

— Что?

— Что человек, с которым я связан, приведет их прямо сюда, в эту контору.

— Это было бы просто замечательно, Финнер.

Когда?

— Скажем, в субботу. Это будет двадцатое число. Четыре часа — вас это устроит?

— Когда здание будет пусто?

— Не люблю свидетелей, а убийство — дело не шуточное, — Финнер громко задышал. — Вы даете слово, инспектор, что, если я сделаю это для вас, мне ничего не будет грозить?

— Никаких условий, Финнер. Но помните, что сотрудничество никогда никому не приносило вреда. — Ричард Квин взглянул на Джесси. — Все ясно, мисс Шервуд. Благодарю вас за содействие.

Джесси удивленно воззрилась на него.

— За опознание личности, — пояснил он, помогая ей подняться. — Итак, до субботы, Финнер.

Финнер невесело кивнул.

В пятницу утром Джесси позвонила Ричарду Квину из квартиры Глории Сарделла и сказала, что будет занята весь день проводами подруги и устройством на новом месте. Он принялся уговаривать ее пообедать с ним, и Джесси задумалась, затем попросила его позвонить ей в течение дня. Он позвонил ровно в пять часов, и она сказала, что утомлена и вряд ли сможет составить ему приятную компанию. Она приготовит себе бутерброды и ляжет в постель.

— Мне кажется, что я не видел вас уже целые годы, — взмолился он.

Джесси неуверенно рассмеялась.

— День был такой длинный, а вечер будет еще длиннее, — сказал он. — Во всяком случае, позвольте мне утром позавтракать с вами.

— Лучше встретимся за ленчем, — ответила она. — Признаюсь, я очень обеспокоена завтрашним днем, Ричард. Может быть, придется пожать руку человеку, который задушил маленького Майкла...

— Ну, для этого весьма мало шансов.

— Что вы хотите этим сказать? Ведь Финнер...

— Я знаю, что сказал Финнер, — возразил он. — Его обещание было простой уверткой. Финнер хочет выиграть время, чтобы навести разные справки.

— Но если завтра они не появятся?

— Тогда он назовет нам их имена. В конце концов, Бэрт Финнер будет защищать Бэрта Финнера. Итак, в какое время мы завтра встретимся, Джесси

— Давайте — во втором часу дня.

— Так поздно?! — разочарованно воскликнул он.

— Но ведь мы должны быть в конторе Финнера

только в четыре! Сколько времени обычно вы тратите на ленч?

Он повесил трубку, чувствуя себя покинутым. Большую часть дня он провел на центральной улице, забрел в управление полиции, полистал последние приказы о переводах, перемещениях, повышении в должности, об объявлении благодарностей и выговоров, поболтал со старыми приятелями и сослуживцами. Они были рады встрече с ним, но он уходил от них несчастным. Пятница была в полиции самый занятой день недели, и его не покидало болезненное чувство, что он мешает им.

Квартира тоже не успокоила Квина. Она казалась ему мрачной и пустой.

«Что делают пенсионеры все дни и ночи? — дивился старик. — Ну, сколько газет можно прочитать? Сколько кинофильмов пересмотреть? Сколько часов провести на скамейке центрального парка, наблюдая за воркующими парочками людей и голубей? Как долго можно торчать у тех, с кем вместе работал и кто служит до сих пор, чтобы не докучать им?..»

В пятницу вечером Ричард Квин лег спать в четверть десятого, страстно мечтая о том, чтобы уже было четыре часа дня субботы.

— Я не знаю, что могу там встретить, — пробормотал он. — Вы помните, что я говорил вам?

— Но почему я не могу пойти с вами, Ричард?! — воскликнула Джесси.

— Перед нами уравнение с очень многими неизвестными. Возможно, что Финнер будет один, но жизнь детективов полна неожиданностей.

— В случае чего я смогу вам помочь, — сказала она храбро.

— Выслушайте меня, Джесси. Я пойду туда один, а вы ждите здесь, в конце коридора. Дверцу лифта держите открытой, на всякий случай. Если я сочту, что все в порядке, я дам вам знак. Если вы услышите какой-нибудь шум — немедленно выбирайтесь отсюда.

— Еще чего!

— Вы слышите меня, Джесси?

— Вам пора идти.

— Вы помните мои слова?

Он взглянул вдоль коридора. — Если с вами что-нибудь случится, я никогда не прощу себе.

— Просто удивительно, — с коротким смешком произнесла Джесси, — я как раз думала то же самое...

Он пристально взглянул на нее. Затем усмехнулся, пожал ей руку и быстро зашагал по

коридору.

Она видела, как он остановился перед комнатой 622 и приложил ухо к двери. Мгновение спустя он выпрямился, постучал и тут же повернул ручку двери. Дверь поддалась, и он вошел. Дверь за ним закрылась не сразу.

Конторское здание погрузилось в тишину.

«Ну, не будь дурехой, — говорила себе Джесси. — Он делал такие вещи всю свою жизнь. Разве он мог бы стать ветераном полиции, не научившись управляться с преступниками. Во всяком случае, тут нечего опасаться. Толстяк наверняка безобиден. Он скорее убежит, словно заяц, чем станет рисковать своей шкурой. Наверное, он сейчас напуган еще больше, чем я. А если там и те, другие?.. »

Сердце ее бешено билось.

Он был так неуклюже галантен, когда заехал за ней на квартиру к Глории и затем во время ленча... Словно юноша на первом свидании. И выглядел таким нарядным в выглаженном костюме, сверкающих туфлях. Он появился с букетом резеды.

— Цветочница решила, что я спятил, — сказал он смущенно. — Кажется, теперь никто не покупает резеду, но я вспомнил, как моя жена любила

эти цветы...

У нее не хватило духа сказать ему, что зеленоватые цветочки резеды никак не подойдут к ее зеленому платью. Или, может быть, женщине трудно радоваться, получив в подарок от мужчины цветы, любимые его супругой, хотя бы и умершей больше тридцати лет назад. Она приколола букетик к корсажу и затем отправилась в спальню и переменила шляпку, с которой резеда тоже была не в ладах.

«Несчастье в том, — думала Джесси, — что все это делается не ради меня... Просто он заново раскрывает для себя мир женщин». Вчера, когда она сидела в одиночестве на квартире Глории Сарделла, эта мрачная мысль овладела ею, словно головная боль. Любая женщина могла бы проделать с ним то же самое. Любая женщина и сейчас еще может сделать это. Любая другая женщина...

Но что там происходит? Джесси прислушалась, но не услышала ничего, кроме шума, доносящегося с улицы.

Она плохо спала ночь, размышляя о своих поступках. Почему позволила она себе поселиться в Нью-Йорке — городе, который был ей противен? Позволила ухаживать за собой человеку, которого почти не знала? И еще звонок от Бель

Бирман. «Что это я слышу о тебе и о каком-то мужчине, Джесси?.. » Это, конечно, Глория, которая повстречала их в четверг после посещения конторы Финнера... И последующие осторожные расспросы Глории. Бесконечное число раз Джесси твердо решала позвонить ему и сказать, что все это было ошибкой, что они оба слишком стары для подобных вещей... «Давайте расстанемся, как добрые друзья, и я вернусь к своим подкладным суднам и катетерам, а вы продолжайте себе загорать на пляже... »

«О, я не должна была приезжать сюда! — твердила себе Джесси. — Я должна была отправиться в родильный дом, следить за температурными таблицами больных, быть внимательной к миссис Смит, вежливой с миссис Джонс и до конца ночной смены, едва держась на ногах от усталости, выслушивать болтовню миссис Томкинс о том, как она рассчитается со своим мужем за все, что ей довелось здесь пережить... »

Квин вышел в коридор.

Джесси вздрогнула. Она даже не слышала, как открылась дверь из комнаты 622. Инспектор стоял в коридоре и знаками подзывал ее к себе.

Джесси поспешила к нему.

Он был сосредоточен и серьезен. Неплотно

прикрыв дверь, он держался за ручку.

— Ну что, Ричард? — спросила Джесси. — Мне можно войти?

— Это зависит от вас, Джесси. — В голосе его была тревога. — От того, сколько вы можете вынести.

— Что случилось? Разве Финнера там нет?

— Он там. Но он мертв.

Глава третья
И ЗАТЕМ - ЛЮБОВНИК

Мертвым толстяк выглядел совершенно по-иному. Он был похож на огромный воздушный шар, из которого выпустили воздух. Он сидел в своем кресле, голова его поникла, руки свисали. Кресло было наполовину повернуто от стола, словно он пытался встать вся левая сторона груди была влажной от крови.

Металлическая рукоятка ножа торчала у него из груди. Джесси узнала стальной нож для разрезания бумаг, который видела у него на столе в четверг.

— Стойте на месте, Джесси, — сказал инспектор Квин, прикрыв дверь. — И держите вашу сумочку обеими руками, чтобы не коснуться ими чего-нибудь. И не смотрите на него.

— - Мне уже приходилось видеть убитых, — сказала Джесси, крепко сжимая сумочку.

Он обошел вокруг стола, заглянул под него, поднялся, выглянул в окно.

— Никто ничего не мог видеть...

Окно выходило на высокую глухую стену заво-

да, расположенного на соседней улице.

— Связка ключей валяется на полу позади конторки. Сорвана с петли на его брюках. Один ключ все еще торчит в замке шкафа с картотекой. Кто-то очень спешил, Джесси. Но осторожней, осторожней!

— Может быть, нужно...

— Не двигайтесь с места!

Сорок восемь часов назад толстяк сидел в этом же самом кресле, в том же костюме и в той же рубашке, серой от пота, а теперь наполовину выкрашенной его собственной кровью. Итак, не будет больше подпольной купли-продажи детей, и матери-одиночки будут вынуждены искать другого «благодетеля». А сколько клиентов с облегчением прочтут про смерть толстяка?.. И поставит ли миссис А. Бэрт Финнер камень на могиле мужа с высеченной надписью «Мужу и отцу» и будет ли рыдать о погибшем кормильце? И сколько девушек из ночных клубов прольют почерневшую от краски слезу из-за того, что пятидолларовые бумажки не будут больше шуршать в их нейлоновых чулках?..

Джесси подавила желание рассмеяться.

Инспектор обвернул правую руку носовым платком и склонился над Финнером. Когда он

выпрямился, в его руке, обмотанной платком, был бумажник. Он раскрыл его.

— Полно денег, Джесси.

Так же осторожно он засунул бумажник обратно.

— Значит, не ограбление? — дрожащим от волнения голосом спросила Джесси.

Квин оглядел стол. Дневной выпуск газеты, развернутый на отделе спорта, шариковая ручка, телефон, адресная книга, начатая пачка сигарет с фильтром, карманная зажигалка и дешевая стеклянная пепельница, полная раздавленных окурков и пепла. Инспектор пригнулся и посмотрел на обложку адресной книги. Затем разворошил ногтем окурки в пепельнице.

— На оторванном листе адресной книги ничего не написано. Никаких следов губной помады на окурках. И корзина под столом пуста, если не считать смятой пачки из-под сигарет той же марки, что и на столе. Все это принадлежит Финнеру. Хладнокровный убийца, Джесси. Понимающий, что значит оставлять следы.

— А что в ящиках стола? — Джесси облизала пересохшие губы.

— Пусть их осмотрит полиция, — усмехнулся он. — Финнер не мог ничего в них держать.

Ящики без замков. — Он взглянул на нее. — Предположим, что вы работаете в отделе, ведающем делами об убийствах, Джесси. Попробуйте определить, как давно он убит?

— Трудно сказать.

— А вы попытайтесь.

— День сегодня жаркий. Окно закрыто... По крайней мере, я должна прикоснуться к нему.

— А без этого?

— Мне приходилось иметь дело с мертвецами, Ричард. Я коснусь его.

— Не надо.

— Он убит недавно, — решила Джесси. — Судя но крови, с час тому назад. Не знаю. Возможно, я ошибаюсь.

Квин прикоснулся тыльной стороной руки к щеке мертвеца и утвердительно кивнул, затем подошел к шкафу с картотекой и потянул за ручку верхнего ящика. Ящик выдвинулся с таким скрипом, что у Джесси заныли зубы.

В ящике находилось пять конвертов, на которых от руки были написаны буквы алфавита. В первом конверте на плотном листе бумаги были напечатаны фамилии на букву «Д», заканчивающиеся «Дуффи».

Квин задвинул верхний ящик и открыл ящик

пониже. Дойдя до буквы «Х», он принялся смотреть конверт за конвертом, от «Хаксли» до «Хьюз».

— Хамфри нет, — тихо произнес Квин.

— Может быть, тут фамилии матерей? — предположила Джесси.

— Вы умница, Джесси, однако вы ошибаетесь. Здесь указаны фамилии усыновителей.

Он положил пачку конвертов на место и пробежал глазами картотеку третьего ящика, затем самого нижнего, после чего задвинул нижний ящик и поднялся.

— Нет никаких сомнений, Джесси, что убийство Финнера связано с несчастьем на острове Нэр. После нашего визита в четверг Финнер пытался добыть какую-нибудь информацию относительно смерти Майкла и одного или обоих подлинных родителей ребенка. Вот ему и заткнули рот, чтобы он не смог выдать родителей. Его убили и ушли, прихватив с собой данные картотеки. Возможно, Финнер был единственным человеком, который знал, кто является матерью Майкла, название госпиталя, в котором он родился, или еще какие-то факты.

— Тот же самый человек убил и ребенка, — медленно произнесла Джесси. — Это значит, что мы

идем но верному следу.

— Но мы сели на мель, — хмуро отозвался Квин.

— Нужный нам конверт уничтожен, и мы оказались в тупике. Вопрос заключается в том, с чего нам следует начинать теперь.

Он бросил на А. Бэрта Финнера угрюмый взгляд.

— Я думаю, Джесси...

Раздался телефонный звонок. Сердце у Джесси чуть не выпрыгнуло из груди.

Квин приблизился к столу, задумчиво глядя на телефон.

— Вы ведь не возьмете трубку, Ричард?! — в ужасе сказала Джесси. — Ради бога!

— Тсс!

Его рука все еще была обмотана носовым платком. Он поднял трубку.

— Да? — хрипло произнес он, пытаясь имитировать голос Финнера.

Джесси закрыла глаза. Она услышала голос телефонистки. Старик еще раз тем же хриплым голосом повторил: «Да? » — и телефонистка что-то ответила, затем наступило молчание.

Он прижал трубку к груди и шепнул:

— Вызывает Нью-Хейвен.

— Нью-Хейвен?! — Глаза у Джесси расширились.

Голос в трубке был самоуверен и тороплив.

— Говорит доктор Самюэль Дуэйн. Мистер Элтон Хамфри у вас?

— Хамфри? — отозвался Ричард Квин. — А зачем он вам нужен?

— У меня личное дело к нему. — Тон доктора был требователен. — Я должен поговорить с мистером Хамфри.

— Вам придется сказать мне, что вы хотите, мистер Дуэйн. — Он подмигнул Джесси.

— Я — лечащий врач миссис Хамфри. Она... ее состояние ухудшилось, и я должен отыскать ее мужа. Вы знаете...

— Ей очень плохо?

— Послушайте, у вас мистер Хамфри или нет?

— Нет, доктор, его здесь нет, но я попытаюсь разыскать его. Вы пробовали звонить в его летнее поместье в Коннектикут?

— Послушайте, неужели вы принимаете меня за идиота?! Там мне сказали, что он еще вчера покинул остров Нэр, пообещав вернуться лишь завтра вечером.

— И он не сказал, куда едет?

— Нет! Мне дали номера телефонов всех мест,

где он может быть, — клубов, квартиры на Парк-авеню, его дома в Конкорде, даже номер телефона родственников миссис Хамфри в Массачусетсе. Но мне не удалось найти его. Не можете ли вы подсказать мне, где он находится? Как мне известно, вы оказывали ему кое-какие юридические услуги.

— Боюсь, что ничем не смогу помочь вам, доктор. Но если он позвонит мне...

Доктор Дуэйн швырнул трубку.

Квин взглянул на Джесси и тоже положил трубку.

— Странно...

— Что он говорил, Ричард?

Квин изложил ей содержание разговора.

— Но мне это вовсе не кажется странным. Кроме совпадения, что он позвонил сюда как раз тогда...

Инспектор, нахмурившись, покачал головой.

— Джесси, я хочу, чтобы вы уехали домой, — сказал он.

— Без вас?

— Я должен известить полицию. Об убийстве полагается сообщать немедленно, как только оно обнаружено.

— Почему же вы не позвонили сразу как во-

шли? — парировала Джесси.

— Вы строгая женщина, — ответил он. — Может быть, я почувствовал, что расследование этого дела должно проводиться мною... Мною и вами. Вы и я, только мы знаем, что оба убийства связаны между собой, но так как из картотеки исчез конверт Хамфри, у полиции нет причины связывать убийство Финнера с делом об убийстве ребенка в Коннектикуте, которое к тому же признано смертью в результате случайности.

— Не лучше ли попросить, чтобы вас восстановили на работе, Ричард? — тихо произнесла Джесси. — Когда они узнают, что вы с самого начала занимаетесь этим делом, они поручат вам довести его до конца...

Слабая улыбка промелькнула у него на лице.

— Так это не делается. В нью-йоркской полиции работают две тысячи детективов, не считая штаба и округа и не говоря о двадцати тысячах, или около того, мужчин и женщин, занимающихся разными полицейскими делами. Они не нуждаются в старом Квине. Пошли, Джесси. Я провожу вас до машины. Я не желаю, чтобы кто-нибудь видел вас здесь.

Джесси обернулась.

Толстяк по-прежнему сидел в кресле, словно

шар, из которого выпустили воздух.

Было одиннадцать часов вечера, когда раздался телефонный звонок.

— Джесси?

— Ричард, почему вы не позвонили раньше?! Где вы?! —- воскликнула Джесси. — Все в порядке?

Она поняла, что он не может свободно разговаривать и не может приехать.

— Вы не сумеете повидать меня сегодня, не так ли? Я вас правильно поняла?

— Точно. Позвоню вам утром.

— Спокойной ночи, Ричард.

Джесси повесила трубку и оглядела стол, который она накрыла к ужину. Она купила бифштексы, зелень для салата и прочую снедь, рассчитывая накормить его, когда он придет. Так вот какую жизнь ведут жены сотрудников полиции...

«О чем это я думаю?! » — спохватилась Джесси и отправилась в постель.

... Она была еще в бигуди и старом халате, когда раздался звонок. Она открыла дверь на ширину цепочки, дивясь, кто бы это мог быть.

— Ричард!

— Удивил? — ухмыльнулся он. — Я принес вос-

кресные газеты, холодный сок, свежие булочки, яйца. У вас найдется ветчина? Я забыл купить ветчину... Джесси, где вы?

— Вы не должны делать таких вещей, — простонала Джесси, прячась за дверью. — Или вы не знаете, как выглядит женщина по утрам? Я сниму цепочку, но не смейте входить, пока не сосчитаете до десяти!

— Хорошо, — покорно согласился он.

Когда она вышла из крохотной спальни, он сидел на краешке стула, держа на коленях бумажный сверток.

— Ричард Квин, я готова удушить вас. Есть ли что-нибудь отвратительнее женщины в бигуди?! Что вы там рассиживаетесь, дайте-ка мне сюда этот пакет!

— Простите. — Он казался таким растерянным, что Джесси невольно рассмеялась. — Во всяком случае, мне показалось, что вы выглядите отлично. Ведь сколько лет прошло с тех пор, как я видел женщину в бигуди...

Джесси взяла пакет и занялась приготовлением завтрака.

— Я что-нибудь не так сказал? — спросил он.

— О боже мой, нет. Лучше помогите мне. Ветчины у меня нет, но в холодильнике вы найдете

бифштексы. Вы любите бифштексы?

— Еще бы!

Лишь наливая ему вторую чашку кофе, Джесси спросила:

— Ну, что еще произошло вчера?

— Ничего особенного, — ответил он безразличным тоном. — Первыми явились два сержанта радиопатрульной машины семнадцатого округа, — я знаю обоих довольно хорошо, — затем целая куча старых приятелей — инспектор Том Маки, ведающий Восточной частью Манхаттена, глава сыскного отдела Брини Фелан, ребята из отдела убийств — это было похоже на встречу с родными.

— - И когда они спросили своего старого приятеля, как это он оказался возле трупа, что ответил их старый приятель?

Квин поставил чашку и пожал плечами.

— Я соврал. Довольно коряво, но после, кажется, выкрутился. — В голосе его звучал стыд. — Неприятно лгать, особенно друзьям...

— Что же вы придумали, Ричард? — тихо спросила Джесси. — Я должна это знать на тот случай, если они спросят меня.

Он взглянул на нее с восхищением. Затем уставился в пол.

— Я сказал, что совсем было начал сходить с ума от безделья, ну и принялся вспоминать всяких крыс, которых знал в прежнее время и которых мне не удалось приструнить. Вот и вспомнил Финнера и его грязный рэкет. Сказал, что подумал, неплохо бы зацепить его — ведь на него даже нет досье в управлении! Поэтому в четверг я заглянул к Финнеру (так я сказал), сделав вид, что все еще нахожусь на службе, и заявив, что мы наконец раскрыли кое-какие его делишки. Мы уговорились, что следующая встреча у нас состоится в субботу. А когда я пришел к нему в контору в субботу, то обнаружил его убитым. Вот что я рассказал, Джесси!

— Но ведь это не ложь, — поспешно сказала Джесси. — Это не так далеко от истины.

— Всего на расстоянии в один миллион миль, — хмыкнул он. — Это худший вид лжи из всех существующих. Ведь я не сказал ничего, что могло бы им помочь... Джесси, я бы, пожалуй, выпил еще кофе.

Она молча налила ему.

— Они пустились на поиски, — продолжал он, помешивая кофе. — Они предполагают, что убийца хотел воспользоваться досье Финнера с целью шантажа, но, возможно, его спугнули.

Хоть они и не думают, что ответ можно найти в каком-нибудь из ночных заведений, которые патронировал Финнер, но все же проверяют всех девочек, с которыми он был знаком. Некоторые из них связаны с довольно темными личностями. Мои друзья учли все точки зрения, кроме правильной. — Квин отпихнул ногой воскресные газеты, валявшиеся на полу. — Можете сами прочесть обо всем этом.

— Не расстраивайтесь, Ричард... — Джесси перегнулась через стол, чтобы положить свою руку на его.

Он пожал ее руку и не отпускал.

Мгновение спустя, покраснев, она выдернула руку и принялась убирать посуду.

— Что мы будем делать?

Он поднялся с места и начал помогать ей.

— Проблема та же — узнать, кто родители ребенка.

— Я не вижу, как это нам удастся теперь.

— Есть один путь...

— Да? — Джесси взглянула на него.

— Разве у младенцев в роддомах не берут отпечатков рук?

— И ножек! — кивком подтвердила Джесси. — В большинстве больниц теперь берут отпечатки

ножек.

— Зная методы Финнера, можно считать, что он устроил роженицу в госпиталь. Нам остается только найти отпечатки рук или ног Майкла. Это, конечно, будет означать эксгумацию...

Не поворачиваясь от раковины, Джесси торжествующе сказала:

— А как бы вам понравилось, инспектор, если бы у меня оказались отпечатки ножек Майкла?

— Что?

— Миссис Хамфри купила одну из книг, выпущенных Чикагским родильным домом, — знаете, где записывается рацион, частота кормления, зубы, вес и прочее. Там есть страница и для отпечатков ножек. Я сама прижала ножки Майкла к этой странице...

— И она у вас сохранилась? — недоверчиво спросил он.

— Да. После похорон я спросила миссис Хамфри, куда мне положить эту книгу. У нее началась истерика, и я только разобрала, что должна взять эту книгу, а она сама никогда не сможет взглянуть на нее. Так что я оставила книгу себе, — с вызовом произнесла Джесси. — Он был куда больше моим ребенком, чем ее... Сейчас я достану книгу. Она у меня в чемодане.

Джесси поспешила в спальню и вернулась с объемистой книгой, завернутой в голубые пеленки.

— Конечно, мы заполнили все графы, кроме даты рождения... — Джесси замолкла. — Даты рождения...

— Но это же здорово! — воскликнул он. — Имея отпечатки ножек и зная дату рождения, остается только найти госпиталь! Финнер привез ребенка в Пелхэм, поэтому больше всего шансов, что Майкл родился в одном из госпиталей Нью-Йорка. Для начала я сделаю фотокопию с этих отпечатков и... Джесси, что с вами?!

Она глядела затуманенным взором на крохотные следы ножек на бумаге.

— Ничего, Ричард. — Она отвернулась и достала носовой платок.

Квин хотел было погладить ее по плечу, но испуганно отдернул руку.

— Он был такой маленький, — всхлипывала Джесси. — Я целовала его пальчики, один за другим, и он верещал от удовольствия... — Она громко высморкалась в платок. — Извините. Не знаю, что со мной происходит в последнее время...

— Вы женщина, — сказал он. — Может быть,

вам некогда было понять это прежде, Джесси...

Она стояла, отвернувшись.

— Что я должна делать, Ричард?

— В первую очередь взять себя в руки.

— Хорошо...

— Если бы я знал про эту книгу, я ни за что не позволил бы вам влезать в это дело. Это опасно для вас. Финнер был убит потому, что являлся звеном, ведущим к матери маленького Майкла. Вы — другое звено. Кто знал, что эта книга у вас?

Джесси опустилась на стул, не сводя взгляда с инспектора Квина.

— Только Сара Хамфри, мне кажется. А может быть, и она не знает. Она могла подумать, что я уничтожила книгу.

— Может быть, и убийца решил так же, — нахмурился он. — Или просто не знает о ее существовании. Все равно, Джесси, вам надо быть очень и очень осторожной. Действительно, чем больше я думаю об этом, тем меньше мне нравится, что вы живете одна в этой квартире. Я бы хотел...

— Да? — спросила Джесси.

— Что ж, во всяком случае, в течение дня я могу охранять вас. — Он улыбнулся. — Что вы предполагаете делать сегодня?

Перед тем как в понедельник выехать с фотоснимками в город, Ричард Квин сказал:

— Это будет долгая история, Джесси. В Манхаттене семьдесят пять или восемьдесят госпиталей, не говоря уж о Бронксе, Квинсе, Стэтен-Айленде, Вестчестере, Лонг-Айленде и Джерси...

— Почему бы не начать прямо с родильных домов? — предложила Джесси. — Логически следовало бы начать с них.

— Именно поэтому Финнер должен был их избегать. И он, конечно, не обращался в такие учреждения, как Нью-Йоркский воспитательный дом или Приют для одиноких матерей. Нет, он, по-видимому, счел, что крупный общий госпиталь даст его подопечной больше шансов потеряться в толпе. Давайте начнем с них.

— Ладно, составим список и разделим его пополам. Это вдвое сократит время поисков.

— Я не отпущу вас от себя, — твердо сказал он. — Кроме того, я сомневаюсь, что вам удастся получить доступ в регистратуру госпиталей, даже тех, где вас знают. Мне же с моим значком открыт доступ всюду.

В среду вечером, на третий день поисков, покидая госпиталь на 80-й Восточной улице, Джесси сказала:

— Что случилось, Ричард? Вы весь день какой-то странный. Вы же сами говорили, что поиски займут много времени...

Он провел ее через улицу к машине.

— Я не думал, что вы заметите, — хмуро произнес он.

— Меня не проведешь. Когда вы чем-нибудь озабочены, то становитесь молчаливым и напряженным. Что же все-таки случилось?

— Посмотрите в зеркало.

Он стронул «додж» с места, и они влились в поток автомашин. Джесси прижалась к нему, чтобы глядеть в зеркальце. Черный «крайслер», сильно нуждавшийся в хорошей мойке, выехал из боковой улицы и последовал за ними. Какое-то мгновение он находился в непосредственной близости от них, и Джесси даже увидела лицо водителя, угловатое и серое. Человек в машине был один

Затем «крайслер» отстал, оттертый другими машинами, и Джесси потеряла его из виду. Но через несколько кварталов она вновь увидела позади человека с серым лицом.

— Нас преследуют. — Во рту у нее пересохло.

— Он сидит у нас на хвосте целый день.

— Городской детектив?

— Городские сыщики обычно работают в паре.

— Кто же это?

— Один частный детектив по имени Джордж Вирхаузер. Его контора находится неподалеку от Таймс-сквер. В основном занимается бракоразводными делами. В городе он котируется довольно низко — слишком много сомнительных дел, но прямых нарушений за ним нет.

— Но зачем он следит за нами?

— Не знаю. — Квин был мрачен. — Что ж, пока что не следует уходить от него. «Хвост» работает в двух направлениях — он не спускает глаз с нас, мы не спускаем глаз с него. Может быть, мы найдем способ воспользоваться им.

— Он выглядит очень суровым.

— Это его обычный вид во время работы, — презрительно отозвался Квин. — Но только вид, Джесси. Перестаньте думать о нем.

Вирхаузер не отставал от них до десяти часов вечера, пока они не поставили машину в гараж на 70-й улице, Где Джесси договорилась о месячной стоянке. Когда они прошли пешком на 71-ю улицу и находились перед подъездом дома Глории Сарделла, «крайслер» проехал мимо них, набрал скорость и исчез.

— Боже милостивый, — произнесла Джесси.

— Он действует мне на нервы. Поднимемся, Ричард? Я приготовлю кофе.

— Нет, вам пора спать, Джесси.

- Я немного волнуюсь, — призналась Джесси. — Вы заметили это — вы такой внимательный, Ричард!

Она схватила его за руку.

— Да?

— Вот еще один!

— Кто, Джесси? — не понял Квин. Он был спокоен.

— Другой человек, следящий за нами! Он шатался возле гаража, когда мы туда приехали. А сейчас он прячется в парадном на той стороне улицы.

— Вы, конечно, выбрали себе не ту профессию, — сказал инспектор.

— Ричард, что вы делаете...

Поддерживая ее под руку, он перевел Джесси через улицу к подъезду дома, на который она указывала. Человек, следивший за ними, отпрянул в темноту вестибюля. К ужасу Джесси, Ричард Квин вел ее прямо к этому человеку.

— Как тебе не стыдно, Гэс, — сказал он. — Джесси, познакомьтесь, — это Гэс Полонский, бывший детектив первого класса. Из отдела угона автомо-

билей, подделок и карманных краж. В отставке.

— Боже милосердный! — воскликнула Джесси. — Здравствуйте, мистер Полонский.

— Рад познакомиться с вами, мисс Шервуд, — нерешительно ответил Полонский. — А может быть, и не рад. Староват я стал. — Полонский был плотным, седым человеком, с приплюснутым носом и невинными голубыми глазами. Видимо, когда-то он обладал большой силой, но сейчас у него была впалая грудь, и Джесси заметила, как у него тряслись руки, когда он закуривал. — Вы что, хотите отказаться от моих услуг, инспектор? Но я впервые за восемь лет, после перехода на пенсию, получаю такое удовольствие.

— Не говорите глупостей. У этой женщины просто еще пара глаз на затылке. - В голосе Ричарда Квина прозвучали нотки гордости. — А ты знаешь, Гэс, за нами сегодня был «хвост».

— Да, я заметил этот черный «крайслер», — сказал Полонский, — но не мог рассмотреть шофера.

— Вчера вечером ты его здесь не видел?

— Нет. Во всяком случае, если слежка и велась, то из другой машины.

— Это Джордж Вирхаузер.

— Этот слизняк? — Полонский сделал гримасу отвращения. — Хотите, чтобы я отделался от него,

если он снова здесь покажется?

— Нет, не нужно. Не разрешай ему только приближаться к мисс Шервуд.

— Слушаюсь, инспектор.

— Что тут происходит? — сердито спросила Джесси. — Инспектор, я ничего не понимаю.

— Пожалуйста, не сердитесь, Джесси, — попросил Квин. — В воскресенье вечером, возвращаясь от вас, я случайно встретился с Гэсом — он живет здесь по соседству. Гэс пожаловался, что ему осточертело бездельничать...

— Да, мне следовало бы поступить куда-нибудь на службу, — сокрушенно подтвердил Полонский, — но кто возьмет такого старика?

— Так вот, — продолжал Квин, — слово за слово, и получилось так, что Гэс стал просить меня разрешить ему участвовать в нашем деле.

— И именно таким образом мистер Полонский превратился в моего ангела-хранителя, да?

— Да, с вечера воскресенья, — подтвердил бывший детектив, расплываясь в широкой улыбке.

— Но это только на вечернее время, Джесси, когда я не могу тут быть.

— Это очень мило с вашей стороны, мистер Полонский, — тихо сказала Джесси.

— Что вы, мисс, я занимаюсь этим с большим

удовольствием!..

Эту ночь Джесси спала прекрасно.

Напасть на след им удалось только через неделю поисков.

Произошло это в одной из больших больниц в центре города. Квин просматривал папку с отпечатками ножек новорожденных. Джесси увидела, что он насторожился, и несколько раз сравнил с помощью увеличительного стекла документ больницы с принесенным им с собою фотоклише.

— Мы нашли то, что нужно, Джесси, — пробормотал он.

— Не может быть! Вы уверены?

— Абсолютно.

Под отпечатком было написано: «Младенец Экзетер».

— Пойду узнаю в канцелярии, что известно о матери.

Вскоре Квин вернулся с бумажкой, на которой были сделаны какие-то заметки, и сел рядом с Джесси на кушетку в комнате ожидания.

— Фамилия матери по мужу — Уиллис П. Экзетер, а девичья — Луис Энни Эдвардс, причем обе, конечно, вымышлены. Адрес... этот адрес на 55-й Восточной улице тоже может ввести в заблужде-

ние. Я знаю, что это адрес небольшого пансиона. По всей вероятности, Финнер снял там комнату на имя Уиллиса П. Экзетера (он, наверное, снимал в городе несколько таких комнат, и каждую на другое имя), поместил туда девушку, которой он в тот момент занимался, а потом отвез ее в родильный дом и выдал там за свою жену.

По данным, полученным Квином в канцелярии, «миссис Уиллис П. Экзетер» было двадцать четыре года, она принадлежала к белой расе, обладала светлыми волосами и карими глазами. Прибыла она в больницу 26 мая в 9 часов 18 мин. утра, родила 27 мая в 3 часа 56 мин. дня и выписалась, вместе с ребенком, 3 июня в 10 часов 15 мин. утра. Находилась она в родильном отделении больницы, где лежала в двухместной палате.

— В этом деле, похоже, был замешан и доктор, — со злостью сказала Джесси. — Как его фамилия?

Квин отрицательно покачал головой.

— Финнер действовал через порядочных врачей, которые даже и не знали о его существовании. Он послал эту девушку к врачу под фамилией миссис Уиллис П. Экзетер с выученной наизусть фиктивной биографией, и врач, ничего не подозревая, делал свое дело. Для того чтобы не вызвать подозрений, Финнер посылал каждую

девушку к новому врачу, и все было в порядке. Нет, врач нам не поможет. — Квин хитро прищурился. — Вы когда-нибудь здесь работали?

— Да.

— Тогда вы должны знать кого-нибудь из дежурных нянь родильного отделения.

— Да, некоторых я знаю.

— Почему бы вам не зайти туда и не попытаться навести справки? Может быть, вы натолкнетесь там на няню, которая еще помнит роженицу. Ведь она была здесь всего три месяца назад.

— Чем я могу объяснить свой интерес к ней?

— Скажите, что помогаете одному адвокату разыскать миссис Экзетер. Она, видите ли, получила наследство, но адвокат не может найти ее. — Квин ухмыльнулся. — Такое объяснение еще никогда не подводило.

Спустя некоторое время Джесси возвратилась. Глаза у нее блестели.

— Дженевив Фулер, — сообщила она. — Минут через десять она придет в кафе.

— Я прекрасно помню миссис Экзетер, мистер Квин, — продолжала няня Фулер — маленькая энергичная женщина с седыми волосами и пытливыми глазами. — Все время она была такой печальной и почти не разговаривала. Ее соседка

по палате решила, что миссис Экзетер ужасно скучная особа, но я-то понимала, что у нее в жизни произошло что-то тяжелое. Милая женщина, испытавшая какое-то большое потрясение. Она родила такого славного мальчишку.

Джесси отпила глоток кофе.

— Она рассказывала вам что-нибудь о себе, мисс Фулер? — спросил Квин.

— Нет, да я и не расспрашивала. Я же чувствовала, что в ее жизни произошло что-то трагическое... И знаете, ведь ее муж так ни разу у нее и не был.

— Да что вы!

— Уж эти мужчины! Помню, я как-то заглянула к ней, когда она мучилась, а она схватила меня за руку и разрыдалась от радости, что увидела сочувственное лицо. Ее никто не навещал. Ни родители, ни брат, ни сестра, ни друзья... Я даже не могу себе представить, из какой она семьи!

— Мисс Фулер, а она рассказывала вам что-нибудь такое, что помогло бы нам найти ее сейчас?

— Нет.

Няня обвела взглядом кафе, а потом шепотом сообщила:

— Однако я абсолютно уверена, что Экзетер не настоящая ее фамилия!

— Серьезно? Возможно, поэтому мы и не можем

ее найти. Почему вы так думаете?

— Да потому, что, увидев ее в больнице, я сразу же решила, что видела ее где-то раньше, но никак не могла вспомнить где. А потом, однажды утром, она выдала себя.

— Каким образом?! — воскликнула Джесси.

— Я, конечно, даже не намекнула, что о чем-то догадываюсь, а лишь заметила, какой у нее хороший голос. Ну, в общем, ты понимаешь!

— Нет, Джен, честное слово! При чем тут вообще ее голос?

— Как-то утром, — Дженевив Фулер снова оглянулась, — за день до того, как она выписалась, я проходила по коридору мимо ее комнаты и услыхала, как кто-то очень низким и приятным голосом тихо напевает. Я заглянула в комнату, и будь я проклята, если пела не эта женщина! У ее кровати стояла ширма, и ей только что принесли младенца для кормления — мне в ней еще нравилось, что она сама кормила ребенка, не так, как те бездельницы, которые целыми днями торчат в ресторанах в своих норковых манто и позволяют посторонним пичкать своих младенцев чем угодно. Они, видимо, полагают, что природа дала им грудь для украшения...

— Вы упомянули ее голос, мисс Фулер, — пре-

рвал ее Квин.

— Да, так вот я хотела вам сказать. Она нянчила своего ребенка и напевала при этом. Ну, уж насчет голосов меня не проведешь. Ты же знаешь, Джесси, как я люблю эстрадных певцов и певиц. Голос этой женщины я узнала бы когда угодно. Вам могут нравиться ваши Розмари Клуни, Дина Шор, Джо Стэфорд, Пэтти Пэйджс и Дорис Дэй, и они, возможно, во много раз лучше этой женщины, которая пока напела всего лишь несколько пластинок; но запомните мои слова: наступит время, когда она превзойдет их всех! Пластинки с ее записями будут известны не немногим, как сейчас, но будут продаваться нарасхват.

— И ее настоящая фамилия?

— Я не уверена, что это ее настоящая фамилия. Но на эстраде она известна как Конни Кой. — Няня Фулер откинулась на спинку стула и прищурилась, ожидая реакции на сообщенную ею сенсацию, но, видимо, разочаровалась в своих ожиданиях и продолжала: — Да и, кроме того, я решила, что она, очевидно, здесь инкогнито, и я ни за что на свете не должна разглашать это, тем более, как я уже сказала, мне показалось, что у нее какие-то неприятности. Но я могу поклясться хоть на сотне библий, что это была певица Кон-

ни Кой, выступавшая в ночных клубах... Так вы говорите, что она получила наследство?! Это же чудесно! Как только вы ее найдете, мистер Квин, скажите ей, что я — ее самый верный «болельщик», хорошо? А какой у нее чудесный ребенок!..

После ухода Дженевив Фулер Квин спросил:

— Джесси, вы когда-нибудь слыхали имя Конни Кой?

— Я не переступала порога ночного клуба с восемнадцатого декабря сорок третьего года.

— Если бы сегодня не было воскресенье, я мог бы узнать ее адрес десятком способов, — продолжал Квин. — Теперь же нам придется ждать до завтра.

— А я знаю способ, пригодный и для воскресенья, — сказала Джесси.

— Какой?

— Заглянуть в телефонный справочник.

Квин долго смотрел на Джесси, а затем совершенно серьезно заметил:

— Я даже не могу себе представить, Джесси, как мог раньше вообще обходиться без вас. Извините меня, я отлучусь на минуту.

Очень скоро он возвратился, размахивая бумажкой.

— Она проживает на 88-й улице, около Вест-

Энд-авеню, — ликующе сообщил он. — Вперед, господин начальник!

— Мистер Вирхаузер все еще не дает знать о себе, — заметила Джесси, когда Квин тронул машину с места.

Черный «крайслер» они не видели в течение всего дня.

— Странно.

— Может быть, по воскресеньям он не работает вообще или же ему дали другое задание.

Квин промолчал, но в дороге время от времени поглядывал в боковое зеркальце.

Многоквартирный дом, к которому они подъехали, нелепо украшенный затейливым каменным орнаментом и псевдобалконами, был построен, видимо, в начале века: штукатурка потрескалась и поблекла, когда-то полосатые тенты над окнами нижнего этажа — выцвели, решетчатые, железные двери покрылись струпьями ржавчины, тротуар перед домом был разрисован линиями детских «классиков». Все здание словно ежилось от стыда.

Квин и Джесси вошли в вестибюль, наполненный запахами кухни. Около висевшего на стене коммутатора, скорчившись в три погибели на трехногом стульчике, под тусклой лампочкой

сидел тощий веснушчатый подросток в слишком большой для него униформе и читал комиксы.

— Кого вам? — спросил он, даже не поднимая головы.

— Мисс Конни Кой.

— Нету ее.

— Когда она вернется?

— Не знаю.

— Вот там на двери написано: «Управляющий домом», — заметила Джесси.

Квин что-то проворчал. Они подошли к двери, и он нажал звонок.

Дверь им открыл плотный коренастый человек в рубашке без воротничка; за ворот у него была заткнута бумажная салфетка.

— Что угодно?

— Мне нужна кое-какая информация об одной из ваших жиличек — мисс Конни Кой.

— От меня вы ничего не получите. — Человек попытался было закрыть дверь, но не смог это сделать и спокойно взглянул вниз. — А знаете, — продолжал он, — ведь так можно и ногу потерять. Вы хотите, чтобы я сообщил в полицию?

В руке Квина блеснул золотой значок инспектора полиции.

— Вот теперь — другое дело, — угодливо улыб-

нулся управляющий. — Заходите.

— Мы можем поговорить и так. Да, кстати, как ваша фамилия?

— Маккеун, Джозеф Н. Маккеун.

— Вы знаете, Маккеун, где сейчас мисс Кой?

— В Нью-Йорке ее нет. В пятницу исполнилось три недели, как она уехала. Она предполагала, что будет отсутствовать всего неделю, но до сих пор не вернулась. Видимо, ее там задержали.

— Она поехала на гастроли?

— Ага. Она же эстрадная певица... Ну, эта, как ее там... шансонетка. — Маккеун искоса взглянул на Джесси.

— В таком случае она может вернуться со дня на день?

— Да, пожалуй.

— Давно она у вас живет?

— Месяцев семь-восемь.

— Где она сейчас выступает?

— В Чикаго. — Маккеун посмотрел на подростка у коммутатора и тихо спросил: — Что она натворила господин офицер?

— Ничего. Возможно, ей придется выступить свидетельницей по одному делу.

— Рад это слышать, — сказал управляющий домом. — Ведь она такая милая, приятная девуш-

ка. Очень жаль, что у нее неудачно получилось с мужем.

— Да? — удивился Квин. — Разве у нее есть муж?

— Конечно. Военный, сейчас в Корее. Он даже не видел своего сынишку. — Маккеун сделал печальное лицо. — Нелегко уезжать, когда жена в положении: ей приходится мучиться в одиночестве, а тут еще ребенок умирает во время родов. Из родильного дома она вернулась совсем убитая горем.

— Понимаю, — сказал Квин. — А вы знаете, в какой она была больнице или в родильном доме?

— По ее словам, в каком-то военном госпитале в Джерси... К нам она приехала, когда уже можно было вполне заметить ее положение. Трудно ей пришлось.

— Да, конечно, — шепотом подтвердила Джесси.

— Здесь она проживала под фамилией мужа?

— Да, как миссис Артур Диммсдейл.

— Как эта фамилия пишется? — спросил инспектор и вынул из кармана скомканный конверт и шариковую ручку.

Маккеун повторил фамилию своей жилички по буквам, и Квин записал ее на обратной стороне

конверта.

«Артур Диммсдейл... — подумала Джесси, — где я слышала эту фамилию? »

— Следовательно, мисс Кой, или миссис Диммсдейл, приехала сюда лишь после того, как ее муж отбыл в Корею, и вы с ним незнакомы?

— И в глаза не видел, — отвечал Маккеун.

— Вы, может быть, знаете, в каком роде вооруженных сил он служит? Его звание?

— По-моему, она как-то сказала, что он — лейтенант, в пехоте.

Квин записал и эти сведения.

— Еще несколько вопросов, Маккеун, и я отпущу вас доедать ваш обед. В какой квартире проживает мисс Кой?

— «С», на пятом, последнем этаже.

— Квартира «С» на пятом этаже. Она проживает одна?

— Одна-одинешенька, начальник.

— Кто-нибудь иногда ночует у нее?

— У нас не какой-нибудь там шикарный отель, — ухмыляясь, ответил Маккеун, — и за нашими жильцами мы не следим. Драк у нее в квартире не бывает, и для меня этого вполне достаточно.

— Ничего не рассказывайте обо мне мисс Кой, когда она вернется, Маккеун.

— Я все понял, начальник.

Они прошли по направлению к Бродвею.

— Куда мы идем, Ричард? — поинтересовалась Джесси. — Почему мы не сели в машину?

— Но вы же должны пообедать, Джесси, а на углу Бродвея и 87-й улицы есть уютный ресторанчик.

— Это не причина. Скажите же, в чем дело?

— От вас ничего не скроешь, правда? Мы ошибались в отношении Вирхаузера; выйдя из дома, я заметил его в стоявшей у обочины машине. Он пытался спрятаться за газетой, но я его узнал.

— Ничего не понимаю! — воскликнула Джесси. — Я целый день следила, не появится ли за нами его «крайслер».

— То же делал и я, и поэтому-то мы его не видели. Не поворачивайтесь, Джесси, он сейчас направляется к дому. — Квин поспешно заставил Джесси повернуть за угол на Бродвей. — Вирхаузер сегодня нас здорово обманул, поменяв свой старенький «крайслер» на новенький форд.

— Ловко! — с напускной беззаботностью заметила Джесси. — Но ведь он сейчас же узнает, что мы спрашивали о Конни Кой. Если Маккеун и промолчит, все равно проболтается мальчишка у коммутатора.

— Более важно другое — Вирхаузеру теперь известно, что мы нашли Конни Кой. А вечером об этом будет знать и тот, кто поручил ему следить за нами.

Ричард Квин погрузился в свои мысли. Он продолжал размышлять, даже когда они вошли в ресторан.

— Что же мы теперь будем делать, Ричард?

— Обедать, — ответил Квин, пожимая ей локоть.

В ресторане он выбрал столик, из-за которого можно было наблюдать за входом. Однако Вирхаузер не появлялся.

— Вы думаете, что она действительно замужем? — спросила Джесси.

Квин пожал плечами.

— Может быть, поэтому она назвалась в родильном доме Экзетер. И поэтому же сказала управляющему домом, что лежала в госпитале в Нью-Джерси, хотя на самом деле рожала в Нью-Йорке. Если она замужем, и ее муж вовсе не отец ее ребенка...

— Но если она не замужем, то все равно лежала бы в больнице под вымышленной фамилией. Завтра утром я первым делом наведу справки насчет лейтенанта Артура Диммсдейла. — Квин помол-

чал, пока официант убирал со стола тарелки. — С какой бы стороны, Джесси, мы ни подходили к этому вопросу, результат получается один и тот же. Если Конни замужем, Диммсдейл — не отец ее ребенка. Если она мать-одиночка и придумала Диммсдейла, чтобы не осложнять себе жизнь в многоквартирном доме, нам следует найти отца ребенка.

— Или того, другого, — сурово добавила Джесси.

— Кого другого?

— Того, кто нанял частного детектива для слежки за нами.

— Но это, возможно, одно и то же лицо, — заметил Квин, намазывая маслом кусок хлеба.

— Вы так думаете? — удивилась Джесси. — А может быть... Ричард! Может быть, клиент Вирхаузера это — Артур Диммсдейл?

— Из Кореи?

— Не улыбайтесь. Предположим, что муж у нее все же есть. Предположим, Диммсдейлу известно, что, когда он уезжал, его жена не была в положении. Потом какой-нибудь «доброжелатель» написал ему в Корею, что его женушка должна родить или родила. Он приходит в ярость и становится дезертиром или получает отпуск и

приезжает в Штаты. Вначале он находит ребенка в семье Хамфри и убивает его...

— Это означало бы, что он — маньяк, Джесси. Как же можно тогда объяснить убийство Финнера?

— После убийства Майкла Финнер мог сообразить, что это дело рук ревнивого мужа, навести тихонько некоторые справки, а затем попытаться начать шантажировать Диммсдейла...

Однако инспектор отрицательно покачал головой.

— Судя по поведению Финнера, я почти убежден, что он и представления не имел о причинах смерти ребенка. Одну минуту... Спасибо, официант. Да, именно так, как я люблю... Джесси, ну-ка давайте займемся этим ростбифом.

Выйдя из ресторана, они не обнаружили каких-либо признаков Джорджа Вирхаузера и направились на 88-ю улицу, где стояла машина Джесси.

— Он исчез, — заметил Квин, потирая подбородок.

— Вот и хорошо! — воскликнула Джесси.

— Вы так думаете? Это, вероятно, значит, что его клиент узнает о том, что мы нашли Конни Кой не вечером, а сейчас.

В этот вечер, выйдя из квартиры Джесси, Квин немного прошел вдоль улицы, а затем резко распахнул дверцу стоявшего у тротуара синего «студебеккера» и сел в него.

— Здравствуйте, инспектор, — приветствовал его Полонский.

— Гэс, ты замечал где-нибудь сегодня вечером форд серовато-оранжевого цвета?

— Нет, я думал, что Вирхаузер разъезжает в черном «крайслере», — озабоченно ответил бывший полицейский.

— Он сменил машину и сегодня уже обманул нас.

Полонский выругался.

— Кто-то все же хорошо научил делу этого мерзавца. Хотя я тоже приложил к этому руку... На форды я и внимания не обращал.

— Так же, как и я. — Квин принялся покусывать свои усы, а потом спросил: — Гэс, а что произошло с Питом?.. Забыл его фамилию... Ты знаешь его — одно время вы работали вдвоем.

— Пит Анжело? Через два года после того как Пит перешел на пенсию, у него умерла жена. Его старшая дочь переехала с мужем в Цинциннати, младшая — живет в интернате колледжа, а сын — военный моряк. Сам Пит несколько лет

служил в заводской охране, а затем уволился. — Полонский вздохнул. — По крайней мере он всем рассказывает, что ушел сам, хотя на самом деле его просто уволили по старости. Старость! Да Пит Анжело до сих пор один справится с бандой хулиганов на улице и разбросает их, как щенят!

— Ты с ним встречаешься?

— Постоянно. Он живет здесь недалеко, в западной части города. Мы встречаемся в кафетерии, выпиваем чашки по четыре кофе и рассказываем друг другу, какими хорошими когда-то были.

— Следовательно, Анжело сейчас ничего не делает?

— Он сходит с ума от вынужденного безделья, как и все мы.

— Как, по-твоему, он согласится сделать для меня одну вещь?

— Он сейчас же примется обнимать вас, инспектор, и поцелует каждый волосок в ваших усах!

— А ты не можешь назвать мне еще какого-нибудь полицейского на пенсии, который согласился бы поработать вместе с Анжело? Мне нужны сейчас несколько человек.

Бывший полицейский задумался, а затем стукнул кулаком по рулевому колесу.

— Мэрфи! Я случайно встретил его на прошлой

неделе. Вы должны помнить, инспектор: сержант Эл Мэрфи, он работал на патрульной машине в шестнадцатом отделении. В июне этого года его уволили на пенсию; он сказал мне, что еще не решил, чем заняться.

— Кого ты еще можешь назвать, Гэс? Требуются две бригады: одна — для ночной работы, а другая — для дневной.

— Готов поспорить, что Пит или Мэрфи назовут вам таких людей. Когда они вам нужны?

— Если можно, начиная с сегодняшнего вечера.

Полонский выбрался из машины.

— Побудьте немного один в этом рыдване, инспектор. Я скоро вернусь.

Через некоторое время Полонский возвратился и, широко улыбаясь, сел на свое место за рулем.

— Пит Анжело и Эл Мэрфи минут через пятнадцать будут ждать вас в кафетерии на 72-й улице, — сообщил он. — Пит сказал, чтобы вы не беспокоились, так как он может набрать для вас хоть десять бригад. По его словам, ваша задача будет состоять в том, чтобы отделаться от тех, кого вы не сможете использовать.

Несколько минут Квин сидел молча, а потом пожал Полонскому руку и вышел из машины. Ста-

рый человек за рулем с удовольствием наблюдал, как, направляясь к Бродвею, бодро, словно совсем молодой, шагает по тротуару другой старик.

... В понедельник утром Квин позвонил Джесси и сообщил, что через одного знакомого в Пентагоне он начал, наводить справки о лейтенанте Диммсдейле, в связи с чем ему придется торчать у телефона в течение всего дня.

— Что вы намерены делать сегодня, Джесси? — озабоченно спросил он. — В дневное время вас никто не охраняет.

— Ничего со мной не будет. Мне нужно постирать и сделать еще кое-что, а потом я думала подскочить к вам на машине и заняться тщательной уборкой вашего холостяцкого хлева, как обещала. Разумеется, если вы не будете возражать.

— Возражать?! Я?! — изумленно воскликнул он. — Да я думал, что буду тут киснуть один. Только будьте осторожны по дороге, Джесси!

Джесси приехала около двенадцати. На ее звонок Квин крикнул, что дверь не заперта; она вошла и увидела, что' он разговаривает по телефону в кабинете сына и приветственно машет ей рукой.

— Ричард Квин, а почему вы скрыли от меня,

что тут уже потрудилась ваша миссис Фэбрикен? Или это ваша работа?

Не переставая говорить, Квин лишь широко улыбнулся ей.

— Хотя, это вовсе еще не значит, что тут больше нечего делать, — фыркнула Джесси.

Повесив в прихожей пальто и шляпу, она направилась было в ванную, чтобы там переодеться в халат для уборки и затем приступить к работе. Однако оказалось, что в гостиной уже стоит раздвинутый и накрытый на двоих стол, поблескивающий серебром, белеющий салфетками. На большом блюде лежали со вкусом разложенные Квином кусочки холодного мяса, яйца, картофельный салат, петрушка и ломтики помидоров, а из кухни доносился аромат кофе.

Испытывая странное, но очень приятное ощущение, словно она была здесь полной хозяйкой, Джесси выключила газ под кофейником.

Квин и Джесси позавтракали вдвоем. Он рассказал ей, что только что закончил подготовку для организации круглосуточного наблюдения за квартирой Конни Кой.

— Кто же ведет это наблюдение? — удивленно спросила Джесси.

— Четыре бывших полицейских, — ухмыляясь

ответил Квин. — Вчера вечером я «завербовал» Эла Мэрфи и Пита Анжело. Пит сегодня утром привлек Хьюза Джифина, а вот сейчас меня едва не уморил по телефону еше один доброволец — Джонни Крипс, бывший лейтенант уголовной полиции. Мэрфи и Анжело будут вести наблюдение днем, а Джифин и Крипс — в ночное время. Лучших помощников не найдешь во всем городе.

— Следовательно, Конни Кой вернулась?

— Нет. Это одна из причин, почему я хочу, чтобы за домом велось наблюдение, так как при таком положении мне станет немедленно известно о ее приезде.

После ленча Джесси переоделась в халат и повязала волосы шарфом, но, выйдя из ванной, обнаружила, что Квин уже занят мытьем посуды.

— Ричард, я сама это сделаю.

— Вы занимайтесь своим делом. Я с давних пор эксперт по мытью посуды.

Однако во время уборки Квин с довольным видом ходил за Джесси по квартире, мешая ей работать.

— Да что вам, больше нечего делать?! — наконец воскликнула Джесси.

— Пойду-ка позвоню Эйбу Перлу, — поспешно объявил Квин. — Целый день сегодня собираюсь это сделать.

— Вы расскажете ему о смерти Финнера и о том, как это увязывается с ребенком?

— Я сообщил об этом Эйбу еще в начале прошлой недели.

— Мне вы об этом не сообщили. И что же он ответил?

— Нечто нецензурное.

— Следовательно, Перл уже не уверен больше, что меня обмануло зрение? — не могла удержаться Джесси.

— Боюсь, что Эйб сейчас уже больше ни в чем не уверен.

Квин зашел в кабинет и позвонил в отделение полиции в Таугусе.

— Эйб? Говорит Дик Квин,

— Дик! — заорал Эйб Перл. — Одну минуту. — Ричард Квин слышал, как Перл крикнул: — Борчер, закрой дверь! — Послышалось хлопанье двери, а потом Перл продолжал: — Слушаю, Дик...

— А я ждал, что ты мне позвонишь еще на прошлой неделе.

— Позвоню?! Да я уже раз двадцать пытался дозвониться по твоему проклятому номеру! Ты

вообще бываешь когда-нибудь дома? Что с тобой, Дик? Может быть, ты там уже справляешь медовый месяц с этой мамзелью Шервуд, а?

— Если ты шутишь, так мне вовсе не смешно, — обиженно ответил Квин.

— Хорошо, хорошо, молчу. Но ведь ты же связал меня по рукам и ногам. Я не осмеливаюсь даже позвонить в городскую полицию, чтобы навести справки... Я здесь, как лишай на дереве! Ну-ка, Дик, давай колись!

Квин рассказал Эйбу Перлу, как ему удалось узнать фамилию матери ребенка и ее адрес.

— Сейчас я ожидаю ее возвращения в город, а одновременно пытаюсь узнать что-нибудь о ее так называемом муже — Диммсдейле. Что тебе удалось выяснить о Семействе Хамфри? Как здоровье миссис Хамфри?

— Я ничего не мог узнать. Дуэйн держит язык за зубами лучше, чем ФБР. Я даже попросил одного своего приятеля — врача из Нью-Хейвена, который иногда направляет своих пациентов в санаторий Дуэйна и хорошо знаком с ним самим, попытаться осторожно навести справки. Однако бедняге Джерри удалось всего лишь узнать, что санаторий вызывал к миссис Хамфри какого-то крупного специалиста.

— А что тебе известно об Элтоне Хамфри, Эйб? Когда он возвратился после этого своего таинственного исчезновения в конце прошлой недели?

— Поздно вечером в то воскресенье. Кто-то из слуг, должно быть, сообщил ему, что доктор Дуэйн отчаянно пытался разыскать его, так как, по моим сведениям, Хамфри тут же повернул машину и уехал в Нью-Хейвен. Возвратился он лишь в понедельник утром.

— То есть в прошлый понедельник — двадцать второго?

— Да. На следующий день — во вторник — он покинул на зиму остров Нэр и переехал в Нью-Йорк. Сейчас в доме на острове остался только садовник, он же — сторож, по фамилии Столлингс.

Ричард Квин некоторое время молчал, а затем спросил:

— Эйб, а ты мог бы узнать, где Хамфри был в течение своего двухдневного отсутствия?

— Дик, что это за чертовщина? Ты напускаешь такой туман!

— Еще и не то будет, — улыбнулся Квин.

Однако на его лице, после того как он положил трубку, появилось озабоченное выражение.

В 4. 12 раздался телефонный звонок. Телефо-

нистка сообщила, что Квина вызывает Вашингтон.

— Это то, что я ожидал, Джесси! — крикнул Квин. — Алло?

По телефону он разговаривал минуты две.

— Из министерства обороны сообщили, что в американской армии в Корее и вообще где бы то ни было нет ни офицера, ни солдата, ни новобранца, ни даже вольнонаемного по фамилии Артур Диммсдейл.

— Следовательно, она его просто придумала, — медленно проговорила Джесси. — Бедняжка!

— Мне бы хотелось, чтобы эта бедняжка наконец дала о себе знать, — сердито сказал Квин. — Мне бы хотелось, чтобы что-то вообще произошло!

В 4. 25, открыв дверь на звонок, Квин увидел старого приятеля — заместителя главного инспектора нью-йоркской полиции Томаса Ф. Маккея.

Если в голубых глазах инспектора Маккея было выражение настороженности, то этого никак нельзя было сказать про его поведение. Он заметил, что давненько не был у Квина, спросил, как его сын Эллери, похвалил Квина за то, что он со вкусом выбирает даже уборщиц — Джесси, после предупредительного взгляда Квина поспешно

перебравшаяся со своими тряпками и шваброй в кабинет, даже вздрогнула от подобного «комплимента» — и перешел к делу лишь после того, как Квин предложил гостю что-нибудь выпить.

— Спасибо, Дик, но я нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

— В таком случае я пойду с тобой без сопротивления, — пошутил Квин.

— Знаешь, Дик, ведь я могу с тобой разговаривать откровенно. Мы зашли в тупик с убийством Финнера. У нас абсолютно ничего нет, хотя мы расследовали несколько сотен возможных вариантов по материалам, полученным, главным образом, из его дела. Анализ всех этих его так называемых романов с девицами из ночных клубов тоже ничего не дал. Тут что-то неладно. От агентуры мы даже не имеем и намека на возможных виновников. Куда бы мы ни обратились (а обычно такое расследование мы заканчиваем не позднее чем через двое суток) — перед нами сплошная стена. Скажи, Дик, ты все нам рассказал в прошлое воскресенье?

Лицо Квина побагровело.

— Ты задаешь мне странный вопрос, Том!

На этот раз покраснел его приятель.

— Да, я понимаю. Всю неделю я размышлял над

тем, следует ли мне идти к тебе. Дело в том, что в тот день у меня возникло странное ощущение, что ты мне не все сказал. — Было совершенно очевидно, что Маккей чувствует себя отвратительно, однако он не сводил с Квина пристального взгляда. — Это так, Дик?

— Я не намерен отвечать на твой вопрос, Том!

Некоторое время они молча и сердито смотрели друг на друга, и у Квина даже мелькнула мысль, что этим уклончивым ответом ему не отделаться. Однако Маккей неправильно понял волнение, прозвучавшее в голосе друга.

— Извини меня, Дик. Мне не следовало задавать такой гнусный вопрос человеку, который отдал лучшие годы своей жизни на благо Нью-Йорка. Прошу тебя, Дик, забудь, что я тебя об этом спрашивал. Ну, а теперь, прежде чем уходить, я с удовольствием выпью с тобой.

Сразу же после ухода инспектора Маккея Джесси вышла из кабинета, подошла к Квину, который с убитым видом сидел в своем большом кресле, и положила руки ему на плечи.

— Иначе вы поступить не могли, Ричард.

— Чувствовал я себя, Джесси, омерзительно. — Он сжал ее руку. — И тем не менее я не могу передать это дело полиции. Но, конечно, я сделаю

так, когда закончу свое расследование! Сейчас же это наше с вами дело... Полиция ведь не хотела им заниматься!

Они уже поужинали и сидели в гостиной у телевизора, когда вновь раздался телефонный звонок Квин поспешно направился в кабинет, а Джесси выключила телевизор и взглянула на часы, которые показывали почти половину девятого.

— Инспектор? Докладывает Джонни Крипс.

— Да, Джонни. Джифин явился, чтобы помочь тебе сменить Анжело и Мэрфи?

— - Хьюз сейчас ведет наблюдение за входом в дом, а я звоню из аптеки на Бродвее. Она вернулась, инспектор.

— Да?! Ты уверен, что это та самая особа, которая нам нужна, Джонни?

— Минут десять назад она подъехала к дому — одна, в такси, с чемоданами, на которых наклейки с именем Конни Кой. Джифин слышал как швейцар в вестибюле, называл ее миссис Диммсдейл. Что мы должны теперь делать?

— Не показываться из укрытия и осторожно продолжать наблюдение, — ответил Квин. — Я иду к вам.

Они пошли пешком, так как находились всего в нескольких кварталах от этого дома. Инспек-

тор Квин шел очень быстро, хотя вечер стоял душный и жаркий. Узкая юбка страшно мешала Джесси, но она согласилась бы скорее умереть, чем попросить Квина идти медленнее. Джордж Вирхаузер не появлялся.

— Странно, — заметила Джесси, с трудом переводя дыхание.

— Он уже закончил свою работу или обманут тем, что мы целый день не выходили из дома, — ответил Квин, пожимая плечами. — Да это и не важно.

Обе стороны 88-й улицы вдоль тротуара были забиты машинами. Джесси даже не могла себе представить, как Квин ориентировался, однако он остановился около одной из них, и, как только закурил, из машины послышался мужской голос:

— Все в порядке, инспектор.

— Джонни, а где Джифин?

— Где-то в доме. Если вы не хотите, чтобы швейцар видел вас, идите через служебный вход, вон с той стороны. Грузовой лифт работает без лифтера.

— Ты прямо читаешь мои мысли, Джонни.

Крипс засмеялся, и Джесси подумала, что было бы интересно увидеть, как он выглядит.

Инспектор медленно направился к служебному входу, плохо освещенному тускло горевшей лампочкой, и, подойдя к нему вместе с Джесси, остановился в тени. Недалеко от них прошла машина, а затем со стороны Вест-Энд-авеню показался полный мужчина, сопровождаемый женщиной, двигавшейся так, словно у нее болели ноги. Женщина, не умолкая ни на мгновение, громко ругалась. Мужчина, не обращая никакого внимания на брань, так же неторопливо вошел в подъезд, женщина за ним.

— Пошли, Джесси.

Джесси, спотыкаясь, спустилась по трем ступенькам в какой-то туннель, уходивший в темноту. Квин взял ее за руку и повел, нащупывая стену.

— Вот и дверь.

Они вошли в заставленный и плохо освещенный подвал, где пахло кислым. В кабинке лифта стоял бак с мусором.

Со скрипом и скрежетом кабинка начала подниматься. Джесси казалось, что этот шум слышен за несколько кварталов, однако Квин спокойно считал этажи.

— Ричард, почему мы пробираемся в дом тайком?

— Ну, мягко выражаясь, мы не в состоянии действовать открыто. Нам не будет хуже от того, что швейцар нас не увидит, — серьезно ответил Квин.

Лифт остановился, и они вышли на грязную лестничную площадку. Квин бесшумно закрыл дверь кабинки.

На площадку выходили двери четырех квартир с буквами «А», «В», «С» и «Д». Квин подошел к окну, выходившему на пожарную лестницу, и посмотрел вниз, затем взглянул вверх. Они находились на последнем этаже, и этот пролет лестницы безусловно оканчивался выходом на крышу, скрытым сейчас в кромешной темноте.

— Джифин?

— Да, инспектор, — чуть удивленно отозвался бывший полицейский. — Мы решили, что Крипс будет вести наблюдение за входом, а я — за черной лестницей.

— Ну и правильно.

Квин подошел к двери с буквой «С» и нажал кнопку звонка. Эта квартира была одной из двух, окна которых выходили во двор.

Джесси затаила дыхание. Наконец-то они увидят мать маленького Майкла...

Загремела дверная цепочка, и дверь приоткры-

лась на несколько дюймов.

— Кто тут?

Голос был глубоким, грудным и чуточку хрипловатым. Мелькнула копна волос золотистого цвета и ярко-красные от помады губы.

— Мисс Конни Кой?

— Да.

Квин предъявил свой полицейский значок.

— Можно к вам войти?

— Вы из полиции?

В мягком голосе женщины, как показалось Джесси, послышалась чуть заметная нотка страха. Большие карие сильно подведенные глаза на мгновение остановились на ней.

— Что вам от меня нужно? — спросила женщина, все еще не открывая дверь.

— Прошу вас, откройте, мисс Кой, — тихо ответил Квин. — Вряд ли вы заинтересованы в том, чтобы ваши соседи слышали наш разговор.

Женщина сняла цепочку и, распахнув дверь, быстро отступила в сторону. На ней был зеленый домашний халат, который она придерживала рукой, посматривая то на Квина, то на Джесси. Корни ее волос золотистого цвета были зеленоватыми, а косметика на лице не могла полностью скрыть выражения усталости и горечи. Она была

обута в темно-зеленые сандалии, из которых виднелись ногти, покрытые лаком золотистого цвета.

Квин снова закрыл дверь на цепочку.

— Извините, мисс Кой, что мы к вам так врываемся, но иначе ничего нельзя было сделать. Я — инспектор Квин, а это — мисс Шервуд. Где бы мы могли переговорить?

— Но в чем дело? — Конни Кой теперь уже не скрывала испуга.

— Там у вас гостиная?

Квин быстро прошел через крохотную чистенькую кухню в большую гостиную.

— Да вы не бойтесь, мисс Кой, — мягко сказала Джесси.

Женщина озадаченно посмотрела на Джесси, потом засмеялась.

— У меня еще никогда не бывали полицейские. Вы — женщина-детектив?

— Я медицинская сестра и няня.

Конни Кой словно остолбенела, но потом взяла себя в руки.

— Может быть, вы пройдете сюда? — пригласила она и отошла в сторону.

Джесси и Конни Кой прошли в гостиную, а Квин осмотрел спальню и ванную. На кровати

и на полу стояли огромные чемоданы, повсюду лежали вечерние платья.

— Что вы ищете, инспектор? — спросила Кой.

— Я просто хочу убедиться, что мы — одни, — хмурясь, ответил Квин и возвратился в гостиную.

Даже внешний вид этой комнаты говорил, что здесь живет артистка. Ничем не примечательная современная мебель была обита яркой материей, а на спинку софы был брошен кусок пестрой восточной ткани. Около большого, во всю стену, окна стояло пианино цвета слоновой кости с позолотой. Окно было распахнуто, тяжелые занавеси из ярко-красного бархата раздвинуты, стены покрывали многочисленные фотографии с автографами, в основном — музыкантов джаз-оркестров; но вместе с ними висело несколько репродукций с картин Дега, изображавших балерин, солнечный пейзаж Дюфе, а также два небольших, похожих на старинные, японских эстампа, написанных нежными, мягкими тонами. Из египетской медной вазы, стоявшей на доске декоративного камина, клонились увядшие красные розы. Часть одной стены занимали полки, от пола до потолка набитые книгами и грампластинками. Здесь же стояли стереофонический

проигрыватель, телевизор и маленький бар.

— Я, к сожалению, не могу предложить вам выпить, — сказала Конни Кой, вымученно улыбаясь. — В доме у меня ничего нет: я только сегодня вечером вернулась в город. Прошу вас, садитесь.

Джесси села на кушетку у столика со стеклянной крышкой, на металлических ножках. На нем лежала книга, и Джесси мысленно спросила себя, о чем она.

Конни Кой, по-прежнему держась напряженно, опустилась в мягкое кресло с высокой спинкой.

Инспектор Квин подошел к камину, потрогал лепесток розы, упавший на металлическую подставку для дров, а затем резко повернулся к хозяйке квартиры.

— Мисс Кой, когда вы в последний раз видели своего ребенка?

Суровый тон, которым был задан вопрос, подействовал на Джесси, как удар. Она сердито посмотрела на Квина, но он не спускал взгляда с Конни Кой. Джесси тоже взглянула на нее.

Хозяйка квартиры побледнела, но сохраняла самообладание. «Она ожидала этого вопроса», — подумала Джесси.

— Ребенка? Не понимаю, о чем вы говорите.

— Мисс Кой, — сухо и невыразительно про-

должал Квин. — Месяцев семь-восемь назад вы сняли эту квартиру под фамилией миссис Артур Диммсдейл, хотя никакого Артура Диммсдейла не существует. Затем, в период до мая этого года, вас разыскал адвокат по фамилии Финнер. Вы были в положении, и он предложил позаботиться о вас при условии, что родившегося ребенка вы продадите ему. Он сообщил вам, что возглавляет фирму, занимающуюся устройством незаконнорожденных или внебрачных детей, и примет меры к передаче вашего ребенка в очень хорошую семью, таким людям, которые не могут иметь собственных детей и хотят взять младенца на воспитание. Финнер пообещал не только проделать все юридические формальности, но оплатить расходы и сверх того выдать вам крупную сумму денег. Вы согласились, так как находились в отчаянном положении. Финнер посоветовал вам обратиться к гинекологу с солидной репутацией, причем назваться «миссис Уиллис П. Экзетер», под этой же фамилией он направил вас в родильный дом. Произошло это двадцать шестого мая. На следующий день вы родили мальчика, весом в шесть фунтов десять унций, с голубыми глазами и светлыми волосами. Третьего июня вы выписались из родильного от-

деления больницы вместе с ребенком и передали его Финнеру. Финнер выплатил вам обещанную сумму и забрал ребенка...

— Я швырнула деньги прямо в его жирную физиономию!

Конни Кой закрыла лицо руками и разрыдалась.

Джесси хотела было броситься к ней, но инспектор отрицательно покачал головой, и она осталась сидеть.

— Простите меня, пожалуйста, — попросила Конни Кой и перестала плакать так же внезапно, как и начала. — Да, действительно, я находилась в отчаянном положении. Этот мерзавец Финнер все время крутился в клубе, в котором я тогда выступала. Не знаю, каким образом ему стало известно, что я жду ребенка. Наверное, одна из девиц, выступавших вместе со мной, заподозрила меня и продала ему эту информацию. Что вы еще хотите знать?

— Когда в последний раз вы видели своего ребенка? Утром третьего июня?

— Да.

Кой сжимала лежавшие на коленях руки и кусала губы.

— Скажите мне вот что: где вы были в субботу

двадцатого августа, в полдень?

— В Чикаго, — безжизненно ответила Кой. — Я только что вернулась оттуда — три недели выступала там в клубе «Интайм».

— Вы можете припомнить, что делали в ту субботу в полдень?

— Конечно. Готовилась к выступлению в концерте по телевидению, организованном рекламным агентом клуба.

— И как долго вы находились в телестудии?

— Весь день, так как концерт начался только в половине пятого.

Впервые лицо Квина несколько смягчилось.

— Лучшего алиби и не придумаешь. Я рад за вас.

Кой удивленно взглянула на инспектора.

— Что вы хотите сказать, инспектор? Какое алиби?

— В субботу двадцатого августа, во второй половине дня, А. Бэрт Финнер был убит в своей конторе на Восточной 49-й улице в Нью-Йорке.

— Финнер... убит?

— А вы не знали, мисс Кой?

— Нет! Финнер убит! Кто это сделал?

— Чтобы узнать это, мы и пришли к вам, — мягко ответил Квин.

— Понимаю. Вы думали, что его убила я... Надеюсь, вы никогда не поймаете ту, которая его убила, ибо ей за это нужно дать медаль! Вы, возможно, не знаете Финнера так, как мне пришлось его узнать. Это было самое подлое существо из числа когда-либо ползавших по земле — отвратительный, разжиревший паразит. Он не просто зарабатывал деньги на торговле детьми, но получал от этого какое-то удовольствие. Это был настоящий подлец и мерзавец.

Конни Кой говорила с ненавистью и ожесточением, и Квин не прерывал ее. Заметив, что он молчит, она остановилась.

— Вы чего-то не договариваете. — сказала она после паузы. — Может быть, убийство Финнера имеет какое-то отношение к моему ребенку?

— Мисс Кой... — начал было инспектор, но запнулся. Помолчав, он продолжал: — Мисс Кой, следовательно, вы ничего не знаете и о своем ребенке?

— О моем ребенке? А что я должна о нем знать? — Кой сжала подлокотники кресла. — Что, инспектор?

— Разве вам неизвестно, кто купил у Финнера вашего ребенка?

— Нет. Это было одним из условий сделки. Я

подписала много всяких документов, которые мне подсунул Финнер: обещание не пытаться узнавать, кто приемные родители моего сына, обещание вообще не разыскивать его... — Кой вскочила. — Вам известно, кто они? Кто, кто, скажите! Скажите, я умоляю!..

— Миллионеры из Массачусетса с летней резиденцией в штате Коннектикут и с зимней квартирой в Нью-Йорке — мистер и миссис Элтон К. Хамфри.

Конни Кой не мигая уставилась на Квина. Потом подбежала к столику и жадно схватила сигарету из открытой коробки, задев лежавшую на нем книгу, которая упала Джесси на колени. Отвернувшись, Конни принялась яростно чиркать настольной зажигалкой.

— Расскажите мне остальное, — попросила она. — Хамфри купили у Финнера моего ребенка, а что произошло потом? Я чувствую, что что-то произошло. Что именно, инспектор?

Квин взглянул на Джесси.

— Ну что же, мисс Кой, я вам скажу...

— Нет, Ричард, это сделаю я. — Джесси поднялась и, держа в руках книгу, подошла близко к женщине. — Хорошенько затянитесь, мисс Кой. — посоветовала она. — Вам предстоит выслушать

очень тяжелое известие. Я нянчила вашего ребенка в семействе Хамфри, и сейчас он мертв...

Джесси дотронулась до плеча Кой.

Конни Кой раскрыла рот, не выпуская тлевшей сигареты. Джесси осторожно взяла сигарету и положила в пепельницу.

— Теперь уже можно сказать вам и все остальное, — пробормотал Квин. — Ваш ребенок убит,

— Убит?..

Джесси и Квин бросились к Кой, но она их оттолкнула и, словно слепая, ощупью добрела до кресла, села на краешек, сжала опущенные между колен руки и уставилась куда-то ничего не видящими глазами.

Джесси торопливо сходила на кухню и принесла стакан воды.

— Выпейте.

С тем же бессмысленным взглядом Конни Кой механически отпила несколько глотков.

— Довольно, — наконец сказала она. — Убит! Когда это произошло?

— Вечером в четверг первого августа, то есть уже больше трех недель назад. Вы читали что-нибудь в газетах о смерти ребенка по имени Майкл Стайлс Хамфри на острове Нэр в штате Коннектикут?

— Это так они его назвали? Майкл. А я его всегда звала просто Крошка. Я хочу сказать — в мыслях. Майкл... — Она недоуменно покачала головой, словно имя Майкл ничего ей не говорило. — В газетах? Наверное, нет. В четверг вечером первого августа... Я выехала в Чикаго пятого... В ту пятницу я была очень занята упаковкой вещей и не покупала газет. Да и вообще все это время не видела нью-йоркских газет. — Она вновь покачала головой, но на этот раз с яростью. — Убит!.. И все это время я обманывала себя рассуждениями, что я поступила так только ради него, и как хорошо, что он никогда не узнает, что был незаконнорожденным. Он вырастет большим, счастливым, хорошо обеспеченным... А его убили. Когда ему исполнилось всего лишь два месяца. — Кой истерически засмеялась. — В каком же сумасшедшем мире, в каком ужасном мире мы живем...

Конни Кой откинула голову и дико расхохоталась. Джесси не останавливала ее, и через некоторое время истерика прекратилась.

— Очень жаль, что я не могу дать вам сейчас рюмку крепкого вина, — заметила Джесси и, закурив сигарету, вставила ее Конни Кой в рот. — Может быть, сварить вам кофе?

— Нет, спасибо. Я уже пришла в себя. — Ка-

залось, что она полностью владеет собой, и не было никакой истерики, и она не смотрела так бессмысленно в одну точку. — Давайте внесем полную ясность. Богатая чета Хамфри купила у Финнера моего ребенка, который затем был убит, а через две недели убили Финнера. Не понимаю, какая тут связь.

— Мы еще не знаем, за что был убит этот гангстер, Конни. — Инспектор пододвинул стул и сел около женщины. — Однако мы думаем, что Финнера устранили потому, что он был единственным человеком, осведомленным о настоящих родителях ребенка Вы говорите, что не знаете, каким образом Финнеру стало известно о вашей беременности, и высказали предположение, что об этом сказала ему одна из артисток ночного клуба, Какие у вас есть основания для такого предположения?

— Никаких, — медленно ответила она. — Но я никому об этом не рассказывала, и тогда еще по моему виду этого нельзя было сказать. Вот я и подумала...

— Знаете, это маловероятно. Есть другой вариант, вполне реальный Скажите, пожалуйста, Конни: знал ли о вашем положении человек, ответственный за него?

Ресницы Кой затрепетали.

— Да, я ему сказала. Он предложил мне отправиться к какому-то доктору, делающему аборты нелегально. Я побоялась, и человек этот из моей жизни ушел. Я не порицаю его, так как все случилось по моей вине. Я думала, что люблю его, и обнаружила, что это не так, когда было уже слишком поздно. Я прекрасно знала, что он женат... Извините меня за эти воспоминания. Так что вы сказали?..

— О вашем положении знали трое — вы, ваш возлюбленный и Финнер. Если вы Финнеру не говорили, как же он мог узнать об этом? Очевидно, ему рассказал ваш возлюбленный.

— Как трогательно, — отозвалась Конни Кой, встала, подошла к столу и с силой потушила сигарету в пепельнице. — Продолжайте, продолжайте, инспектор.

— Следовательно, Финнер знал обоих родителей. И если он был убит только за то, что знал это, — Квин поднялся, — то и вам, Конни, тоже угрожает опасность!

— Мне? — Она быстро повернулась к нему, но ее лицо ничего не выражало. — Почему вы так думаете?

— Причина для того, чтобы навсегда заткнуть

рот Финнеру, есть только у родителей вашего ребенка. Вы — одна из них, но у вас — бесспорное алиби. Таким образом, остается другой родитель. Я сейчас глубоко убежден, Конни, что Финнер был убит настоящим отцом вашего ребенка, и если это так, он попытается убрать и вас. После смерти Финнера вы — единственный человек, который может разоблачить его. Вот почему я хочу, чтобы вы сообщили нам, кто отец.

Кой подошла к пианино и левой рукой беззвучно пробежала по клавишам.

— Конечно, никакого чувства к нему у вас не осталось, — мягко продолжал Квин. — Вы говорите, что он женат. Прав ли я, предполагая, что он занимает в жизни видное положение и может быть безнадежно скомпрометирован, если ваша история получит огласку? Некоторые люди из-за боязни огласки могут потерять голову и пойти на любые крайности. В какой-то степени, Конни, вы можете обеспечить свою безопасность, если поделитесь информацией о нем. Чем больше людей будет знать о нем, тем в большей безопасности вы будете находиться. Всех нас он уничтожить не может. Кто же он? Скажите нам.

Кой, достав сигарету, поднесла ее ко рту, Квин взял со стола зажигалку и подошел к ней.

— Скажите же нам, — повторил он и поднял зажигалку, но не успел нажать на рычажок. Кой взяла ее у него и зажгла сама.

— Артур Диммсдейл, — сказала Джесси, все еще сидевшая на кушетке.

Пламя зажигалки замерло в дюйме от сигареты.

— Что, Джесси? — озадаченно спросил Квин.

Джесси держала в руках книгу, ранее лежавшую на столе. Она постучала по странице пальцем.

— Фамилия мне сразу показалась знакомой, а теперь я вспомнила, что Артур Диммсдейл — это имя любовника Хастер Принн в повести Готорна «Красная буква».

— Ах, вот что! — засмеялась Конни Кой. — Я как-то купила эту книгу в букинистическом магазине. Во время беременности, когда мне пришлось изобретать мужа, фамилия любовника Хастер показалась мне подходящей. Мама всегда предупреждала меня, что из-за своего романтизма я как-нибудь столкнусь с крупными неприятностями...

— Итак, — напомнил инспектор, — кто же он?

— Ну хорошо, — как-то сразу согласилась Кой. — Я вам скажу.

Она поднесла пламя зажигалки к сигарете.

Казалось, что пламя взорвалось с резким щелчком, а во лбу Конни Кой появилась рана. Вначале упали зажигалка и сигарета, а затем и Кой. Падая, женщина скользнула рукой по клавишам, и звук струн затих только после того, как она безжизненно рухнула на пол.

— Ложитесь, Джесси!

Джесси не могла потом вспомнить, как она оказалась на полу так, что кушетка была между нею и окном. Квин пополз к стене с выключателем. Джесси услыхала еще два выстрела, и позади нее что-то разлетелось вдребезги.

Комната погрузилась в темноту.

Из кухни послышались тяжелые шаги Квина и звук снимаемой дверной цепочки. Открылась и закрылась дверь. Звуки доносились отчетливо, но не громко. Перед тем как дверь закрылась, Джесси услыхала голос Джифина и топот бегущего человека. Затем воцарилось молчание.

Все еще в темноте, Джесси Шервуд села и положила голову на кушетку. В ушах звенело. Она закрыла глаза, но ей показалось, что даже и так она его отчетливо видит. Он стрелял с расстояния футов в двадцать — с крыши дома на другой стороне. Освещенная пламенем зажигалки голова Конни Кой представляла собой идеальную

мишень. Джесси вспомнила и расплывчатые контуры на фоне городского неба и падающую Кой.

Поразительно, как спокойно вокруг. Словно никто не появлялся на крыше напротив, словно не было выстрелов и мертвой Кой. Во всем доме гремели телевизоры, по улице проносились автомобили, а на Бродвее громыхали автобусы. Это были не те звуки, которые раздались бы, если бы стало известно, что только что убита женщина. Не было слышно открывающихся окон и дверей, восклицаний, вопросов, торопливых шагов.

Убита Конни Кой. Джесси осталась жива.

Конни Кой...

Джесси подползла к окну, дотянулась до шнура и сильно дернула. Прежде чем встать, она пощупала занавеси, убеждаясь, что они задернуты. Потом так же ощупью нашла лампу на пианино и попробовала включить ее, однако безуспешно. Видимо, настенный выключатель был общим для всех ламп в комнате.

Джесси пробралась к стене, куда бросился Ричард Квин после первого выстрела, нашла выключатель и зажгла свет.

Конни Кой лежала на спине между пианино и отодвинутым от него стулом. Халат при падении завернулся и открыл ее обнаженные ноги. Ее

глаза пристально смотрели на потолок, словно там было написано нечто такое, чего она не могла понять.

Глава четвертая
ПОЧТИ ДУЭЛЬ

— Ни до чего не дотрагивайтесь, Джесси.

Джесси не слыхала, как он вошел и, тяжело дыша, остановился на пороге кухни. Его лицо покрывал обильный пот.

— Она мертва, Ричард.

— Знаю.

Правая рука у него вновь была обвернута носовым платком. Он вошел в спальню и вытер ручку двери в ванную. Поднял зажигалку, вытер ее и поставил на стол. Так же тщательно Квин обтер стул, на котором до этого сидел. Потом он посмотрел на стакан воды, принесенный Джесси из кухни для Кой, и на ее руки.

— Вы все еще в перчатках. Это хорошо. — Он подошел к софе, поднял сумочку Джесси и обвел взглядом гостиную. — Вы задёрнули занавеси. — Сказал он это без гнева, а просто, как человек, составляющий какой-то список. Потом Квин подвел Джесси к двери в кухню. — Побудьте здесь. — После этого он подошел к выключателю на стене и тоже обтер его носовым платком, а затем

выключил. В комнате опять стало темно.

Джесси слышала, как он пробрался к окну. До нее донесся шорох открываемых занавесей.

— Пошли, Джесси. — Он уже был рядом с нею.

— Нет.

— Что?! — удивился Квин.

— Мне нужна еще минутка, — сказала Джесси, пытаясь освободиться.

Однако Квин не выпускал ее и несильно, но настойчиво тянул за собой.

— Вы больше ничего не можете для нее сделать, Джесси. Разве вы не понимаете, что нам нужно убраться отсюда? Пошли скорей.

— Но я не могу оставить ее в таком виде, — упрямо ответила Джесси. — Так же нельзя. Я всего лишь хочу поправить на ней халат. Пустите меня, Ричард.

— Но нам нельзя ни до чего прикасаться здесь, — возразил Квин.

— Да, но тогда все будут глазеть на ее наготу!

— Она мертва, Джесси.

Улица казалась все такой же. Хотя нет, не совсем.

Машины Крипса на ней уже не было, и в ряду машин, там, где Квин останавливался закурить и перебросится несколькими фразами с бывшим

полицейским, зияла пустота. Крипс или скрылся, или бросился за кем-то в погоню.

Джесси шла с трудом, опираясь на руку Квина. Вскоре они вышли на Бродвей, пересекли его и направились в Даунтаун.

Джесси механически переставляла ноги. Время от времени ей в голову приходила мысль, что это не она, медсестра и няня по имени Джесси Шервуд, только что вышла из комнаты, где около концертного пианино в неприлично распахнутом халате лежит мертвая блондинка, и что всего этого не было.

Квин тоже шел молча. Держа ее под руку, он с озабоченным видом двигался рядом, останавливался на углах перед светофорами, потом, подталкивая ее перед собою через улицу, заглядывал в витрины магазинов, закуривал, вытирал лицо, бросал потухшую сигарету и закуривал новую. Так он испортил много сигарет.

От 72-й улицы он как-то сразу пошел значительно быстрее и вскоре с деловитым видом ввел ее в кафетерий, где было много народу. Здесь Квин взял поднос, две ложки и две бумажные салфетки, а потом попросил Джесси постоять с ним в очереди. Он налил две чашки кофе, расплатился в кассе, некоторое время стоял, осматриваясь,

словно в поисках незанятого столика, а затем прошел к тому, где над чашками кофе сидели двое пожилых мужчин. Один был со шрамом на лице, а другой в очках в массивной оправе. У столика стояли еще два прислоненных к нему стула, как если бы они были кем-то заняты.

Квин поставил на столик свой поднос, усадил Джесси, уселся сам и только после этого спросил:

— Джифин, Крипс, что произошло?

— Мы потеряли его, инспектор.

— Джифин, доложи вначале ты.

Пожилой человек со шрамом помешал в чашке и заговорил, не поднимая головы:

— Я выскочил на крышу и осветил фонарем дом на другой стороне двора, но там никого не оказалось. Я быстро спустился по лестнице в подвал и через черный ход и двор выбежал на соседнюю улицу, на которой было много людей, играли ребятишки и в обоих направлениях двигались машины. Никто не бежал, никто не отъезжал поспешно от тротуара — словом, никто не вел себя подозрительно. Насколько я мог рассмотреть, нигде не было пустого места, откуда бы только что отошла машина. Я поговорил с игравшими детьми, но они не заметили, чтобы кто-нибудь выходил из дома. Понимая, что впустую трачу

время, я все же обследовал лестницы, лифты, подвалы и крышу дома напротив. На ней никого не оказалось. Мне кажется, что преступник пробрался по крышам соседних домов и спустился на землю на углу Вест-Энда, где он, возможно, оставлял свою машину. Во всяком случае, я пришел сюда с пустыми руками.

— Ну а ты, Джонни? — спросил инспектор.

Джесси подумала, что второй детектив с его очками в черной оправе и снежно-белыми волосами выглядит скорее, как учитель или библиотекарь.

— Узнав от вас новости, инспектор, я приехал на 88-ю улицу, но даже не знаю, оказался ли я там слишком рано или слишком поздно. Несколько минут я торчал там в нерешительности, пока не заметил, что от тротуара быстро отъехала машина. Я взял ее под наблюдение. Выяснилось, что это какой-то студентик, спешащий на свидание.

— А все ноги, — мрачно изрек Джифин, обращаясь к своей чашке кофе. — Приходится признать, что мы не так проворны теперь, как когда-то...

— Нам нужно побольше людей, вот и все, — заявил Крипс, подышав на очки и протирая их. — Черт возьми, а у меня даже нет револьвера.

— Но кто это мог быть? — подумала Джесси, как ей казалось — про себя, а на самом деле вслух.

Детективы с любопытством посмотрели на нее.

— Спокойно, Джесси, — сказал Квин. — Так вот, ребята, я не хочу втягивать вас еще дальше в это дело... — Он отпил кофе и взглянул на своих друзей. — Отправляйтесь-ка по домам и забудьте про все.

Его бывшие сослуживцы только рассмеялись.

— Инспектор, вы не представили нас своей даме, — заметил Джифин.

— Прошу прощения. Мисс Шервуд. Джон Крипс, Хьюз Джифин.

— Рада познакомиться... Нет, но вы только подумайте — он попал ей между глаз, словно стрелял в тире, а затем выстрелил еще дважды причем не в нее, ибо она уже лежала на полу, а в нас, Ричард.

— Я знаю это, Джесси, — мягко ответил Квин и под столом пожал ей руку. — Я хочу, ребята, чтобы вы отправились по домам и чтобы один из вас позвонил по телефону Питу Анжело и Элу Мэрфи и передал им мою просьбу забыть про это дело.

— Мисс Шервуд, как вы смотрите на то, чтобы нам не ограничивать себя только кофе? — спросил Хьюз Джифин.

— Может быть, вы хотите попробовать чудесный датский сыр? — предложил Джонни Крипс.

— Здесь он очень вкусен.

— Так вот об этом самом деле, — настойчиво продолжал инспектор. — Мне очень приятно, ребята, как вы быстро откликнулись на мою просьбу. Но теперь совершенно ясно, что речь идет об убийстве. Я не имею права позволять вам рисковать пенсией, а может быть, и свободой. Мы с Джесси, — Квин еще сильнее сжал ей руку, — так глубоко завязли в этом деле, что нам сейчас при всем нашем желании никак не выпутаться из него. Но вы...

— Вы совершенно напрасно тратите время, — перебил его Джифин. — Я заявляю это вам также от имени Пита и Мэрфи. Кто из нас должен будет «стукнуть»?

— Я! — заявил Квин.

— Черта с два! — с негодованием воскликнул Джифин. — Ваш голос слишком хорошо известен, инспектор. Это сделает Джонни или я.

— Кого вы хотите стукнуть? — удивилась Джесси.

— Да мы говорим, мисс Шервуд, кто из нас поставит в известность полицию, — пояснил Крипс. Он действительно выглядел сейчас, как ученый. — Мы не можем допустить, чтобы она там лежала неизвестно сколько времени.

— Вы, видимо, хотите это сделать анонимно? — поинтересовалась Джесси.

Все трое ее собеседников покраснели и взялись за свои чашки.

Джесси сделала то же самое, так как только сейчас вспомнила, что еще не прикоснулась к кофе.

Квин взял ключ из холодных пальцев Джесси. Он отпер дверь, распахнул ее, вошел в квартиру и зажег свет. Некоторое время он стоял у порога, а затем прошел в спальню Джесси, откуда тут же возвратился.

— Все в порядке, — сообщил он и закрыл наружную дверь на задвижку.

— Почему мне так холодно, — дрожа, спросила Джесси. — Может быть, на улице упала температура?

Квин дотронулся до ее лба, а затем до руки.

— Это нервная реакция, — сказал он. — Я, например, после таких дел даже в разгар зимы обливался потом. Вы сейчас же, моя молодая особа, должны лечь в постель.

— Я вовсе не молодая особа, а старуха, — заявила Джесси, с трудом сдерживаясь, чтобы не стучать зубами. — И, кроме того, я очень напугана.

— Я готов казнить себя за то, что втянул вас в эту историю. — Он взял у нее сумочку и перчатки

и неловко снял шляпку. — Я бы завтра же отправил вас обратно в Коннектикут...

— Так я и уехала!

— ... если бы вы не были нужны мне здесь, чтобы я мог не спускать с вас глаз. Преступник, видимо, считает, что мисс Кой сообщила нам, кто он.

— Да, и он стрелял в нас, — согласилась Джесси. — Пуля разбила что-то рядом со мной. Он явно решил не подвергать себя риску, правда?

— И тем не менее он очень рискует, — мягко ответил Квин. — Однако мы об этом переговорим завтра. Отправляйтесь в свою спальню и ложитесь спать. У вас есть тут люминал?

— А вы что намерены делать, Ричард? — Зубы у нее громко застучали.

— Буду вас сторожить.

Джесси понимала, что ей следовало бы начать возражать, отправить его домой или хотя бы постелить ему в гостиной, но не могла себя заставить произнести и слово. Она вспомнила мертвую Конни Кой на полу и тут же подумала, что, пока он здесь, уж с ней-то этого не произойдет. Она почувствовала, как ее все сильнее и сильнее охватывает расслабленность и сонливость. «Боже мой, — лениво подумала Джесси, — да я веду себя совсем как разнеженная девчонка».

— Вы в состоянии все сами сделать? — озабоченно спросил Квин.

— А почему вы спрашиваете?

Джесси даже улыбнулась при виде той растерянности, какая выразилась у него на лице. Его было так легко смутить...

Несколько позднее, когда Джесси уже была в постели, Квин постучался. Она сказала: «Можно», он вошел о чашкой горячего молока и таблеткой люминала.

— Вот, примите.

— Слушаюсь, сэр, — покорно ответила она.

Джесси трудно было оторвать голову от подушки. Квин заколебался, но потом просунул руку ей под плечи и помог сесть. Одеяло чуточку спустилось, и у нее мелькнула мысль: «Джесси, как ты себя ведешь!» Но она чувствовала себя бессильной даже подтянуть его обратно, хотя и боялась, как бы Квин не подумал, что она кокетничает с ним...

Джесси медленно пила молоко.

— Какое оно горячее.

— Пейте не торопясь, — сказал Квин.

Как только Джесси устало опустилась на подушку, он тут же отдернул руку.

— Спасибо, Ричард, — поблагодарила Джесси и

удивилась про себя: она ли это сказала?

— Теперь вы себя лучше чувствуете? — спросил Квин, обращаясь к дешевенькой репродукции Ван Гога, висевшей над кроватью Глории Сарделла.

— Никакого сравнения...

«Нет, но и в самом деле, как хорошо...» — подумала Джесси.

Квин подошел к окну и выглянул. Заметив, что рядом проходит пожарная лестница, он, видимо, забеспокоился, тщательно закрыл окно и опустил штору, а потом прошел в ванную.

— Джесси, я открыл окно в ванной, а дверь в гостиную закрывать не буду для того, чтобы продувало. Вас свет не беспокоит?

— Пожалуйста, не уходите, — попросила Джесси, чувствуя, что ее вновь начинает трясти.

— Я не уйду. Я буду в комнате рядом. При малейшей необходимости — сейчас же позовите меня.

— Хорошо... Постельное белье в шкафу около кухни... Ричард, но она же мертва...

— Спите, Джесси.

— Я не понимаю, что со мной. У меня такое ощущение, что я не могу и пальцем пошевелить.

— Вечер был очень трудным. Если утром вам лучше не будет, я вызову врача.

— О нет!

— О да!

Щелкнул выключатель, в комнате стало темно, но Джесси не слыхала, чтобы Квин ушел.

— Спокойной ночи, — сквозь сон сказала она.

— Спите спокойно, Джесси.

Квин вышел из комнаты, споткнувшись о что-то по пути.

«А ведь он посмотрел на меня не так, как взглянул бы на любую женщину вообще. Он посмотрел на меня, как если бы...»

Последнее, что слышала Джесси засыпая, был вой полицейских машин, мчавшихся в центр города.

... Эйб Перл на другом конце телефонной линии говорил так громко, что Квин даже опасливо взглянул на дверь спальни.

— Перестань кричать, Эйб, — проворчал он. — Я еще не оглох.

— Куда ты пропал, черт тебя возьми? — сердито спрашивал Перл. — Я ищу тебя весь вечер. Откуда ты звонишь?

— Из квартиры Джесси Шервуд в Нью-Йорке.

— Знаешь, Дик, если тебе захотелось крутить любовь, крути на здоровье, но уж номер телефона-то ты мог бы мне оставить. Не я же затеял эту

канитель, а ты!

— Довольно, довольно, Эйб, — остановил его Квин. — Никакой любви я не кручу и...

— Понятно, следовательно, она там разыгрывает недотрогу... Бекки, помолчи... Дик, ты можешь уделить мне пять минут?

— Говори.

— Сегодня вечером мне позвонил этот доктор Дуэйн из Нью-Хейвена. Он до этого названивал во все места, пытаясь связаться с Хамфри, но, ничего не добившись, обратился ко мне с просьбой побывать на острове Нэр и узнать, не возвратился ли туда Хамфри (он пытался поговорить хотя бы со Столлингсом, но безуспешно). Потом я узнал, что Столлингс в это время был в кино, да и, кроме того, он все равно не видел Хамфри, и тот ему ничего о себе не сообщил. Дело в том, что с миссис Хамфри опять плохо, и мне кажется, что Дуэйну стало известно что-то важное, и он хотел бы об этом сообщить. Дик, а ты не знаешь, где Хамфри? Я решил вначале выяснить у тебя, а потом уже позвонить Дуэйну.

— Нет, Хамфри я не видел, — медленно ответил Квин. — Эйб, послушай...

— Да?

— В какое время сегодня Хамфри вышел из сво-

ей квартиры на Парк-авеню? Дуэйн разговаривал с миссис Ленихэн?

— Она ему ответила, что Хамфри уехал сегодня рано утром и не сказал куда. Ко времени звонка Дуэйна мне, а это было около девяти часов вечера, он еще не возвратился.

— Его повез Каллэм или он уехал один?

— Не знаю. — Перл помолчал, а потом спросил: — Дик, что произошло? Сегодня вечером что-то произошло?

— Да, убрали Конни Кой.

— Мать?

Выслушав рассказ, Эйб попросил:

— Минуточку, Дик. Подожди у телефона.

Он долго молчал, а потом заметил:

— Я все пытаюсь связать концы с концами...

— Это не так просто, — сухо согласился Квин.

— Дик, а почему ты спрашиваешь, в какое время Хамфри ушел сегодня из своей квартиры в Нью-Йорке?.. Дик, ты слушаешь?

— Да, слушаю, Эйб, а тебе не кажется странным, — быстро заговорил Квин, — что мы не можем выяснить, чем занимался Хамфри как раз в дни убийства Финнера и Конни Кой?

— Что-что?

— Ты слышал, что я сказал.

Наступило молчание.

— Ты совсем сошел с ума! — наконец воскликнул Перл. — Можно же придумать хоть десяток объяснений...

— Вот именно.

— Это просто совпадение...

— Пока я не могу доказать, что это не так.

— Это совершенно абсурдная мысль. Да почему... — Эйб было замолчал, но потом продолжал: — Нет, ты шутишь!

— Я говорю вполне серьезно.

Снова наступило молчание.

— С каких пор эта идея не дает тебе покоя? — наконец спросил Перл.

Инспектор Квин промолчал.

— Разве ты не понимаешь, что у тебя нет никаких доказательств? Ну предположим, что мы не можем установить, чем был занят Хамфри во время каждого из убийств. Так что? Да, может быть, сейчас, упрятав жену в Нью-Хейвене, он подцепил какую-нибудь аппетитную блондиночку и...

— Сейчас? — мрачно спросил Квин. — Это могло произойти еще год назад.

— Дик, ты совсем спятил. Элтон Хамфри?! Надо обладать хоть какой-то человечностью, чтобы начать гоняться за девочками. Если бы у Хамфри

и появилась охота этим заняться, он никогда не поставит себя в подобное положение, ибо чертовски много думает о себе и о своем драгоценном имени.

— Будь же последовательным, Эйб. Ты сам сказал, что странные отлучки Хамфри могут объясняться его романом с какой-нибудь женщиной, а когда я высказываю предположение, что такой женщиной могла быть Конни Кой и что в прошлом году у них был роман, ты начинаешь утверждать, что он — человек совсем другого типа. Конечно, он — человек того самого типа, ибо при соответствующих обстоятельствах под этот тип может подойти любой мужчина, а особенно — миллионер.

— Да, но Хамфри...

Квин живо представил как Эйб Перл покачивает головой.

— Я понимаю, что основываю все свои рассуждения лишь на интуиции, но каких-либо бесспорных доказательств у меня пока нет. Все остальные версии одна за другой оказались несостоятельными. Во-первых, у Фроста, племянника Хамфри, совершенно бесспорное алиби на то время, когда был убит ребенок. Потом убийца похищает папку из дел Финнера и тем уничто-

жает всякие следы, ведущие к настоящей матери ребенка. А как только мы косвенным и сложным путем добрались до Кой, и она уже намеревалась назвать нам имя отца ребенка, пуля заставила ее навеки умолкнуть. Я не могу ждать, Эйб, чтобы еще одна полицейская версия оказалась несостоятельной, и считаю своей обязанностью проявить необходимую инициативу.

— Да, но ты напрашиваешься на крупные неприятности, — пробормотал Перл. — Людей вроде Хамфри ничем не испугаешь.

— А я и не собираюсь. Я не предприму каких-либо активных действий, пока не обзаведусь солидным оружием. Мне кажется, я знаю, где его можно достать.

— Где?

— Я скажу тебе, как только достану. Передай мой привет Бекки.

Квин положил трубку и хмурясь опустился в кресло. Он долго так просидел, а потом достал телефонный справочник по Манхаттену и начал что-то искать в разделе под названием «Детективные агентства».

Человек с серым лицом вышел из лифта и, не отрывая глаз от третьей страницы газеты «Дейли ньюс», неровной, прыгающей походкой пошел по

коридору. Это был высокий, крупный мужчина лет сорока в светло-сером костюме и в тирольской шляпе с пером.

Человек остановился перед дверью из матового стекла и, все еще не отрывая глаз от газеты, достал из кармана брюк ключи. На двери была дощечка:

ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО Д. В.
Гражданские, уголовные и персональные дела.
Наша специальность — семейные неприятности.
Фотографирование.
ЗАХОДИТЕ!!!

Продолжая читать, человек открыл ключом дверь и вошел в прихожую, служившую приемной. На столике секретарши стояла пишущая машинка в чехле. Окон в комнате не было.

Левой рукой человек пошарил около двери, нащупал выключатель и зажег свет. Поглощенный чтением, он прошел через комнату в кабинет, направился к окну, отдернул штору и погрузился в кресло около письменного стола. По-прежнему не отрывая глаз от газеты и покусывая губы, он откинулся на спинку.

— Интересно, правда?

Человек опустил газету. У стенки, отделявшей его кабинет от передней, сидел Ричард Квин.

— Я сказал, что вы читаете интересную заметку о вчерашнем убийстве, — пояснил Квин. — Вы явно согласны со мною, Вирхаузер, если судить по тому, как вы погрузились в чтение.

Детектив осторожно положил газету на письменный стол.

— Предполагается, что я знаю вас, папаша? — У него был грубый и очень неприятный голос. — Или вы здесь с целью грабежа?

— Перестаньте паясничать, Джордж, — спокойно сказал Квин. — Я полагал, что нам лучше переговорить до прихода вашей секретарши, и мне не хотелось в ожидании вас торчать в коридоре. — Он встал, положил шляпу на стул и подошел к письменному столу. — Мне нужно кое-что узнать у вас. Кто нанял вас вести за мной слежку?

— Разве я веду за вами слежку? — с недоуменным видом спросил Вирхаузер.

— Начиная с воскресенья — не знаю, на время или совсем — вы ее прекратили, — терпеливо ответил инспектор. — Но я жду ответа на свой вопрос.

— А вы видите вон там слово «конфиденциально»? — спросил Вирхаузер. — Теперь продолжайте.

— Вы совсем не изменились, Вирхаузер, все подражаете Джорджу Рэфту[1], — засмеялся инспектор.

Вирхаузер встал.

— Вы сами уйдете или я должен вас выбросить?

Квин пристально посмотрел на него.

— Но понимаете ли вы, во что впутались? Или вы даже глупее, чем кажетесь?

Серый цвет на лице Вирхаузера сменился багровым румянцем, и он стукнул кулаком по столу.

— Вы с кем это так разговариваете?

Инспектор Квин взглянул на часы.

— Вирхаузер, у меня очень мало времени. Ну, давайте — выкладывайте!

— Вы разговариваете со мной, словно все еще являетесь важной персоной, — сказал Вирхаузер, и хотя он произнес это с издевкой, но в голосе у него послышались нерешительные нотки.

— Вам прекрасно известно, кто я.

— Мне известно, кем вы были. Беда с бывшими

---

[1] Примечания: 1

Джордж Рэфт. - Известный американский киноактёр, исполняющий преимущественно роли гангстеров.

начальниками, — не знают, когда следует остановиться. Вы помните, что больше не являетесь инспектором полиции?

— Подвиньте-ка мне ваш телефон.

Лицо Вирхаузера вновь приобрело обычный сероватый цвет.

— И что вы намерены делать?

— Позвоню в полицию, чтобы доказать вам, кто я — бывший или настоящий.

— Подождите.

— Да?

— Вам же известно, инспектор, что я не могу разглашать такие сведения. — Вирхаузер напустил на себя расстроенный и сожалеющий вид. — Вся работа детективного агентства носит конфиденциальный характер...

— Вам следовало бы продолжать заниматься сбором всякого рода грязных сведений по бракоразводным делам, — презрительно перебил его инспектор. — Или вам хочется оказаться впутанным в дело об убийстве?

— Кто впутан в дело об убийстве? — поспешно спросил Вирхаузер. — Мне поручили лишь вести слежку за вами и за этой женщиной и о результатах наблюдения докладывать моему клиенту, что я и делал.

— Вы следили за мною от одного роддома до другого. Потом выследили, как я зашел в жилой дом на 88-й улице, около Вест-Энда, и спросил там девушку по имени Конни Кой, которая скоро должна была вернуться в город; после этого в воскресенье вечером вы сообщили обо всем этом своему клиенту. Сегодня, открыв утром газету, вы узнали, что девушка по имени Конни Кой вчера вечером возвратилась из Чикаго и час спустя была убита выстрелом через окно с крыши дома напротив. И вы серьезно хотите убедить меня, что непричастны ко всему этому?

— Послушайте, инспектор... — заговорил Вирхаузер.

— А что если мы отправимся сейчас в уголовную полицию и доложим там кому-нибудь из начальства, что вы, Джордж Вирхаузер, имеющий разрешение соответствующих властей на производство расследований по частным поручениям, навели на Конни Кой своего клиента, имя которого вы отказываетесь назвать? Как долго после этого вы еще будете обладать этим разрешением? Сколько, по-вашему, пройдет времени, прежде чем вы начнете искать человека, который взял бы вас из следственной тюрьмы под денежный залог на поруки?

— Послушайте, инспектор, — облизнул губы Вирхаузер — Вы не правы. Мой клиент не может иметь какого-либо отношения к...

— Это откуда же вам известно?

— Видите ли, он...

— Что — он? Ну предположим, что ко всей этой истории он отношения не имеет. Но вам известно, где он провел вчера весь день? Вы знаете, что у него есть алиби на то время, когда была убита Конни Кой?

— Да вчера я и близко к нему не подходил! — крикнул Вирхаузер. — Я даже по телефону с ним не разговаривал! Во время нашего разговора в воскресенье вечером мой клиент сказал, что сообщаемая мной информация — это не то, что ему нужно, и он аннулирует свое поручение. Это все, что мне известно.

— Придумайте что-нибудь поубедительней, Вирхаузер, — покачал головой Квин.

— Я сообщил вам все, что знаю!

— Нет не все. Кое о чем вы умолчали.

— О чем именно?

— Вы не назвали фамилии вашего клиента.

Вирхаузер поднялся, подошел к окну и стал там, пощипывая губу. Затем он вернулся к столу и сел, причем в его острых глазах появилось хитрое

выражение.

— А на чьей, собственно, стороне вы... инспектор?

— Не ваше дело! — резко ответил Квин.

— Мне только что пришла в голову мысль, — продолжал детектив, ухмыляясь, — что вы сами завязли по уши — и вы и эта ваша дама.

— Я — да! Я ищу вашего клиента и во что бы то ни стало найду его. И вы, Вирхаузер, чем меньше будете знать об этом, тем лучше для вас... Ну, я потратил на вас достаточно времени. Кто он?

— Хорошо, хорошо, но вы обещаете оставить меня в стороне? Ей-богу, если бы я знал, что вся эта история кончится убийством, я бы наплевал на его аванс и убежал, как черт от ладана.

— Кто же он? — настойчиво повторил старый инспектор, с трудом сдерживаясь.

— Но мы договорились, что я остаюсь в стороне?

— Мне до вас нет никакого дела, и, с моей точки зрения, вы уже в стороне. Я еще раз спрашиваю, Вирхаузер: кто он?

Вирхаузер снова встал и закрыл дверь в приемную.

— Это один денежный туз с Парк-авеню... — Даже сейчас детектив говорил нехотя, запинаясь,

словно продавал облигацию золотого займа по цене значительно ниже номинала.

— Его имя!

Вирхаузер выругался.

— Элтон К. Хамфри.

— Джесси, как вы себя чувствуете?

— Превосходно.

Лифт только что бесшумно ушел вниз. Стена напротив лифта была выкрашена зеленовато-бежевой краской, а в верхней части ее на белом известковом фоне витали купидоны с гирляндами.

— Вы ничего не бойтесь, — посоветовал Квин. — Уж во всяком случае здесь-то он ничего не попытается сделать. Я и не пригласил бы вас с собой, если бы думал, что тут может возникнуть какая-то опасность.

— Да я не боюсь, — слабо улыбаясь, ответила Джесси.

— Может быть, вам лучше подождать меня здесь?

— Я чувствую себя превосходно, — повторила Джесси.

— Мы должны, Джесси, как следует взять его в работу. Посмотрим, что он за орешек. Пока все получалось так, как ему нужно. Вы ведь это по-

нимаете, правда?

— Беда в том, что я не могу заставить себя поверить во все это. — Джесси кусала губы, пытаясь удержать их от дрожи. — Я хочу посмотреть ему прямо в лицо, посмотреть по-настоящему. Должно же было убийство оставить на нем какой-то след!

Инспектор нажал на звонок. Швейцару в вестибюле внизу он сообщил свою и Джесси фамилии, причем сделал это с самоуверенностью, которой Джесси могла только восхищаться. Никаких осложнений не последовало. Мистер Хамфри по внутреннему телефону сказал, что примет их.

После визита инспектора к Джорджу Вирхаузеру прошло три дня. В тот же вечер Квин созвал своих верных помощников на военный совет. Джесси подумала, что это было самое странное совещание, на котором она когда-либо присутствовала...

Совещание стариков на скамейке в уединенном уголке центрального парка. Здесь собрались все: бывший лейтенант уголовной полиции Джонни Крипс; стройный, все еще красивый, со шрамом на лице, Хьюз Джифин; самый молодой из всех, рыжий, коренастый, с лицом кирпичного цвета, бывший сержант 16-го полицейского участка Эл

Мэрфи; высокий и полный Гэс Полонский, с трясущимися руками; напарник Полонского в былые времена Пит Анжело — изящный, спортивного вида, смуглый человек, лицо которого покрывала густая паутина морщин, словно подробная карта всех его семидесяти лет.

Счастливые и довольные, они молча слушали Ричарда Квина, раздававшего этим изнывающим от безделья и одиночества людям соломинки, за которые они с благодарностью хватались. И после того как каждый из них получил задание и скрылся в вечерних сумерках, Джесси заметила:

— Ну, теперь мне его в известной степени жаль.

— Это кого же?

— Элтона Хамфри.

— Поберегите свою жалость для кого-нибудь другого, — проворчал Квин.

— Добрый вечер, — поздоровался миллионер.

Он сам открыл им дверь и остановился у порога, словно джентльмен с рекламной картинки среди пурпурных и зеленых драпировок и обитых коричневой кожей кресел своего охотничьего клуба. На нем была атласная домашняя куртка; он стоял со скучающим, безразличным видом — то ли генерал в штатском, то ли чванный, но

благовоспитанный аристократ.

«Нет, нет, это невозможно! » — мелькнула мысль у Джесси.

— Вы прекрасно выглядите, мисс Шервуд.

— Спасибо.

— Жаль, что я не могу сказать то же самое о вас, мистер Квин. Может быть, вы пройдете? Прошу извинить, что здесь нет никого из слуг. Я всем им дал выходной вечер.

— И вы сделали это, пока мы поднимались? — поинтересовался Ричард Квин.

— Вы чрезвычайно подозрительный человек, мистер Квин. — Элтон Хамфри с улыбкой покачал головой.

— Да, — мрачно согласился Квин. — Вы вполне можете так сказать.

Апартаменты Хамфри — с панелями из драгоценных пород дерева, сверкающими люстрами, старинными вещами, хрусталем, картинами, гобеленами, дорогими мягкими коврами — показались Джесси просто какой-то неизведанной страной. В комнатах, в несколько раз больше тех, в которых она когда-либо бывала, все содержалось в идеальном порядке — ни одна подушка на кушетках не была смята, ковры нигде не морщились, ни в одной пепельнице нельзя было найти

хотя бы признак пепла. Кабинет походил на гостиную; он был обставлен с такой же роскошью и столь же массивной мебелью, а немыслимо высокие стеллажи с книгами, казалось, готовы обрушиться.

— Прошу вас, садитесь, мисс Шервуд. Могу я предложить вам немного хереса?

— Нет, спасибо, — ответила Джесси. — Как здоровье миссис Хамфри?

— К сожалению, неважно... Вам — виски, мистер Квин?

— Мне ничего не нужно.

— Вы, может быть, присядете?

— Нет.

— Какие строгости! — заметил Хамфри, слегка улыбаясь. — Вы говорите прямо-таки как какой-нибудь инспектор полиции.

— Могу я начать? — спросил Квин все с тем же выражением лица.

— Пожалуйста. — Хамфри уселся у письменного стола в старинное кресло из дуба, украшенное резьбой ручной работы. — Ах да, минуточку. — Его выпученные глаза на мгновение остановились на Джесси, и она заметила под ними мешки, которых раньше не было. — Из того, что вы, мисс Шервуд, сегодня вечером находитесь здесь вместе

с мистером Квином, я заключаю, что вы все еще не отказались от своего заблуждения о причинах смерти бедного Майкла. Верно?

— Да, я по-прежнему верю, что Майкл был убит. — Джесси показалось что она сказала это излишне громко.

— Ну, что же, в таком случае позвольте мне поблагодарить вас хотя бы за то, что вы не придаете этому ненужной огласки.

— Вы закончили? — сухо поинтересовался Квин.

— Прошу прощения, мистер Квин. — Миллионер откинулся на спинку кресла. — Так что вы хотели сказать?

— Двадцатого августа в своей конторе на Восточной 49-й улице был убит занимавшийся всякого рода нечистоплотными комбинациями адвокат Финнер.

— Да?

— Тот самый Финнер, который передал вам ребенка в июне этого года.

— Что вы говорите!

— Перестаньте, мистер Хамфри, вы вряд ли сможете это отрицать. С вами и миссис Хамфри ездила мисс Шервуд. И она и ваш шофер Каллэм видели тогда Финнера.

— Да я вовсе не отрицаю этого, мистер Квин, — улыбнулся Хамфри.

— В четверг восемнадцатого, или на следующий день, Финнер связался с вами, сообщил о нашем с мисс Шервуд визите и попросил вас быть у него в конторе в четыре часа в субботу двадцатого на встрече с нами. Вы дали согласие присутствовать.

— Ну, уж тут вы сходите с твердой почвы фактов и начинаете витать в облаках, — заметил Хамфри. — Я, конечно, не имею права оставлять без ответа необоснованные обвинения. Ради бога, извините меня, мистер Квин, что я вас прервал.

— Вы отрицаете эти факты?

— Они не заслуживают даже отрицания. Вы не смогли бы их абсолютно ничем подтвердить и поэтому нет никакой необходимости их опровергать. Говорите дальше.

— Вы согласились быть у него, — как ни в чем не бывало продолжал Квин, — но с маленьким сюрпризом для Финнера, мистер Хамфри, и, должен признать для нас. Вы действительно отправились к Финнеру в контору в ту субботу, но не к четырем часам. Вы появились там часа на полтора раньше — судя по медицинскому заключению о времени смерти Финнера, — сразу

же после того, как он возвратился с ленча. Вы схватили с письменного стола Финнера нож для бумаги и нанесли ему удар в сердце. Потом среди его переписки вы нашли папку с фамилией «Хамфри», в которой хранились документы о родителях ребенка, и унесли ее с собой. Теперь вы, разумеется, уничтожили ее.

Словно зачарованная, Джесси не могла оторвать глаз от лица Хамфри. Ни возмущения, ни беспокойства не было; самое большее, что оно выражало, это слабый интерес, простую вежливость.

— Эту фантастическую историю я могу объяснить только игрой воображения впадающего в старческий маразм человека, — сказал миллионер. — Вы серьезно обвиняете меня в убийстве этого Финнера?

— Да.

— Но вы отдаете себе отчет в том, что, при отсутствии конкретных доказательств, вроде показаний свидетелей, отпечатков пальцев или еще чего-то столь же скучно-нефантастичного, вы подвергаете себя весьма серьезному риску? Ведь я могу привлечь вас к уголовной ответственности за клевету, распространение злостных слухов и еще по целому ряду обвинений, которые

без всякого труда сформулируют мои юристы!

— Я полагаю, что вы не обратитесь к ним из-за вашей общеизвестной неприязни ко всякого рода гласности, — сухо ответил Квин. — Я могу продолжать?

— Боже мой! Вы еще хотите что-то сказать?

— Да, кое-что.

Словно благословляя, Хамфри махнул длинной выхоленной рукой со скрюченным пальцем.

— В понедельник. утром, — продолжал Квин, — вы явились в сыскное агентство некоего Вирхаузера на Таймс-сквер и наняли его для слежки за мной и мисс Шервуд. Вирхаузер вскоре доложил вам, что мы посещаем родильные дома и родильные отделения больниц в Нью-Йорке, сличая с хранящимися там документами о рождении имеющиеся у нас отпечатки детских ножек. Это продолжалось около недели.

— Так-так, — заметил Хамфри.

— Вечером в прошлое воскресенье Вирхаузер сообщил вам, что мы, очевидно, нашли то, что искали, и в результате этого направились в большой жилой дом на Западной 88-й улице, где задавали много вопросов о жиличке по имени Конни Кой. Конни Кой, мистер Хамфри...

— Вы сделали такую многозначительную пау-

зу. Это имя что-то должно значить для меня?

— Вирхаузер информировал вас, что Конни Кой гастролирует в Чикаго, выступая там в одном из ночных клубов, но скоро должна возвратиться. Вы тут же аннулировали свое поручение Вирхаузеру под тем предлогом, что он шел по неправильному следу.

Джесси сидела не шевелясь. Ей внезапно показалось, что в кабинете невыносимо душно.

— И это обвинение, мистер Квин, тоже основывается на вашем воображении?

— Нет, — ответил старый инспектор, улыбаясь впервые за этот визит. — Это обвинение, мистер Хамфри, подтверждается показаниями Джорджа Вирхаузера, данными и подписанными под присягой. Не желаете, ли взглянуть? Они у меня с собой.

— Мне очень бы хотелось сказать — нет, — пробормотал Хамфри. — Однако как опытный игрок в покер в свое время... я хочу взглянуть на этот документ.

Инспектор Квин вынул из кармана сложенную бумагу и, не колеблясь, положил ее на стол — Джесси чуть не вскрикнула. Миллионер спокойно взял бумагу, развернул, внимательно прочитал и вежливо возвратил.

— К сожалению, мистер Квин, я не в состоянии отличить подпись Вирхаузера от вашей, — сказал он, закладывая за голову костлявые руки. — Но если даже этот документ и подлинный, я полагаю, что Вирхаузер вряд ли пользуется очень хорошей репутацией, и когда возникнет вопрос о том, кому верить — ему или мне...

— Следовательно, вы и это тоже отрицаете?

— Ну, поскольку нас здесь всего трое, — холодно улыбнулся Хамфри, — я не вижу вреда в том, чтобы признать, что действительно на прошлой неделе я нанял детектива с целью посмотреть, какие пакости вы и мисс Шервуд затеваете. Из намеков, брошенных мисс Шервуд, я понял, что вы с нею решили найти подтверждение ее истерическим басням о том, что ребенок был якобы убит. Учитывая это, я полагал, что для безопасности не столько моей, сколько моей супруги, я должен быть в курсе ваших действий. Но как только мой человек выяснил, что вы расследуете какую-то историю, связанную с абсолютно незнакомой мне женщиной, я, конечно, потерял всякий интерес к тому, что вы делаете. Я лишь сожалею о своей ошибке, выразившейся в том, что я нанимал для этой работы такого человека, как Вирхаузер. Я ненавижу ошибки, мистер Квин, особенно свои

собственные.

— Следовательно, вы утверждаете, что совершенно не знаете певицы из ночного клуба по имени Конни Кой?

— Да, мистер Квин, — мягко ответил миллионер, — я это утверждаю.

— В таком случае я не могу понять, чем вы занимались на следующий день после того, как отказались от услуг Вирхаузера. Вечером в прошлое воскресенье Вирхаузер сообщил вам, что мы интересовались девушкой по фамилии Кой, которая скоро должна приехать из Чикаго. Весь следующий день и значительную часть вечера вы, мистер Хамфри, провели на Центральном вокзале Нью-Йорка, наблюдая за поездами, прибывающими из Чикаго. Интересно, зачем бы вам это, если вы не знали Конни Кой и не интересовались ею?

Хамфри слегка нахмурился.

— Знаете, мистер Квин, кажется, этот разговор начинает надоедать мне. Само собой разумеется, я не был на Центральном вокзале.

— Странно, — возразил Квин. — А вот носильщик и продавец одного из газетных киосков по предъявленной им вашей фотографии из газеты узнали человека, который целый день торчал на

вокзале у платформы, куда приходят чикагские поезда.

Миллионер уставился на Квина.

— Теперь же, мистер Квин, вы раздражаете меня, — холодно сказал Хамфри. — Устроенное вами так называемое «опознание» вовсе не производит на меня впечатления. Как полицейский офицер в прошлом, вы прекрасно понимаете, насколько неудовлетворительны подобные опознания на практике. К сожалению, я должен попрощаться с вами.

— А я только собирался перейти к наиболее интересной части своего рассказа.

Замечание Квина, сопровождаемое широкой улыбкой, вынудило Хамфри отказаться от его намерения. Он снова сел.

— Ну, что же, хорошо. Так что еще вы видели во сне?

— Конни Кой действительно приехала в тот вечер на Центральный вокзал и взяла там такси. Вы ехали за нею до дома на 88-й улице.

— И у вас есть свидетели этого?

— Нет.

— Мой дорогой Квин!

— Во всяком случае — пока, мистер Хамфри.

— Видимо, мне все же следует выслушать до

конца эту сказку.

— Вы проследили за нею до ее квартиры, пробрались на крышу дома напротив, откуда прекрасно видно, что она делает, и как только обнаружили, что я ее настойчиво расспрашиваю, выстрелили и убили ее. Не перебивайте меня сейчас, — продолжал Квин. — Финнер был убит, так как обладал папкой с подборкой документов о настоящих родителях ребенка. Конни Кой была убита за то, что знала его отца. Только настоящему отцу ребенка, мистер Хамфри, было выгодно уничтожить бумаги и заставить Финнера и настоящую мать умолкнуть навсегда. Вы хладнокровно совершили эти два убийства для того, чтобы никто не узнал, что вы усыновили не чужого ребенка, а своего собственного.

Хамфри открыл боковой ящик письменного стола, и Джесси почувствовала, как у нее подпрыгнуло сердце. Квин вскинул руку, задержав ее на уровне средней пуговицы пиджака. Однако, когда миллионер снова откинулся на спинку кресла, Джесси увидела, что он достал всего лишь коробку с сигарами.

— Вы не возражаете, мисс Шервуд? Я курю редко... и только если опасаюсь потерять самообладание. — Он прикурил от платиновой

настольной зажигалки и долго смотрел на Ричарда Квина. — А знаете, мистер Квин, теперь это уже не просто старческий маразм, ибо вы превратились в опасного фанатика. Вы утверждаете, что я не только совершил два зверских убийства, но и сделал это для того, чтобы скрыть от всех, будто являюсь настоящим отцом усыновленного мною ребенка. Я даже не могу вообразить, какие еще более отвратительные преступления вы мне можете приписать, но хорошо помню, что вы с мисс Шервуд все время настаиваете, что Майкл был убит. Как же увязывается в вашем больном уме его якобы убийство с моими последующими преступлениями? Может быть, и собственного ребенка убил тоже я?

— По-моему, мысль об этом у вас появилась в ночь на четвертое июля, после того как Фрост сделал пьяную и бессмысленную попытку проникнуть в детскую, — спокойно ответил инспектор. — Вы никак не могли заранее знать, что у Фроста произойдет приступ аппендицита и он подвергнется срочной хирургической операции как раз в избранную вами ночь. Я думаю, что эту ночь вы выбрали только потому, что знали о предполагаемом отсутствии мисс Шервуд. Видимо, после того, как ваша жена уснула, вы умышленно накрыли

ребенка подушкой. Но в суматохе, возникшей, когда вернувшаяся мисс Шервуд обнаружила ребенка мертвым, вы заметили на наволочке предательский отпечаток руки и сразу же спрятали улику. Вот, мистер Хамфри, что я думаю.

— То есть что я — просто чудовище, равное которому трудно найти, — с угрозой в голосе сказал Хамфри. — Только чудовище убивает собственных детей, а, мистер Квин?

— Пожалуй, так можно сказать, если дети действительно собственные.

— Что-что? — удивленно спросил миллионер.

— Как только вы узнали, мистер Хамфри, о беременности Конни Кой, вы договорились с Финнером, что купите ребенка и усыновите его. Вы сделали это, так как хотели, чтобы ваш ребенок был у вас. Ну, а предположим, что потом вы вдруг заподозрили, что вас основательно одурачили? У вас могла мелькнуть мысль, что все эти хлопоты были предприняты, чтобы передать вашу фамилию ребенку, который вашим никогда не был!

Хамфри слушал молча.

— Вы принялись убеждать себя, что девушка могла иметь не одного любовника, а десяток. Можно даже предположить, что вы навели некоторые справки о прошлом Кой. Возможно, кто-то

сообщил вам, что одновременно с вами у нее были и другие возлюбленные. Вполне возможно, что у такого человека, как вы, с невероятно раздутым мнением о себе, любовь к ребенку могла превратиться в ненависть, и при удобном случае вы убили его.

Сигара Хамфри потухла. Он внезапно стал белым как полотно.

— Вон отсюда! — хрипло крикнул он. — Хотя нет, подождите. Может быть, вы, мистер Квин, соизволите проинформировать меня, от каких еще фантастических выдумок я должен буду защищаться в будущем? Судя по вашим словам, я завязал жалкую интрижку и стал отцом этого ребенка, затем убил его, Финнера и мать этого младенца. В доказательство этих кошмарных обвинений вы приводите всего два так называемых факта. Во-первых, что я нанял частного детектива для слежки за вами обоими в течение недели; я этого не отрицаю и объяснил, почему так поступил. Во-вторых, что меня якобы видели, когда я наблюдал на Центральном вокзале за чикагскими поездами, что я категорически отрицаю. Что вы еще можете сказать?

— Вы были в доме на острове Нэр в ночь убийства ребенка.

— Я был в доме на острове Нэр в ту ночь, когда произошел несчастный случай, окончившийся смертью ребенка, — спокойно и холодно поправил Квина миллионер. — Следователь в своем заключении по делу пришел к такому же выводу, и я лишь повторяю его формулировку. Что еще?

— Вам больше, чем кому-либо еще, нужно было заполучить папку Финнера и уничтожить ее,

— Я даже не знаю о существовании такой папки, — улыбнулся Хамфри. — Вы можете это доказать?

— Вы не в состоянии объяснить, где вы были в течение той половины дня, когда был убит Финнер.

— О своем предположении вы говорите, как о твердо установленном факте. Но если и допустить, что ваше предположение стало бы фактом, подобного алиби не смогут представить еще тысяч десять человек. Что еще, мистер Квин?

— У вас нет алиби для вечера, когда была убита Конни Кой.

— Могу лишь повторить то, что уже сказал. Что еще?

— Ну, что ж, мы продолжаем работать над вами, — протянул Квин. — Целая группа людей.

— Целая группа?

— Да, мистер Хамфри, бывшие полицейские, перешедшие на пенсию. Таким образом, вы теперь понимаете, вам было бы бессмысленно убивать мисс Шервуд и меня, хотя вы и пытались это сделать вечером в понедельник. Привлеченные мною люди осведомлены о деле во всех подробностях, но вы не знаете, кто они... Пошли, Джесси.

Направляясь к дверям, Джесси могла думать только о том, что вот-вот раздастся выстрел ей в спину. Однако ничего не произошло.

— Одну минуту!

Они обернулись. Миллионер вышел из-за письменного стола и подошел к ним.

Ричард Квин встал так, чтобы загородить собою дверь. Хамфри остановился в нескольких футах от своих посетителей, настолько близко, что Джесси могла слышать аромат лосьона, употребляемого им после бритья.

— А знаете, мистер Квин, — добродушно заметил Хамфри, — поразмыслив, я пришел к выводу, что у вас и ваших друзей-стариков нет абсолютно ничего.

— В таком случае, мистер Хамфри, вам абсолютно нечего опасаться.

— Следовательно, мы находимся в тупике, не так ли? Я не обращусь к полиции с просьбой за-

ставить вас перестать досаждать мне, ибо скорее уж предпочту, чтобы мне досаждали в частном порядке, а не публично. Вы не обратитесь в полицию со своими фантастическими вымыслами, ибо понимаете, что ваша активность в связи с этим может привести вас в тюрьму. Видимо, нам придется- терпеть друг друга... Да, кстати, пистолет вы носите под левой подмышкой, правда?

— Представьте себе, да. — Квин улыбнулся. — Я полагаю, что у вас есть разрешение на тот револьвер, который вы решили не вынимать из стола несколько минут назад.

— Ну, вот теперь ваша фантазия, мистер Квин, вновь стала нормальной, — ответно улыбнулся Хамфри.

— Вы знаете, Ричард, а ведь он однажды угрожал мне револьвером, — от испуга пискливо сообщила Джесси. — Это произошло в ту ночь, когда я вернулась из Нью-Йорка. Уже убедившись, кто я, он все равно держал меня под дулом пистолета. Я было подумала, что он хочет застрелить меня.

— Вероятно, мне следовало это сделать, — Хамфри так взглянул на Джесси, что у нее возникло желание бежать куда-нибудь сломя голову. — Я много думал о вас, мисс Шервуд, и теперь

понимаю, кто вы. Вы принадлежите к самой отвратительной категории людей — к тем, кто сует нос не в свои дела. Спокойной ночи.

В тот же вечер Квин заявил пяти старикам:

— Нам предстоит очень трудное дело. Он не глуп, и у него превосходные нервы. Мы не сможем напугать его и заставить сделать какую-нибудь нелепость. Как я уже говорил раньше, целесообразней всего, видимо, вести расследование от настоящего к прошлому. Мы обязаны найти данные о его связи с Конни Кой. До того как он ее бросил и она переехала в дом на 88-й улице, у них, несомненно, где-то было гнездышко. Возможно, нам удастся найти документы о взносах им квартирной платы или об оплате счетов родильного дома. Мы обязаны разыскать свидетелей, которые видели их вместе в ресторанах, ночных клубах, пансионах, мотелях...

Ричард Квин инструктировал своих внимательно слушавших приятелей до двух часов ночи. Джесси уснула, положив ему на плечо голову, и он не беспокоил ее.

Нью-Йорк возвращался к обычной жизни после уикэнда, совпавшего с праздником Дня труда. Как-то сразу наступила осень. Дети готовились к возвращению в школы. Универсальные ма-

газины были переполнены покупателями. Еще один тайфун прошел где-то стороной. Большие заголовки газет кричали о сенсационном ограблении банка в одном из пригородов Нью-Йорка. Сообщения о ходе следствия по делам об убийстве Финнера и Кой становились все короче, оттесняемые другими новостями.

За Элтоном Хамфри велась неотступная слежка, однако его действия никаких подозрений не вызывали. Он посещал дома друзей, балетные спектакли, канцелярию своих адвокатов, Фондовую биржу, Гарвардский клуб. У него гости не бывали.

Джонни Крипс предложил своим друзьям организовать подслушивание телефона Хамфри.

— Мы так далеко зашли, инспектор, что сейчас бессмысленно останавливаться на полпути.

Однако инспектор Квин отклонил это предложение:

— Он слишком хитер, Джонни, чтобы вести по телефону какие-то разговоры, которые могли бы его уличить. Да и, кроме того, с кем он может вообще вести подобные разговоры? Хамфри сейчас абсолютно ничего не предпринимает, а только внимательно следит за тем, что делаем мы... Удивительно, что он до сих пор не ездил в

Нью-Хейвен!

— Вероятно, он поддерживает связь с доктором Дуэйном по телефону, — предположила Джесси.

На лице Квина появилось выражение озабоченности.

Сообщения Анжело, Мэрфи и Джифина были обескураживающими, ибо если Хамфри в свое время и снимал квартиру для Конни Кой, найти ее они не могли. До переезда в дом на 88-й улице Кой проживала в пользовавшейся популярностью среди артистов гостинице в районе Сороковых улиц... Но среди ее жильцов не нашлось никого, кто мог бы опознать Хамфри по фотографии, которая предъявлялась им друзьями Квина. Ничего не дали и опросы обслуживающего персонала ночных клубов Нью-Йорка, в которых Кой выступала в августе и сентябре прошлого года, то есть когда забеременела.

— В то время она часто уезжала, — доложил Пит Анжело, — и, в частности, неделю гастролировала в Бостоне. В прошлом году чета Хамфри переехала из дома на острове Нэр в Массачусетс сразу же после Дня труда. Пожалуй, я съезжу в Бостон, инспектор.

— Хорошо, Пит, но будь очень осторожен. Не забывай, что там его знают значительно лучше,

чем здесь.

— В злачных местах? — Анжело хитро прищурился, отчего на лице у него появилось еще больше морщинок. — Если вам интересно мое мнение, здесь-то мы и можем что-нибудь выяснить: если человек побывал в таком заведении, его там знают. Не беспокойтесь обо мне, инспектор.

Спустя три дня Анжело возвратился.

— Ничего определенного, — доложил он. — В одном месте метрдотель сказал, что лицо ему кажется знакомым, но он не может вспомнить, где видел его. Кой у них выступала, но держалась замкнуто. Я не мог расспросить его подробней — он сам начал проявлять ко мне интерес. По его словам, «еще один детектив из Нью-Йорка» побывал у них и тоже наводил справки о Кой.

— Обычная процедура, — пробормотал инспектор, — от отчаяния, наверное. А детектив из Нью-Йорка показывал этому фрукту фотографию какого-нибудь мужчины, Пит?

— Он предъявлял только фотографию Кой и о каком-то определенном человеке ничего не упоминал. Нью-йоркская полиция по-прежнему конкретных данных не имеет. Будучи в Бостоне, — продолжал Анжело, — я наводил справки в

гостинице, где она останавливалась, в некоторых забегаловках и мотелях, но безрезультатно. Мне все же кажется, что встречались они или в самом Бостоне, или в окрестностях.

— Хамфри должен был встречаться с Кой в прошлом году в начале зимы, когда она возвратилась в Нью-Йорк, — заметил Мэрфи. — Но, несомненно, он был очень осторожен.

— Да, он предусмотрителен во всех своих поступках, — мрачно согласился Квин.

Слежку за Хамфри вели посменно Крипс и Полонский, но единственным результатом наблюдения пока что были натруженные ноги.

Четырнадцатого сентября Джесси объявила, что ей придется съездить в Роуэйтон, ибо на следующий день оканчивался срок, на который она сдавала на лето свой домик.

— Пожалуй, я поеду с вами, — внезапно объявил Квин.

— В этом, Ричард, нет никакой необходимости. Со мной ничего не произойдет, пока за Хамфри ведется круглосуточная слежка.

— Дело не в этом, Джесси. Я не могу понять, почему Хамфри так давно не был в санатории. Казалось бы, что коль скоро его жена так больна, ему следовало навещать ее хотя бы раз в неделю.

Мне придется как следует взяться за доктора Дуэйна.

— Я довезу вас до Нью-Хейвена.

— Вас могут там узнать, я бы предпочел не рисковать. Во всяком случае — сейчас. Ваши квартиранты уезжают завтра?

— Да, утром. Я уже говорила с ними по телефону.

— Тогда мы около полудня выедем в Коннектикут. Если вы не возражаете, я довезу вас до дома, а сам поеду в вашей машине в Нью-Хейвен. Эта поездка займет всего несколько часов.

... Джонни Крипсу, который вел слежку за Хамфри днем, Квин дал некоторые дополнительные указания. На следующий день утром Крипс зашел сообщить, что Хамфри за ленчем встречается с одним финансистом, а ближе к вечеру — с друзьями в клубе.

Ричард Квин нашел санаторий Дуэйна без всякого труда. Это было огромное белое здание в стиле эпохи войны за независимость, с очень высокой колоннадой, на холме в саду, среди тщательно ухоженных лужаек. Здание было окружено массивной каменной стеной, по верху которой торчали железные острия; около закрытых больших ворот виднелась сторожка.

— Извините меня, сэр, — заявил охранник с мрачным выражением лица, — но в наш санаторий можно попасть только с пропуском или по предварительной договоренности. Вам придется написать или заранее позвонить по телефону.

Квин небрежно блеснул полицейским значком.

— Скажите своему доктору Дуэйну, что инспектор полиции из Нью-Йорка просит принять его, и не на будущей неделе, а немедленно.

Минут через десять швейцар уже вел его через большую приемную, уставленную цветами, а затем по мраморной лестнице — к кабинету директора санатория.

Доктор Дуэйн ждал его около письменного стола своей секретарши. Это был высокий, внушительного вида человек с гвоздикой в петличке.

— Заходите, заходите, — с раздражением сказал он, показывая на открытую дверь кабинета. — Мисс Робертс, позаботьтесь, чтобы нам не мешали. — Он прошел вслед за Квином в кабинет и плотно прикрыл дверь. — Вы — инспектор...

— Квин.

Ричард Квин осмотрелся. Кабинет директора напоминал нечто из голливудских фильмов. В нем стояла массивная белая мебель и комнатные

цветы в огромных вазах, а в стены были вделаны аквариумы с тропическими рыбками.

— Я знаю, что вы очень заняты, и поэтому перейду сразу к делу. Я хочу переговорить с миссис Сарой Хамфри.

Доктор Дуэйн нахмурился. Он уселся за письменный стол и поправил кипу лежавших тут историй болезни.

— К сожалению, это невозможно.

— Это почему же, доктор? — удивился Квин.

— Больная сейчас не в состоянии принимать посетителей. Кроме того, у меня есть совершенно конкретные указания мистера Хамфри на этот счет.

— Не позволять его жене разговаривать с офицером полиции? — сухо спросил Квин.

— Я этого не сказал, инспектор. Обстоятельства, при которых миссис Хамфри оказалась у нас, — как я полагаю, известные вам, — делают вполне понятными такие пожелания мистера Хамфри. После поступления к нам миссис Хамфри ни с кем не встречалась, за исключением обслуживающего персонала и своего супруга.

— Как ее здоровье сейчас?

— Лучше. Наш прогноз дальнейшего течения ее болезни теперь значительно более оптимисти-

чен. Однако всякое волнение...

Доктор явно нервничал. Он без конца теребил свой галстук-бабочку, поправлял бумаги на столе и телефонный шнур.

— Да, между прочим, — что с ней?

— Послушайте, инспектор Квин, вы, конечно, не ожидаете, что я отвечу вам на такой вопрос? Если мистер Хамфри найдет нужным разговаривать о болезни жены, это его дело. Я же, как ее врач, — не могу.

Квин вынул небольшой черный блокнот и перелистал его. Дуэйн внимательно следил за ним.

— Ну-с, теперь о вашем телефонном звонке в субботу, двадцатого августа, в контору нью-йоркского адвоката по фамилии Финнер...

Доктор Дуэйн подскочил, словно через его стул пропустили электрический ток.

— Мой звонок?! — воскликнул он. — Почему вы так сказали?

— Потому, что это вы звонили.

— Ваши люди просто преследуют меня! Я же давно сказал этим детективам, что ничего не знаю о звонке человеку с такой фамилией.

— Да? Видно, кое-кто из ребят уже занимался этим вопросом, — пробормотал инспектор. — Когда вас об этом спрашивали, доктор Дуэйн?

— В конце августа. В процессе следствия об убийстве этого... Финнера, что ли, нью-йоркская полиция якобы установила, что кто-то отсюда говорил по телефону с канцелярией этого типа... Позвольте, разве вам неизвестно, что полицейские уже разговаривали со мной? — с внезапным подозрением спросил он.

— Конечно, известно, доктор, так же, как и то, что звонили именно вы.

— Докажите! — резко ответил Дуэйн. — Или пусть ваши люди это докажут! Я им сразу сказал тогда, что произошла какая-то ошибка. Больного по фамилии Финнер или кого-то, связанного с таким человеком, у нас никогда не было. В доказательство этого я предъявил все наши регистрационные документы и журналы. Вполне возможно, что звонил кто-то из нашего обслуживающего персонала, но все служащие это отрицают. Я могу допустить также, что кто-то из моих служащих все-таки звонил в Нью-Йорк и попал к Финнеру по ошибке...

— Пожалуй, в известной мере это и лучше, — задумчиво заметил Квин после возвращения в коттедж Джесси в Роуэйтоне. — Он, конечно, лжет, что не звонил Финнеру в день убийства, однако полицейские поверили ему. Единствен-

ная ниточка к Хамфри оказалась оборванной в самом начале.

— Вы еще и словечка не сказали, нравится ли вам мой домик, — пожаловалась Джесси, окруженная швабрами, мокрыми тряпками и ведрами.

— У вас домик, Джесси, как картинка... Так вот, о Дуэйне. Все его великосветское учреждение только на тайне и держится. Он не может позволить, чтобы его фамилия упоминалась в связи с делом о каком-то убийстве, и сейчас пытается защитить от возможных неприятностей не Хамфри, а себя. — Квин гневно посмотрел на свою чашку кофе.

— Уж эти мне люди!

— Какие?

— Да мои жильцы. В каком состоянии они оставили мой домик! До этого он был прямо игрушкой. Это не люди, а свиньи! Вы только посмотрите на эту грязь, Ричард!

— Уж коль скоро я оказался здесь, пожалуй, мне придется сейчас съездить и переговорить с Эйбом Перлом, — продолжал спокойно Квин.

— Да? Ну, а я за это время хотя бы немного наведу тут порядок.

— Я еще не встречал такую женщину, которая, увидев грязь в доме, могла думать о чем-то, кроме

уборки, — улыбнулся Квин. — Ладно, Джесси. Я поехал.

Эйб Перл так крепко потряс ему руку, что чуть не оторвал.

— Скажи же, ради бога, что вообще происходит! — взмолился он.

Когда Квин рассказал ему все, Эйб Перл покачал головой.

— А знаешь, Дик, до миссис Хамфри так же трудно добраться, как если бы она находилась в одиночном заключении. Ты тоже думаешь, что она совсем спятила и поэтому ее муж и врач не желают, чтобы ее кто-нибудь навещал?

— Нет, — ответил Квин. — Нет, Эйб, я этого не думаю. Все, что сегодня произошло в санатории, лишь укрепило мои подозрения.

— Какие именно?

— По-моему, Хамфри просто прячет жену от нас.

— Ничего не понимаю, — признался Эйб Перл.

— Хамфри поместил ее в такое место, где с ней никто не может переговорить. Ему хотелось бы, чтобы мы даже забыли о ее существовании. Он до смерти боится, что его жена может что-то рассказать нам.

— О нем? — недоуменно спросил Перл.

— И о нем и о ребенке. О двух других убийствах он вряд ли ей сказал. Если Элтон Хамфри не хочет, чтобы мы что-то знали, нам обязательно следует это узнать.

Наша задача состоит в том, чтобы добраться до Сары Хамфри...

Джесси пыталась было утверждать, что ей нужно по меньшей мере на неделю задержаться, чтобы привести дом в порядок, однако Квин убедил ее немедленно возвратиться в Нью-Йорк.

Здесь они застали расстроенных Хьюза Джифина и Эла Мэрфи. Джифин пощипывал кожу вокруг шрама, а Мерфи рассматривал тыльные стороны своих рук, покрытых рыжими волосами.

— Так вот, инспектор, в больнице мне ничего узнать не удалось. След ведет только к Финнеру и ни к кому больше. Однако Финнер не оплачивал счетов, а делала это Конни Кой из денег, которые он ей передавал наличными. Хамфри, видимо, держался от всего этого как можно дальше.

— Мэрфи, тебе повезло с таксистами?

— Нет, — уныло ответил бывший сержант. — Я должен был переговорить с каждым таксистом со стоянок вокруг Центрального вокзала, но это ничего не дало. Хамфри или перехватил проезжавшее мимо случайное такси, когда вы-

слеживал девушку, или воспользовался частной машиной.

Квин отрицательно покачал головой.

— Хамфри должен был чувствовать себя значительно безопасней в такси. Увидев, что Кой села у Центрального вокзала в такси, Хамфри мог взять другое, например на Медисон-авеню или на Лексингтон-авеню, доехать до какого-то места недалеко от дома Кой, а дальше пойти пешком. Возможно, что и после убийства он также ушел, изображая обычного пешехода.

Мэрфи подавленно смотрел на инспектора.

— Ну, ничего, — ободрил его Квин. — Будем продолжать.

Он похлопал друзей по плечу и отправил их по домам.

А Крипсу было сказано:

— Джонни, прекрати слежку за Хамфри. Пусть этим занимается один Пит Анжело.

— Вы увольняете меня, инспектор? — спросил Крипс, усиленно делая вид, что шутит.

— А тебе не хочется терять то большое жалованье, которое я плачу? — так же натянуто улыбнулся Квин. — Скажи, пожалуйста, тебя заметил кто-нибудь из полицейских, занимающихся этими делами?

— Думаю, что нет.

— Нам придется пойти на некоторый риск, потому что мы топчемся на месте. Я хочу, чтобы ты кое-что сделал: я бы занялся этим сам, но ты лучше подходишь для этого. Зайди в уголовную полицию, вроде бы просто повидать ребят.

— И навести там разговор на следствие по делам Кой и Финнера?

— Да, особенно на дело Кой. Выясни, что полиции удалось узнать. Только не слишком усердствуй, а то мне придется выручать тебя из тюрьмы.

О результатах этого визита Крипс сообщил на следующий день:

— Ни черта у полиции нет, инспектор. Единственной зацепкой по делу Финнера у них был телефонный звонок из Нью-Хейвена, но и тут Дуэйн их разочаровал. Они вначале было подумали, что он участвует вместе с Финнером в торговле детьми, однако после проверки он оказался чистеньким, как новорожденный. Полицейские посмотрели также все материалы из папок Финнера, но совершенно безрезультатно.

— Ну, а по делу Кой? — разочарованно спросил Квин.

— Верите ли, полиция не смогла найти хотя

бы единственного свидетеля, который что-либо заметил в вечер ее убийства. Между прочим, там тоже считают, что убийца пробрался по крышам соседних домов, потом сошел на землю и скрылся, вероятно, по Вест-Энд-авеню.

Инспектор принялся терзать свои усы.

— По делу Кой у полиции есть лишь пуля, извлеченная из ее тела, и две пули из стены. — Крипс пожал плечами. — Все три пули одного и того же калибра — тридцать восьмого.

— Питу удалось сегодня заглянуть в переписку по поводу выдачи Хамфри разрешения на хранение и ношение оружия, — сказал инспектор. — У него несколько револьверов, причем один из них — кольт «кобра» того же самого калибра. Однако можно почти наверное сказать, что этого пистолета у него уже нет: он бросил его в Гудзон в тот же вечер, когда застрелил Конни Кой.

— Ну и тип! — гневно воскликнул Крипс.

— Да, но откуда это вам известно? — спросила Джесси.

— Что он — тип?

— Нет, что он отделался от пистолета?

Два старика недоумевающе посмотрели на нее.

— Послушайте, Джесси, — сказал Квин. — Ведь

одного лишь обладания оружием, из которого была убита Конни Кой, вполне достаточно, чтобы привлечь владельца к ответственности по обвинению в убийстве. Хамфри не так глуп, чтобы хранить такую улику. Если бы этот пистолет попал в руки к нам или в полицию, баллистическая экспертиза опустила бы финальный занавес в деле Хамфри.

— Хитрые люди иногда настолько хитры, что могут перехитрить самих себя, — не сдавалась Джесси. — Возможно, он все еще хранит этот револьвер из простого упрямства или потому, что ему кажется — по вашему мнению, он этого не сделает. Мне думается, что он принадлежит к людям именно такого типа.

Бывший инспектор Квин и бывший лейтенант Крипс обменялись взглядами.

— Что ты думаешь, Джонни?

— А что мы теряем?

— Очень много, если нас схватят.

— Постараемся не допустить этого.

— И это может напугать его так, что он совершит какой-либо опрометчивый шаг, — с довольным видом проговорил Квин. — Я обязан был подумать об этом сам! Давай поговорим с Мэрфи, Джифиием и другими и послушаем, что

они скажут.

— О чем? — поинтересовалась Джесси. — Почему вы вообще разговариваете какими-то намеками?

Квин улыбнулся.

— Самый краткий путь — по прямой. Мы намерены совершить налет на апартаменты Хамфри.

Соответствующая возможность представилась дня через два. Каллэм отвез Элтона Хамфри в Ойстербей — кого-то навестить. Все горничные и служанки получили выходной вечер.

Квин и его друзья проникли в квартиру Хамфри — через кухню.

— Ничего не срывать и не ломать, — распорядился Квин. — Однако произвести самый тщательный обыск.

Результаты этого обыска оказались полностью отрицательными. Не удалось найти ни револьвера, ни любовных писем, ни каких-либо оплаченных счетов, имеющих отношение к Конни Кой, ни переписки с Финнером... Вообще ничего, что хоть как-то могло уличить Хамфри.

Часа в три ночи в квартире Квина раздался телефонный звонок.

— Мистер Крин? — послышался знакомый голос человека, говорившего несколько в нос.

— Да. — С Квина сон как рукой сняло.

— Вы меня разочаровываете.

— Вот как?

— Неужели вы действительно надеялись найти в моей квартире что-то такое, что могло бы подтвердить измышления вашей больной фантазии?

— Должен сказать, мистер Хамфри, что не понимаю, о чем вы вообще говорите.

— Да, да, разумеется, — с отвратительной насмешкой согласился Хамфри. — Вы можете подвести некоторые итоги после того, как к вам вернется память. Следите за мной, ройтесь в моей квартире и в моем прошлом — все это вам ничего не даст. Вы находитесь в жалком положении, мистер Квин. Вы думали о том, чтобы обратиться к хироманту?

Квин еще не успел положить трубку, как в ней раздались гудки отбоя.

В утренних газетах ничего не было о попытке ограбления на Парк-авеню.

Инспектор созвал своих друзей еще на одно совещание.

— Хамфри прав, — мрачно заявил он. — Все данные вам поручения аннулируются.

— Что-что? — изумилась Джесси.

— И слежка тоже? — спросил Гэс Полонский.

— Да. И слежка тоже.

Все пять стариков недоуменно смотрели на Квина.

— Мы попытались атаковать Хамфри там, где он лучше всего защищен, — продолжал старый инспектор, — только напрасно потратили время, деньги и подошвы ботинок. Он принял все меры к тому, чтобы не опасаться ничего в связи с Финнером и Кой, и ему теперь остается лишь сидеть сложа руки. Поэтому мы должны найти слабое место в его броне.

— А есть ли оно вообще? — с ожесточением спросила Джесси.

— Да, причем должно быть связано с тем, что произошло на острове Нэр в ночь на четвертое августа. Помните, что нам важно уличить Хамфри в убийстве, а в каком именно — дело второстепенное.

— Вы опять имеете в виду Сару Хамфри, Ричард?

— Мне следовало бы с самого начала не забывать о ней. Я убежден, что миссис Хамфри что-то знает, и Элтон Хамфри смертельно боится, что она может это разболтать. — Квин взглянул на Джесси. — Мы во что бы то ни стало должны получить

у нее эту информацию, а это означает, что нам нужно внедрить своего человека в санаторий.

— То есть — меня, — сказала Джесси.

Квин неловко пожал ей руку.

— Я не обратился бы к вам с такой просьбой, если бы видел какую-нибудь возможность иначе добыть эти сведения... Как, по-вашему, вы могли бы поступить на работу в санаторий Дуэйна в качестве медсестры?

Глава пятая
РАЗВЯЗКА

— Где же, наконец, эта особа? — сердито спросил Квин. — Она опаздывает уже на полчаса.

— Придет, придет, — успокаивающе ответила Джесси. — А вы разговариваете совсем не как помолвленный, а прямо-таки как законный супруг.

Квин покраснел.

— Что если я закажу еще по бокалу коктейля?

— Прекрасная мысль!

Инспектор поспешно подозвал официантку.

Джесси чувствовала, как ее охватывает теплота, и это объяснялось не только действием коктейля. Именно Квин предложил, чтобы они сказались помолвленными. По его мнению, это было хорошим поводом для приглашения «посидеть вместе».

— Доктор Дуэйн видел вас на острове Нэр в тот вечер, когда приезжал за миссис Хамфри, — упрямо твердил инспектор. — Мне лучше пойти с вами вместе на это свидание.

— Он едва удостоил меня взглядом, — возражала Джесси. — Доктора вообще замечают

медсестер, только если они молоды и красивы.

— Значит, он тщательно вас рассмотрел.

Разумеется, речь шла не об этом ленче. Приятельница Джесси, Элизабет Кэрри, несколько лет работала в санатории доктора Дуэйна. Джесси пригласила ее на ленч, чтобы попытаться устроиться через нее на работу в санаторий. Это была идея самой Джесси. Квин, однако, настоял на том, чтобы и он принял участие в этом ленче. («Я хочу, Джесси, сам прозондировать обстановку. Возможно, я еще откажусь от этой идеи. В конце концов, попав, в санаторий, вы будете полностью изолированы от меня...»)

Элизабет Кэрри оказалась высокой шотландкой с седыми волосами, острым, сухим подбородком и пронзительными глазами.

— Так это и есть твой милый, Джесси? Дайте-ка мне взглянуть на вас! Ммм... да! Положим, он выглядит немного старше, чем я думала. Но ничего... Как это замечательно, что люди вашего возраста все же смогли найти друг друга, когда, казалось бы, уже никакой надежды не осталось, ха-ха-ха! Как тебе это удалось, Джесси?

— Как в таких случаях говорят: любовь с первого взгляда, — с улыбкой ответила Джесси. — Не так ли... милый?

— Да, да, конечно, — смутился Квин. — Как насчет коктейля, мисс Кэрри?

— Пожалуйста, покрепче и побольше!

— Крепкий коктейль, — распорядился Квин, когда к ним подошла официантка. — Может быть, закажем сразу и еду?

Прошел час, и Квин — под столом, в отчаянии — слегка толкнул Джесси.

— А ты знаешь, Элизабет, — продолжала Джесси, толкнув Квина в ответ, — вообще-то говоря наши планы еще не совсем определились. Фирма Ричарда на несколько месяцев посылает его за границу, и, видимо, мы сможем... пожениться только после его возвращения.

— Ну и очень глупо! — заявила приятельница Джесси. — Ты будешь дурой, если вы не поженитесь сейчас же и не поедете вместе.

— Видите ли... нам не позволяют средства, — поспешно вмешался Квин. — Вот Джесси и приходится сейчас, подыскивать для себя какое-то место, где она могла бы поработать это время...

— И ты знаешь, Элизабет, мне страшно не хочется обслуживать больного дома. Лучше поступить на службу в какое-нибудь лечебное заведение.

— Да ты с ума сошла! — воскликнула Кэрри.

— Элизабет, ты знаешь, какая мысль мне

пришла в голову?! Как, по-твоему, для меня не найдется места в санатории Дуэйна?

— Вакансия там всегда найдется, потому что люди у нас не задерживаются. Но я по-прежнему утверждаю, что ты спятила, Джесси!

— Но ты могла бы навести для меня справки? Завтра же с утра? Я буду так благодарна тебе!

— Да я сама переговорю с доктором Дуэйном... — Приятельница Джесси захихикала. — А вы знаете, я, кажется, напилась... Ты не беспокойся, я все для тебя устрою. Но ты все же дура.

— Возможно, Элизабет и права, — задумчиво сказал Ричард Квин. — Что у вас за санаторий, мисс Кэрри? Мне совсем бы не хотелось, чтобы Джесси влипла...

— Именно это она и делает, — доверительно сообщила Кэрри. — Конечно, у нас заведение аристократическое и все такое, но это самая настоящая тюрьма, вот что. Пациенты же там... Брр!

— Очень больные, да?

— Какие там больные! Банда богатых ипохондриков, во всяком случае — большинство. Любую няньку сделают алкоголиком... Да, кстати, милый мой человек, может, вы закажете мне еще бокал коктейля?

— Лучше не нужно, Элизабет, — сказала Джесси. — Так вот, о пациентах. У вас там бывают и довольно известные люди, правда?

— Мерзкие богатые бездельники. Можно мне еще...

— По-моему, именно в санаторий Дуэйна направили ту богатую великосветскую даму... забыла ее фамилию. Ты, Элизабет, наверное, помнишь — она жила где-то здесь по соседству, и у нее произошла трагедия с крохотным ребенком, который задохся в кроватке. Это случилось, кажется, в прошлом месяце.

— А-а! Миссис Хамфри, да?

— Да, да, она! — подтвердила Джесси и тут же подумала, что если Кэрри вспомнит шумиху в газете, все пропало. Она нерешительно взглянула на Квина, однако он кивнул ей, давая знак продолжать разговор. — Что с ней такое? Расстройство нервной системы или что-нибудь еще?

— - Да, она совершенно потеряла контроль над собой, — презрительно качая головой, сообщила Кэрри. — Врачи называют это «сильное нервное потрясение в результате тяжелой утраты». Я, конечно, понимаю, что она перенесла трагедию, но как тут вокруг нее носились!

— Носились? — удивился Ричард Квин. — Мисс

Кэрри, вы сказали: «носились»?

— Да, а что? — недоуменно спросила Кэрри.

— Но разве с нею не носятся до сих пор?

— Нет, милый вы мой человек.

— Это почему же? — спросила Джесси, опасаясь даже взглянуть на Квина. — Ты так говоришь, Элизабет, словно ее уже нет у вас в санатории.

— Конечно, нет. В прошлую пятницу, утром, две здоровенные санитарки увезли ее от нас в крытом большом автомобиле. Доктор Дуэйн был так рад наконец отделаться от нее.

— Интересно, куда же ее увезли?

— Никто не знает, это держится в большом секрете. Да и кому это интересно?.. Ричард... Ведь мне можно вас так называть, правда? Ричард, я хочу выпить еще малюсенькую рюмочку. Какой он у тебя милый, Джесси...

Дело шло уже к вечеру, когда они с трудом отделались от Элизабет Кэрри, совершенно сбитой с толку внезапным решением Джесси даже не пытаться устроиться на работу в санаторий.

Квин был прямо-таки взбешен:

— Утром в прошлую пятницу! А я был там в четверг и расспрашивал о ней. Дуэйн, должно быть, позвонил Хамфри по телефону (или Хамфри позвонил ему), сообщил о моем визите — и вот

вам, пожалуйста! Уже на следующее утро Хамфри увез ее.

— Ричард, но за ним же велась слежка.

— Сам он и не ездил. Слышите, не ездил. — Он свирепо посигналил какому-то копуше-водителю, едва тащившемуся впереди. — Хамфри обо всем договорился по телефону, и кто-то увез ее в новое укромное местечко. А хитер он, Джесси! Хитер и энергичен!

Джесси спросила:

— Что вы теперь будете делать?

— Кто знает? Возможно, пройдет несколько месяцев, прежде чем мы сможем найти ее, — если вообще найдем.

Он долго молча смотрел перед собой.

Они проехали несколько миль, пока Джесси решила дотронуться до его руки.

— Ричард...

— Да?

— Почему бы нам не отказаться от нашей затеи?

— Ни в коем случае!

— Но она же безнадежна.

К удивлению Джесси, Квин улыбнулся.

— Может быть, и нет.

— Что вы имеете в виду?

— Этот раунд он, конечно, выиграл. И тем не менее нам все же удалось узнать кое-что об Элтоне К. Хамфри.

— Да?

— История с поспешным переводом его жены в другое место только подтверждает мое глубокое убеждение, что слабым местом в цепи всех хитросплетений Хамфри является убийство ребенка. Кроме того, нам удалось выяснить и еще одно обстоятельство. Мы можем добраться до Хамфри, если вынудим его что-то предпринять. Если бы мы только могли захватить Хамфри врасплох, заставить его потерять самообладание... Словом, дайте мне тщательно все обдумать.

Почему-то Джесси при этом не испытала какого-либо восторга. Ей пришло на ум название старой книги Роберта Бенчли «Что же после 1903 года?», и она, задав себе вопрос: «Что же после Элтона Хамфри?», устало опустила голову и закрыла глаза...

Открыла она их только тогда, когда слева от нее показались ажурные пролеты моста Джорджа Вашингтона.

— Я, видимо, задремала, — проговорила она.

— И выглядели во сне, как цыпленок, — изменившимся голосом добавил Квин.

Джесси сделала гримасу и выпрямилась на сиденье.

— Довольно старенький, к сожалению.

— Джесси...

— Да, Ричард?

— Вы не находите, что в Стэмфорде мы оба чувствовали себя как-то странно?

— Это когда Элизабет сказала, что Сару Хамфри тихонько увезли в другое место? Мне просто сделалось страшно.

— Да нет, я говорю о том, как мы с вами выдавали себя за помолвленных. — Квин сильно покраснел.

Джесси некоторое время смотрела прямо перед собой.

— Ничего страшного я не испытывала, — наконец холодно ответила она. — Мне показалось, что все было очень мило.

— Видите ли...

«Да ну, говори же! — подумала Джесси. — Говори!»

Действительно, спустя некоторое время Ричард Квин заговорил... о новом разработанном плане.

— Вот туда, Джесси, — показал Квин.

Был вечер среды двадцать восьмого сентября.

Джесси повернула машину на подъездную

дорожку к дому семейства Перл и выключила мотор. Перлы жили в одной из тихих улочек Таугуса, в стареньком деревянном домике, стоявшем в тени густой жимолости и скрытом ковром глицинии. На лужайках у дома высились огромные клены; на старомодной открытой веранде стояли два кресла-качалки и детские качели.

Квин вышел из машины и вынул из нее большой плоский квадратный сверток, обращаясь с ним так, словно в нем были яйца.

Джесси смотрела на дом.

— Какое чудесное место для жизни вдвоем!

— А вот Эйб утверждает, что для двоих он слишком велик.

— Я уверена, что миссис Перл думает иначе.

— Вы правы, — засмеялся Квин. — Для Бекки этот дом — святыня, так как здесь родились и выросли ее дети. Не так давно Эйб купил маленькую дачку на побережье, но всякий раз ему с большим трудом удается уговорить Бекки поехать туда на лето. И когда они в сентябре заколачивают дачу и возвращаются сюда, она делает это с радостью и облегчением.

Джесси только вздохнула. Она вышла из машины, и они поднялись на террасу. Ричард Квин осторожно нес сверток.

Дверь распахнулась еще до его звонка.

— Ричард, Джесси! — воскликнула Бекки Перл, горячо обнимая их. — Дайте-ка взглянуть на вас... Эйб, да они оба просто цветут! Ты видел когда-нибудь, чтобы люди могли так измениться за такое короткое время?

— Да уйди ты с дороги и дай им пройти, — проворчал ее муж. — Я совершенно не понимаю, почему ты не разрешила мне сразу открыть им дверь.

Миссис Перл так взглянула на своего супруга, что тот прикусил язык.

— Давайте сюда вещи, Джесси. Конечно, Эйбу нужно было настоять, чтобы вы приехали к нам до обеда. Он так глуп в некоторых вопросах!

Бекки ушла с Джесси, а Эйб провел своего друга в гостиную.

— Я уже перестал надеяться, что ты когда-нибудь приедешь. Что тебя задержало, Дик?

— Дневной свет. — И инспектор все так же осторожно положил свой сверток на обеденный стол. — Ты не возражаешь, если я закрою шторы?

— Ты разводишь такую таинственность! В чем дело? — Перл не сводил глаз со свертка.

— Давай подождем наших дам.

Квин тщательно прикрыл все шторы и занаве-

си, а потом подошел к столу и стал около него.

Оживленно болтая, вошли женщины. Однако, увидев выражение лица старого инспектора, Бекки Перл умолкла и уселась на стул в углу. Здесь же расположилась Джесси и сложила руки на коленях.

— Эйб, — заговорил инспектор Квин, — что ты скажешь, если я сообщу тебе, что нам в конце концов все же удалось найти неопровержимые доказательства, изобличающие Элтона Хамфри?

Начальник полиции Таугуса перевел взгляд с Квина снова на сверток.

— И они находятся в этом свертке?

— Да.

— Следовательно, все опять возвратилось ко мне. — задумчиво сказал Перл. — Давай взглянем.

Инспектор осторожно развязал бечевку и снял плотную обертку, а потом отступил в сторону.

— Боже мой, Дик! — воскликнул Перл.

Между двумя кусками толстого стекла была проложена наволочка, украшенная по краям кружевами; на ней были заметны следы складок, словно ее нашли скомканную, а потом пытались разгладить. Наволочка была сшита из дорогой материи, и кружева на ней стоили очень дорого.

На наволочке явственно и неприятно выделялся отпечаток грязной мужской руки — хотя и несколько размазанный, но все же достаточно хорошо видный. Он находился почти в центре — след правой руки без верхней фаланги мизинца.

— Где вы это нашли? — требовательно спросил Эйб Перл.

— Как это тебе нравится, Эйб?

— Нравится? — Перл склонился над стеклом, озабоченно рассматривая наволочку. — Один этот изуродованный мизинец чего стоит! Я представляю, что скажет Меррик, когда увидит.

— По-моему, Эйб, тебе следует извиниться перед Джесси, а? — улыбался Ричард Квин.

— Конечно, конечно, мисс Шервуд! Нет, но я хочу видеть лицо Хамфри, когда он взглянет на наволочку! — ликующе воскликнул Эйб Перл. — Но ты, Дик, до сих пор не сказал мне, как ты это добыл.

— Очень просто. Мы сделали ее сами, — спокойно ответил Квин.

Перл от изумления раскрыл рот.

— Это самая настоящая подделка, Эйб, и, надо думать, хорошая, раз она произвела на тебя такое впечатление. Если нам удалось провести тебя, мы так же обманем и Хамфри.

— Нет, но подделка...

— Мы потратили целую неделю. Джесси обошла в Нью-Йорке сотню магазинов, прежде чем нашла точно такую же наволочку, как та... Джесси, я опять забыл, как называется это кружево?

— Хонитоновое. Наволочка же сделана из батиста. — Джесси взглянула на начальника полиции Таугуса. — Разумеется, мистер Перл, вы можете теперь взять свое извинение обратно.

Перл нетерпеливо махнул рукой.

— Рассказывай дальше, Дик.

— Один из моих приятелей — Пит Анжело — отправился в Бостон. У Хамфри изуродован мизинец, и мы решили, что он шьет себе перчатки на заказ. Наше предположение подтвердилось: Пит нашел его перчаточника. У него оказалась пара перчаток, сделанных для Хамфри, но не понравившихся ему. Потом мы обратились к Вилли Кунтцмену — в свое время одному из лучших специалистов нашей технической лаборатории, — Квин улыбнулся, — а сейчас, конечно, пенсионеру, и он поработал на славу. Он сделал слепок правой руки Хамфри из пластмассы или из чего-то еще очень похожего на вид и на ощупь на кожу живого человека. Джесси описала виденный ею отпечаток. Вилли принялся за наволочку — и

результаты его работы налицо!..

— Тебе не кажется, что ты идешь на риск?

Квин спокойно взглянул в глаза другу.

— Я готов к этому и хочу надеяться, что ты — тоже.

— Ты хочешь, чтобы я предъявил это Хамфри?

— Я хочу, чтобы ты проделал некоторую предварительную работу.

Перл задумался.

— Видишь ли, абсолютной необходимости в этом нет, в крайнем случае я могу справиться сам. Однако было бы гораздо эффективней, если бы начал ты. Преступление совершено на территории, находящейся в твоем ведении. Вполне естественно, если наволочку обнаружишь ты.

— Где?

— Нет никакой необходимости сообщать Хамфри, где; да он даже не подумает задать такой вопрос. Стоит ему только увидеть наволочку и он потеряет самообладание.

- Знаешь, Дик, это палка о двух концах, — медленно сказал Перл. — Ну, хорошо, Хамфри оставил на подушке отпечаток правой руки и отделался от наволочки прежде, чем подоспели мы. Но как? Мы скажем, что наволочка нашлась. Ведь Хамфри-то знает, что он с ней сделал. Может быть, он

изрезал ее на мелкие куски и спустил в унитаз, а мы предъявим ее целенькую? Или просто сжег, а мы покажем ее ему? — Эйб Перл покачал головой. — Нет, этот трюк не годится. Он сразу же поймет, что мы морочим ему голову.

— Не думаю, Эйб, — спокойно возразил инспектор. — Я не был согласен с тобой и Мерриком в тот вечер. Маловероятно, чтобы Хамфри сжег наволочку, так как та августовская ночь была очень жаркой и камин не топился. Резать наволочку на куски тем более не требовалось. Она сшита из такого тонкого материала, что ее легко скомкать в маленький шарик. В таком виде он, конечно, мог спустить ее целехонькой в унитаз. Человек, только что убивший ребенка и понимающий, что сейчас к нему нагрянет полиция, — что бы там у него ни текло в жилах вместо крови — вряд ли начнет размышлять, как надежнее всего отделаться от такой улики. Я уверен, что в то время Хамфри думал только об одном: как бы сделать это побыстрее и попроще. Конечно, мой план связан с определенным риском. Однако, как мне представляется, мы имеем шансы на успех. Но, если ты не хочешь рисковать...

— Не говори глупостей, Дик! Разве в этом дело? — И Перл принялся щипать свою толстую ниж-

нюю губу.

Квин молча ждал.

— Дело в том, Эйб, — послышался насмешливый голос Бекки Перл, — что ты, конечно, думаешь обо мне.

— Ну знаешь, Бекки, — крикнул Перл, — хоть ты-то оставь меня в покое!

— Или, может быть, я заблуждаюсь, и ты думаешь только о себе и о своей работе?

— Бекки! — заорал ее супруг.

— Беда в том, дорогой, что в Таугусе ты уже начал прокисать. Работа здесь совсем не беспокойная, ты раздобрел, растолстел и распустился.

— Бекки, ты можешь не лезть в чужие дела?

— Как ты себя почувствовал, если бы убили не того маленького мальчика, а Донни или Лоренса?

- Да что ты мне суешь в нос моих внучат! — Эйб Перл с такой силой бросился в мягкое кресло, что пол в комнате заходил ходуном. — Ну хорошо, Дик! Выкладывай свой план.

На следующее утро две полицейские машины промчались по дамбе на острове Нэр и подкатили к особняку Хамфри. Из машины выскочили восемь детективов и полицейских из Таугуса во главе с Перлом.

Садовник-сторож Столлингс, стоя на коленях посреди клумбы, сажал луковицы.

— Опять что-нибудь произошло, начальник?

— Тебя это не касается, Столлингс, — сердито ответил Перл. — Занимайся своим делом. Борчер, ты вместе с Тинни займешься домом. Все остальные расходятся по усадьбе и тщательно ее обыскивают; все знают, что мы ищем. Один из вас отправится на пляж и будет присматривать за землечерпалкой, на случай, если там окажется то, что нам нужно.

— Минуточку, — взволнованно сказал Столлингс, видя, что полицейские расходятся по усадьбе. — Я отвечаю тут за все, начальник. Что вы затеваете?

— Мы делаем обыск, — рявкнул Перл. — Не мешай!

— Послушайте, мистер Перл, но у меня же есть указания мистера Хамфри... Он запретил мне пускать сюда полицейских и репортеров!

— Да? А ты, мой друг, когда-нибудь слыхал о такой штуке, как ордер на обыск?

— Ордер на обыск? — растерянно замигал Столлингс.

Перл помахал у старика под носом бумагой, похожей на официальный документ. Он тут же

спрятал ее в карман, отвернулся и крикнул своим людям:

— Приступайте!

Столлингс остался внизу, а Перл вслед за двумя детективами прошел в кабинет Хамфри.

Как только полицейские скрылись из виду, Столлингс через черный вход прокрался в дом, тихо закрыл за собой дверь. Из буфетной кладовой, где стоял параллельный телефон, он попросил телефонистку на станции в Таугусе соединить его с квартирой в Нью-Йорке.

— Квартира Хамфри, — послышался голос миссис Ленихэн, говорившей все еще с ирландским акцентом.

— Ленихэн, — тихо сказал Столлингс, — его барское величество у себя?

— Кто это?

— Столлингс. Мне нужно обязательно переговорить с мистером Хамфри. Слетай-ка к нему одним духом.

— Что ты там еще затеял, старый дурак? — рассердилась экономка. — Опять нализался в стельку? Мистера Хамфри нет дома.

— А где он?

— Не знаю. Он велел Генри приготовить машину, и утром они уехали. — Миссис Ленихэн

заговорила почти шепотом: — У вас там что-нибудь произошло?

— В доме полным-полно полицейских. Приехал начальник полиции Перл с ордером на обыск... Может быть, ты все же догадываешься, куда они поехали?

— Боже милосердный! — испуганно прошептала миссис Ленихэн. — Нет, я ничего не знаю. Чего же они там ищут?

— Откуда мне знать? — возмущенно ответил Столлингс. — Во всяком случае, я свое дело сделал.

Он положил трубку и отправился к своим цветам.

Эйб Перл в кабинете Элтона Хамфри тоже положил трубку, но сделал это очень осторожно.

В тот же день после двух часов Столлингс снова позвонил миссис Ленихэн. На этот раз он говорил волнуясь:

— Ленихэн, мистер Хамфри вернулся?

— Пока нет. Какие новости?

— Полицейские только что уехали.

— Ну и хорошо.

— Пожалуй, не очень, — медленно сказал Столлингс. — Пожалуй, не очень, моя хорошая миссис Ленихэн.

— Что-что? Ты — и этот замогильный голос! Что они там делали? Что они сказали?

— Ничего. Они ничего не хотели мне сказать. Однако господин начальник Перл шлепнул меня по спине, и знаешь, что он мне сказал?

— Что?

— «Столлингс, — сказал он, — у меня есть такое странное предчувствие, что тебе скоро придется искать новую работу». Вот что он мне сказал!

— Не может быть! — чуть не задохнувшись от удивления, воскликнула экономка.

— Так дословно он мне и заявил, Ленихэн.

— Но что бы это могло значить?

— Не знаю. Только мне это совсем не нравится... Сделай так, чтобы мистер Хамфри позвонил мне сразу же, как только вернется домой!

... Эйб Перл начал звонить на квартиру Хамфри из своего кабинета в Таугусе вскоре после трех часов дня; затем он позвонил в половине четвертого и в четыре.

На его звонок в четверть пятого миссис Ленихэн ответила визгливым от волнения голосом:

— Нет, он еще не вернулся, господин начальник. Я же сказала, что доложу ему сразу же после его возвращения. Боже милосердный!

— Не вздумайте забыть, миссис Ленихэн! —

рявкнул Перл.

Он положил трубку и заметил:

— Ну, что же. Будем надеяться, что все это возымеет свое действие.

— Обязательно, Эйб, — уверенно сказал Ричард Квин.

Было уже почти шесть часов вечера, когда Эйб Перл прикрыл трубку рукой и бросил:

— Звонит!

Ричард Квин выбежал в приемную, где телефонистка передала ему наушники. Он быстро надел их и через открытую дверь жестом показал, что готов слушать.

Перл снял руку с трубки и сурово приказал:

— Фил, соедините со мной Хамфри.

— Мистер Перл? — сразу же послышался в трубке сердитый голос Элтона Хамфри.

— В конце концов вам все же передали, что я звонил, мистер Хамфри, — холодно заметил Перл.

— Я только что возвратился. Могу я знать, что за чертовщина происходит сегодня? Моя экономка в слезах. Столлингс несет какую-то чушь о полицейском налете на мою усадьбу...

— Вы уже переговорили со Столлингсом?

— Конечно, я уже переговорил со Столлингсом.

Он тоже звонит мне целый день. Скажите, кто сошел с ума — он или вы?

— Я бы предпочел не разговаривать об этом по телефону.

— Да?! По какому праву вы вторгаетесь на мою усадьбу, нарушаете мой покой, шарите в моем доме, топчете мои цветы, пригоняете землечерпалку к моему берегу? По какому праву, мистер Перл, спрашиваю я вас?! — с нарастающей яростью кричал миллионер.

— По праву офицера полиции, ведущего расследование но делу об убийстве и занятого поисками доказательств.

— По делу об убийстве? Разве вы не помните, мистер Перл, что это дело окончено? Вы же сами об этом объявили.

— Дело об убийстве не может считаться законченным, пока не будет найден преступник.

— Никакого дела об убийстве нет. Произошел трагический несчастный случай.

— Произошло убийство, мистер Хамфри, и теперь мы располагаем доказательством этого.

Наступила пауза. Прошло некоторое время, пока миллионер заговорил снова, но уже совсем иным тоном.

— Вы сказали — доказательство? Какое имен-

но?

— Я буду признателен, если вы сейчас же приедете в Таугус, в полицию, мистер Хамфри. Сейчас же.

— Сейчас же?! Никуда я не поеду, пока не получу более подробной информации. Какое именно доказательство?

Перл взглянул на Ричарда Квина, сидевшего в прихожей, и тот кивнул.

— Видите ли, это нечто такое, — продолжал Перл, — что нам вообще не следовало бы прекращать искать.

— Понимаю, — после некоторой паузы сказал Хамфри. — Между прочим, не имеете ли вы в виду ту наволочку, о которой все время болтает эта Шервуд?

Начальник полиции снова посмотрел на Квина, который на этот раз заколебался, но затем мрачно нахмурился и опять кивнул.

— Да, — ответил Перл.

— Вы ее нашли? — с ожесточением, удивившим Перла, спросил Хамфри.

— Я больше ничего не могу сказать вам по телефону. Вы приедете сюда, мистер Хамфри, для продолжения нашего разговора — или же?.. — Перл умышленно, но многозначительно не

закончил фразу.

Некоторое время телефон молчал.

— Ну хорошо, — наконец ответил Хамфри. — Я буду через час.

Сразу же после отбоя Ричард Квин сорвал с себя наушники и вбежал в кабинет Эйба Перла.

— Теперь убежден?! — торжествующе воскликнул он. — Ты слышал, как он спросил, нашли ли мы ее! Он никогда бы так не спросил, если бы знал, что наволочку невозможно найти. Распорядись немедленно приготовить магнитофон и сам проверь, чтобы микрофон установили в таком месте, где он его не сможет заметить... Я же говорю тебе, Эйб, что мы добрались до него!

— ... Мне нужно к вашему начальнику, — заявил Элтон Хамфри.

— Фамилия? — спросил дежурный, не отрывая глаз от бумаги, на которой что-то писал.

— Элтон К. Хамфри.

Полицейский взглянул на посетителя.

— Хамфри? — строго переспросил он, но тут же встал. — Прошу садиться.

— Ничего, я постою.

— Как угодно.

Дежурный вышел из комнаты.

Миллионер осмотрелся. Он был очень бледен.

В комнате находились несколько полицейских, сменившихся с постов, и два детектива в штатском. Все они внимательно смотрели на Хамфри. Он еще больше побледнел, отвернулся и принялся поправлять воротничок.

Из холла вышел солидный, плотный Перл.

— Видите, господин начальник, — сказал Элтон Хамфри, — как быстро я приехал.

Он, видимо, нервничал, но старался говорить дружеским тоном.

— Рейнольдс, подмените дежурного на время, так как Гаррису придется стенографировать, — распорядился Перл. — Я занят, и меня не беспокоить, даже если произойдет столпотворение.

— Слушаюсь, сэр, — ответил один из полицейских и занял место за столом дежурного.

— Сюда, мистер Хамфри, — пригласил Перл.

Элтон Хамфри пошел в том направлении, куда ему указал начальник полиции. Казалось, что он не только нервничает, но и озадачен.

Два детектива, сидевших в комнате дежурного, встали и неторопливо пошли вслед за ним. Хамфри исподтишка бросил на них быстрый взгляд.

— Вон в ту дверь в конце холла, — показал Перл.

В сопровождении Перла и двух детективов

Хамфри пересек холл, но у двери заколебался.

— Заходите и садитесь, мистер Хамфри. Я — сейчас.

Перл отвернулся и тихо заговорил о чем-то со своими детективами.

Хамфри нерешительно вошел в кабинет Перла. Полицейский, до этого дежуривший в приемной, сейчас стоял у окна, затачивая карандаш на машинке. На стуле рядом с большим вращающимся креслом начальника полиции Таугуса лежала тетрадь для стенографирования. Полицейский взглянул на Хамфри, подошел к стулу, взял тетрадь, раскрыл ее в ожидании и сел.

В кабинете был еще один стул — явно неудобный с прямой спинкой. Миллионер заколебался, но затем опустился на него.

Вскоре в кабинете появился Перл, обошел вокруг стола и тоже сел. Хамфри искоса взглянул на дверь, на матовом стекле которой виднелись силуэты детективов, оставшихся в холле.

— Вы все обставили весьма внушительно, мистер Перл, — улыбаясь, заметил Хамфри. — Можно подумать, что вы намереваетесь меня арестовать.

Вращающееся кресло заскрипело, ибо Перл, сердито хмурясь, откинулся на спинку.

- Мне, вероятно, следовало прийти к вам с адвокатом, — все в том же шутливом тоне продолжал Хамфри.

— Сегодня адвокат вам ничем не сможет помочь. Сейчас мы вам кое-что предъявим и послушаем ваше объяснение. Затем вы можете приглашать хоть десять адвокатов.

— Предъявите мне? — спросил Хамфри. — Наволочку, мистер Перл?

Перл встал, подошел к двери, распахнул ее и сказал:

— Дик!

Хамфри привстал.

Ричард Квин вошел в кабинет со свертком в коричневой бумаге.

— - Квин! — воскликнул Хамфри, переводя взгляд с лица старого инспектора на коричневый сверток и обратно.

— И вы, мисс Шервуд, — проворчал Перл.

Вошла Джесси.

— Мне следовало бы этого ожидать, — вставая, медленно проговорил Хамфри. — Мне следовало бы этого ожидать!

— Ну, а теперь, Дик, командуй ты. — Перл взглянул на стенографиста. — Гаррис, начинайте стенографировать.

Остро заточенный карандаш застыл в готовности.

— Если ты не возражаешь, Эйб, я положу это на твой стол.

Инспектор действительно положил сверток на стол, развязал бечевку, но не снял ее. Хамфри не мог оторвать глаз от коричневой бумаги. Квин выпрямился и посмотрел Хамфри в глаза.

— Это исключительно серьезное вещественное доказательство, мистер Хамфри. Вы очень не хотели, чтобы мы его нашли, и это не удивительно.

Хамфри как-то сжался и напрягся, словно готовясь к прыжку. Он все еще не сводил взгляда с коричневого свертка.

— Тут все, — продолжал Ричард Квин. — Эта улика не только полностью опровергает заключение следователя о смерти в результате несчастного случая, но и доказывает, что Майкл Стайлс Хамфри был умышленно убит, как мисс Шервуд все время настойчиво утверждала. Но и это еще не все, мистер Хамфри. Эта улика не только доказывает, что ребенок был убит, но и прямо указывает на убийцу.

Квин быстро повернулся и сорвал бумагу со стекла.

— Мисс Шервуд, — быстро сказал он, — порядка

ради и для внесения в протокол, я хочу, чтобы вы опознали эту наволочку. Это та самая наволочка с подушки, которую вы видели на лице и груди Майкла Стайлса Хамфри вечером первого августа, когда обнаружили его мертвым?

Джесси подошла к столу.

— Да, та самая, — напряженно ответила она и вернулась на свое место.

Хамфри вздрогнул. Его бледность перешла в желтизну. Медленными, подпрыгивающими шагами он обошел вокруг письменного стола и уставился на закрытую стеклом наволочку.

— А вы были убеждены, что мы ни за что не найдем ее, правда? — мягко спросил Квин. — На ней есть отпечаток руки — в свое время его видела мисс Шервуд. Как вы можете убедиться, мистер Хамфри, это не просто отпечаток правой руки. Это отпечаток грязной правой руки, на которой нет первой фаланги мизинца!

Перл внезапно протянул свою огромную лапищу и схватил правую руку Хамфри. Он легко, словно у ребенка, разогнул мизинец, на котором не было фаланги.

— Вы — мерзавец, убивший двухмесячного ребенка, которому сами дали свое имя! — воскликнул Эйб Перл. — Уж теперь вам не удастся

откупиться, Хамфри. Ваша песенка спета. С этой наволочкой в качестве вещественного доказательства вам не откупиться. Самый лучший и единственный выход для вас — сесть вот сюда и начать давать показания. Отпираться бессмысленно.

Он с отвращением отбросил руку Хамфри, показал на неудобный стул и отвернулся.

— Поздравляю, господин начальник. Вы сыграли свою роль превосходно!

Эйб Перл тут же снова повернулся к Элтону Хамфри, который стоял, улыбаясь. Никакой нерешительности в его улыбке теперь уже не оставалось, теперь это была злобная и ехидная усмешка.

— Что вы сказали? — переспросил Перл.

— Мне следовало бы заблаговременно предупредить вас о Квине, мистер Перл. Совершенно очевидно, его сумасшествие — заразное. — Хамфри принялся расхаживать по кабинету, с отвращением посматривая вокруг себя, как если бы он находился в какой-то трущобе. На Квина и Джесси Хамфри не обращал никакого внимания. — Должен признать, что разыграно все, как в кинофильме. Бессмысленный обыск моего особняка. Неоднократные звонки по телефону. Вызов

сюда — со скрытыми угрозами. Сыщики, готовые наброситься на злого серого волка, схватить его и запереть куда полагается. И наконец... — Миллионер презрительно взглянул на Квина и Джесси и на прикрытую стеклом наволочку. — И наконец, эти двое шарлатанов с их «произведением искусства». Это вы состряпали, Перл? Или это Квин? Наверное, Квин — с помощью своих добровольцев из бывших полицейских. Без умелых полицейских рук тут не обошлось. К сожалению, вы сделали ошибку. С первого же взгляда на ваше «доказательство» я понял, что это подделка. Но вы-то этого никак знать не могли, правда? И это все впустую. Весь труд, подготовка и расстановка декораций, превосходная игра, статисты за кулисами...

Элтон Хамфри подошел к двери в холл и распахнул ее настежь. От двери отскочили два детектива и, ничего не понимая, уставились на него. Хамфри рассмеялся.

— Можно брать его, начальник? — спросил один.

— Прочь с дороги, дурак! — крикнул Хамфри и быстро вышел.

— Ничего не понимаю, — сказал Квин.

Эйб Перл молчал. Стенографист Гаррис ушел

еще раньше, и сейчас они были в кабинете втроем.

— Мне вообще не следовало впутывать тебя в это дело, Эйб. И вас, Джесси.

— Не говорите, пожалуйста, так, Ричард.

— До определенного момента он был у нас полностью в руках, — пробормотал Квин, обращая взор к наволочке на столе. — Мы поймали его, как рыбу на крючок, под самые жабры. Но только взглянув на наволочку, он сразу же сообразил, что все это инсценировка. В чем мы допустили ошибку? Может быть, что-то не так с наволочкой, Джесси? Не та ткань, не те кружева, не тот размер?

— Нет, Ричард, дело не в этом. Наша наволочка — точная копия исчезнувшей. Я видела ее много раз и неоднократно говорила миссис Хамфри, какая это красивая вещь.

— Может быть, мы что-то не так с нею сделали? Возможно, отпечаток помещен не там, где следовало бы...

— Насколько я помню, отпечаток находился именно там, где я просила мистера Кунцтмена поместить его.

— В таком случае мы что-то недоделали с наволочкой. В конце концов, вы видели ее всего в

течение нескольких секунд и при плохом освещении. Предположим, на ней было нечто такое, на что вы просто не обратили внимание?

— Вероятно, да, — безжизненно ответила Джесси. — Теперь видите, как вы ошиблись, полагаясь на меня. Сейчас вы отдаете себе отчет, в какую историю я вас втянула?

— Давайте не будем разбирать, кто кого и куда именно втянул, — поморщился Ричард Квин. — Вот Эйб, кажется, готов задушить меня...

— Ну, ты не приставлял мне нож к горлу и не заставлял силой что-то делать, — мрачно возразил Перл. — Я просто пытаюсь сейчас определить, что будет дальше. Как, по-твоему, скандал он нам устроит?

— Ни за что!

— А ведь он может основательно попортить нам жизнь.

— Хамфри не в состоянии позволить себе подобное удовольствие. Результатом может быть возобновление следствия по делу во всем объеме, а он всячески стремится этого не допустить. — Инспектор поднял голову. — Все, что произошло сегодня, еще нельзя назвать полной неудачей. Нам удалось подтвердить два важных обстоятельства. Во-первых, в тот вечер он действительно

заменил грязную наволочку на чистую, ибо иначе ни за что не заметил бы какой-то разницы. Во-вторых, грязную наволочку он не уничтожил, так как уже был готов поверить, что мы ее нашли. Нет, нет, еще не все потеряно!

— Ричард, вы так говорите, словно намерены продолжать, — удивленно сказала Джесси.

— А как же иначе?! — изумился Квин. — Конечно, продолжать. Да и как сейчас можно остановиться? Мы заставили его перейти к обороне.

Джесси внезапно расхохоталась. Ее смех показался Квину странным, и он подошел к ней, но она умолкла так же внезапно, как и начала смеяться.

— Извините, Ричард. Это становится смешным.

— Ничего смешного я тут не нахожу.

— Простите, пожалуйста. — Джесси прикоснулась к руке инспектора.

— А вы продолжать не желаете? — сердито поинтересовался он.

Она бессильно опустила руку.

-— Не знаю, Ричард. Я так устала, так устала...

... Возвращение в Нью-Йорк было тяжелым. Квин казался одновременно чем-то угнетенным, возмущенным и разочарованным, а Джесси, у которой от боли раскалывалась голова, даже не

пыталась разобраться в его состоянии. На 71-й улице она вышла. Квин пообещал поставить в гараж ее машину и, не говоря больше ни слова, уехал.

Джесси долго металась в постели. На этот раз аспирин ей не помог, и от нервного напряжения у нее начала сильно чесаться кожа. Под утро она приняла таблетку сильного снотворного и погрузилась в тяжелое забытье.

Она проснулась от звуков каких-то падений и бросков. В гостиной Глория Сарделла швыряла на пол сумки, чемоданы и свертки.

«Боже мой! — подумала Джесси. — Ведь сегодня уже тридцатое».

И она тут же приняла решение.

— - Ричард, я решила поехать домой, — сообщила она ему по телефону.

— Твердо решили? — спросил он.

— Да получилось как-то так, что, по существу, вопрос решился без меня, — с деланной непринужденностью ответила Джесси. — Я совсем забыла, что Глория должна возвратиться тридцатого. Видно, я так была занята, что потеряла всякое представление о времени... Ричард, вы слушаете?

— Слушаю.

— Я чувствовала себя прямо какой-то дурой, когда Глория сегодня утром вошла в квартиру. Уж встретить-то ее в порту я могла бы! Конечно, Глория была очень мила и сказала, что я могу жить у нее сколько мне хочется...

— Ну и почему бы вам не пожить еще... — Квин откашлялся.

— Я очень стесню Глорию. Вы же знаете, какая у нее маленькая квартира. Да и, кроме того, какой смысл? Напрасно, Ричард, мы все затеяли. — Джесси умолкла в ожидании, что Квин что-то скажет, но он молчал. — Пожалуй, будет лучше, если я вернусь к себе домой...

— Джесси...

— Да, Ричард?

— Почему мы об этом должны говорить по телефону? Разумеется, если вы не хотите больше встречаться со мной...

— Какая глупость!

— Тогда можно мне отвезти вас в Роуэйтон?

— Пожалуйста, раз вам хочется.

... Всю дорогу до Коннектикута Квин вел машину так медленно, что им, не переставая, сигналили.

Некоторое время он говорил о расследовании, которым они занимались.

— Прошлой ночью я никак не мог уснуть и принялся вновь читать сообщения моих ребят за то время, когда они вели слежку за Хамфри. Мне бросилось в глаза одно обстоятельство, которое никакого значения не имело для нас прежде. В сообщении за ту пятницу, когда Хамфри куда-то перевел жену из санатория Дуэйна, говорится, что рано утром шофер выехал из города на большой крытой машине. А вы помните, что, по словам Элизабет Кэрри, миссис Хамфри увезли именно на большой крытой машине. Мне теперь кажется, что Хамфри послал Каллэма в Нью-Хейвен, а сам, чтобы отвлечь нас, остался а Нью-Йорке. Видимо, где-то по пути Каллэм взял в машину двух санитарок. По крайней мере такую возможность нельзя отбрасывать, и я сегодня же намерен все это тщательно проверить.

— Что же вы мне раньше не сказали, Ричард?! Я ни за что не разрешила бы вам тратить время на то, чтобы везти меня домой.

— Это дело вполне можно отложить до моего возвращения в город, — быстро ответил Квин.

— И теперь вы намерены взять в работу Генри Каллэма?

— Да, чтобы добиться от него, где сейчас Сара Хамфри...

Однако большую часть пути они молчали.

В Роуэйтоне Квин внес чемоданы Джесси в дом. Он отрегулировал плохо закрывавшийся кран на кухне, восхищенно отозвался о цинниях, выращенных Джесси, выпил предложенного ею кофе, но все это время держался как-то отчужденно, и у Джесси снова начала болеть голова.

«Нет, я ему помогать не буду, — с яростью подумала она. — Не буду, не буду!..»

Квин отклонил предложение отвезти его на вокзал и тут же вызвал по телефону такси.

Уже в самый последней момент, когда машина ожидала у крыльца, он вдруг сказал:

— Джесси, я не могу уехать без того...

— Да-да?

— Без того... ну, без того, чтобы не поблагодарить вас...

— Поблагодарить меня?! — «Милая моя, — подумала она, — да ты уже перестаралась! Но как же другим-то удается выходить из подобных положений? » — Боже мой, но за что?

Носком ботинка Квин бесцельно водил по ковру.

— За два самых чудесных месяца в моей жизни.

— Это я должна поблагодарить вас, мистер

Квин. Мягко выражаясь, я тоже не скучала. — «Ну и ответ! ».

— Я не имею в виду дело Хамфри. — Квин дважды откашлялся, причем второй раз с раздражением. — Вы стали значить для меня очень много, Джесси.

— Серьезно? — «О, боже! »

— Да, очень много. — Он с гневом уставился на ковер. — Я понимаю, что не имею права...

— Ричард!

— Я хочу сказать, что человеку моего возраста...

— Опять вы об этом!

— А вы такая моложавая и красивая...

«Не хватает только, — подумала Джесси, — чтобы у меня, как всегда бывает в таких случаях, заурчал желудок... Вот, начинается».

— Да, Ричард? — нарочито громко поспешила спросить она.

В это мгновение таксист принялся отчаянно сигналить. Ричард Квин густо покраснел, схватил руку Джесси, потряс ее, словно пытался удержать вырывавшуюся рыбу, пробормотал: «Я вам потом позвоню» — и выбежал.

Джесси опустилась прямо на пол и разревелась.

«Никогда он больше не позвонит, — решила она. — Зачем это ему нужно? Я все время кокетничала с ним, а потом отвернулась от него. Не вернется он! »

Она приняла две таблетки аспирина и, чтобы наказать себя, не стала запивать их водой. Потом она занялась развешиванием своих платьев.

«Убитые младенцы... Мое справедливое негодование... А знаешь, Джесси Шервуд, — безжалостно сказала она себе, свирепо заталкивая в шкаф плечики с платьями, — правда заключается в том, что ты противная старая дева. Да, да, сварливая старая дева. Сама во всем виновата, и нечего теперь сваливать вину на кого-то. Дело не только в том, что ты поощряла беднягу и довела его до того, что он снова почувствовал себя молодым, а потом повернулась к нему спиной... »

Однако мысли Джесси упорно возвращались к наволочке. Она пыталась не думать о ней, но ничего не могла с собой поделать. Как она была уверена, что им удалось сделать точную копию той, которую она видела, а ведь оказалось, что это не так! Хамфри с одного взгляда определил подделку. Но — каким образом? Что именно она не заметила или забыла? Может быть, ей удастся припомнить это сейчас?

Джесси зажмурилась и, все еще стоя около шкафа, представила себе детскую, себя в ней, склонившуюся над кроваткой при слабом свете ночника, подушку на ребенке... и наволочку... наволочку... Однако ничего нового о ней вспомнить не могла и, бросив платье на пол, опустилась в кресло у окна, откуда могла видеть свой крохотный садик. Здесь все еще цвели ипомеи и петуньи; на кизиле краснели немногие, не склеванные птицами ягоды. Мысленно Джесси продолжала твердить: «Я помогу ему! Помогу! » Как это чудовище могло избавиться от наволочки? Он ее не сжег и не изрезал... В этот момент он бесспорно испытывал давление со всех сторон: на него давили сознание собственной вины, истерика жены, тот факт, что здесь находился доктор Викс и с минуты на минуту должна была появиться полиция... Ведь в таком положении люди вынуждены действовать поспешно и не очень обдумывают свои шаги. И Ричард заметил в среду вечером, что Хамфри тогда был всецело поглощен мыслью о том, как скорее и проще отделаться от наволочки.

«Предположим, что я бы оказалась на его месте, - лродолжала размышлять Джесси и даже вздрогнула от этой мысли. — Предположим, что пронырливая няня обнаружила, что ребенок

мертв, весь дом в смятении, тут уже находится доктор Викс, скоро должны приехать полицейские — и в этот момент, к своему ужасу, я заметила бы, что на наволочке виден отпечаток моей руки. Разумеется, полицейские ни в коем случае не должны найти эту наволочку, ибо иначе они немедленно поймут, что произошло убийство... Нужно отделаться от этой наволочки... живо... живо... Кто-то идет сюда! Чей это голос?

Меня не должны застать здесь, в детской... Я должна немедленно отделаться от наволочки... должна спрятать ее, но где, где?.. А что если бросить ее в спускной люк для грязного белья? Одну минуточку, — попыталась успокоить себя Джесси, чувствуя, как у нее заколотилось сердце, — одну минуточку... Уж слишком это просто... Просто? Это и хорошо! Шаг к дверце люка, движение руки, толчок, другое движение руки... и наволочки нет. Теперь она уже находится в подвале вместе с другим грязным бельем. Это же действительно самый простой и самый быстрый способ отделаться от наволочки, хотя бы на время. Ну, а позднее... позднее я могу найти ее и уничтожить без следа... Как только мне такая возможность представится... Как только я смогу под каким-то удобным и безопасным предлогом

побывать в подвале... »

Ну, а предположим, что как раз в это время появились бы полицейские? Не могла же бы я куда-то исчезнуть, так как этим самым привлекла бы к себе внимание. Ведь миссис Хамфри в истерике и ее нельзя оставить, на вопросы полицейских нужно отвечать, внизу в своих комнатах торчат горничные и другой обслуживающий персонал, и они сразу же заметят, если я попытаюсь спуститься в прачечную. Чувствуя свою вину, я должна была бы постоянно прислушиваться ко всякому шепоту, тщательно следить за любым изменением выражения на лицах, за всеми, кто приходит и уходит, систематически убеждаться, что меня еще не заподозрили.

Джесси нахмурилась. Все получилось хорошо, но ведь полицейские произвели в доме самый тщательный обыск. «Прачечную в подвале, корзины!..» — приказал Перл — и тем не менее наволочки не нашли. Возможно...

Возможно, они ее просмотрели!

«Наверное, так и случилось! — волнуясь, подумала Джесси. — Элтон Хамфри не один раз, должно быть, умирал от страха, пока полицейские искали и не могли найти наволочку; он все ждал и ждал их ухода, чтобы пробраться в подвал

и порыться в корзине с бельем. Наступил рассвет, а затем и день, а люди Эйба Перла все еще искали, и Хамфри не мог рисковать появлением в подвале.

Ну, а затем, конечно, приехала Сэди Смит — Сэди Смит из Норуока в своем старом автомобиле, появлявшемся здесь с таким грохотом по утрам в четверг и в пятницу... »

Джесси еще глубже опустилась в кресло и с удивлением обнаружила, что дрожит.

Конечно, потом уже Элтон Хамфри решил, что теперь ему ничего не грозит, ибо прошел день, неделя, месяц, а наволочка не находилась, словно канула в неизвестность. Сэди Смит, или не обратив внимания на отпечаток грязной руки, или не придавая этому какого-либо значения, выстирала наволочку вместе с другим бельем, тем дело и кончилось.

Да, кончилось.

Джесси тяжело вздохнула. Вот она и помогла Ричарду!

Хотя нет, позвольте!

Конечно, Сэди не могла не заметить, что творилось в доме в ту пятницу. Конечно, миссис Ленихэн, или миссис Шарбедо, или одна из горничных сказали ей, что из-за какой-то наволочки

полицейские переворачивают все в доме вверх тормашками. Даже если полицейские и не нашли ее, разве Сэди не стала бы тоже ее искать?

Безусловно, да!

Но почему в таком случае она ее не нашла?

Было еще светло, когда Джесси вышла из машины перед аккуратным двухэтажным домом в Норуоке.

Сэди Смит как раз переодевалась в домашнее платье. Это была полная, очень смуглая женщина с сильно загоревшими руками и с добродушными, но проницательными глазами.

— Мисс Шервуд! — воскликнула она. — Вот уж кого никак не ожидала. Заходите, заходите. Я только что вернулась с работы и...

— Боже мой, но мне, наверное, следовало заехать к вам как-нибудь в другой раз, миссис Смит. Я так необдуманно поступила, что явилась к вам перед самым обедом и даже не позвонила предварительно.

— Да мы никогда не садимся обедать раньше восьми — девяти: муж приходит домой поздно. Пройдемте в комнату, мисс Шервуд. Я сейчас приготовлю чай.

— Спасибо. Почему бы нам не посидеть здесь же, в кухне? У вас тут так мило, а я очень редко

бываю в своей кухне.

— Вы относительно Хамфри, мисс Шервуд, правда? — спокойно спросила Сэди, ставя чайник на плиту.

— Да.

— Я так и знала. — Сэди уселась у другого конца стола. — Вижу, вас по-прежнему беспокоит, что произошло с ребенком и как он оказался мертвым. Это ужасно, мисс Шервуд, но он мертв, и его не вернуть. Почему бы вам не забыть о Хамфри? Это плохие люди, и нам с ними совсем не по пути.

— Мне очень хотелось бы позабыть о них, но по некоторым причинам я не могу этого сделать. Вы не возражаете, если я буду называть вас Сэди?

— Пожалуйста.

— Помните, Сэди, ту пятницу, когда вы приехали для очередной стирки?

— Конечно, помню.

— Не обратили ли вы внимания в тот день на одну из наволочек — с тонкими кружевами? Наволочку с отпечатком грязной мужской руки на ней?

Сэди Смит, прищурившись, взглянула на нее.

— В тот день меня о ней неоднократно расспрашивали детективы.

— Да? А еще кто? Я хочу сказать — кто из дома?

— Миссис Ленихэн спросила меня сразу же, как только я появилась. Она мне рассказала о ребенке и сообщила, что полицейские в поисках этой наволочки все перевернули в доме. Миссис Ленихэн попросила меня внимательно следить, не найдется ли она где-нибудь.

— А кроме миссис Ленихэн и детективов, кто-нибудь еще говорил вам об этой наволочке?

— Нет.

— Вы ее так и не нашли?

— Нет. Я много раз перебирала всю партию белья, но этой наволочки не нашла... Чайник! — Миссис Смит вскочила и захлопотала.

— - Скажите, а вообще были наволочки в белье в тот день?

— Ни одной.

— Ни одной?! — нахмурилась Джесси. — Странно.

— Я тоже так подумала... Вам со сливками, мисс Шервуд?

— Спасибо, — рассеянно ответила Джесси. — Вообще ни одной наволочки...

— Обязательно попробуйте вот эти сладкие булочки, а иначе я обижусь... Так вот, о наволочках. Вначале я подумала, что эта вертушка горничная

из хозяйских комнат затолкала в один из спускных желобов, ведущих в прачечную, слишком большой сверток. У нее так уже получалось раза два, белье застревало в желобе, и нам приходилось прочищать его гибкой спиралью, какой обычно пользуется водопроводчик.

Засорившийся спусковой желоб в прачечную!

— А вы не думаете, что так могло произойти и с наволочкой, которую все искали, Сэди? — спросила с волнением Джесси. — Ведь желоб мог быть уже засорен, и наволочка вниз не прошла?

Миссис Смит покачала головой.

— Утром в тот день я бросала в каждый из спусковых желобов по бельевому зажиму, и все они проходили нормально... Потом я еще вспомнила вот что. По пятницам горничная наверху меняет постельное белье, но в тот день она этого не делала из-за суматохи в доме... Съешьте еще булочку, мисс Шервуд.

— Очень вкусные, — похвалила Джесси, поспешно жуя. — Скажите, Сэди, вы все спускные желоба тогда проверили? И в детской тоже?

— Нет, в детской я не проверяла. Во-первых, меня туда не пустили. Во-вторых, спускной желоб в детской всегда действовал безотказно.

«И все же я, возможно, на правильном пути»,

— лихорадочно думала Джесси.

Люком из детской в прачечную пользовалась только она одна. Она сама всегда убирала кроватку ребенка и по привычке бросала в люк только по одной вещи, хотя даже простыни были крохотными.

С вновь появившейся надеждой Джесси продолжала отпивать из чашки.

— Хотя, подождите, я совсем забыла! — воскликнула прачка. — Ведь при установке спускного желоба в детской не обошлось без неприятностей. Потом, правда, он всегда действовал хорошо.

— Что-что? — встрепенулась Джесси. — Что вы сказали, Сэди?

— Я говорю о том, что произошло при установке этого спуска, — еще раньше, чем вы начали там работать. До того как мистер Хамфри усыновил ребенка, в доме не было ни детской, ни комнаты при ней, в которой вы спали. Раньше там была верхняя гостиная, но потом из нее сделали две комнаты и установили желоб в прачечную. До этого его не было.

— Вы сказали, что во время его установки произошли какие-то неприятности...

— Да, и я сейчас только об этом вспомнила, — подтвердила миссис Смит. — Мистер Хамфри

очень рассердился. Рабочий после установки начал бросать в желоб что-то для проверки и обнаружил, что посредине желоба что-то торчит, и вещи цепляются, вместо того чтобы падать в прачечную. Это оказался кусок проволоки, и рабочий спилил его или отогнул, так как потом в этом спуске у вас никогда ничего не застревало. Правда, мисс Шервуд?

«Правда, — подумала Джесси. — У меня — нет».

А что если предположить, что в тот вечер Элтон Хамфри сбросил в люк уличавшую его наволочку, и она все же застряла в спуске?

Сэди Смит не нашла наволочку, и Элтон Хамфри решил, что она выстирала ее вместе с другим бельем. Не исключено, что наволочка, если она действительно зацепилась за что-то в спускном желобе, все еще находится там.

Джесси повесила трубку, собрала с полочки телефона-автомата приготовленные ею монеты — и тут же села. На ее звонки Ричарду в Нью-Йорк никто не ответил: видимо, Квин занимался Генри Каллэмом. Дежурный полиции в Таугусе сообщил, что начальника уже нет; домашний телефон Перлов молчал — должно быть, они уехали в гости или в кино.

Джесси сидела совершенно расстроенная.

«Я обязана проверить свое предположение, — думала она, — и не завтра, а сегодня же... И я могу сделать это сама! »

Она немедленно согласилась с этой мыслью, даже не вникая в трудности. «Если я начну размышлять об этом, — сказала она себе, — у меня ничего не получится. Лучше уж я не буду думать».

Джесси вышла из телефонной будки, села в свою машину и отправилась в Таугус.

... Электрическая лампочка в виде корабельного фонаря, висевшая над сторожкой у ворот в конце дамбы, на фоне темневшего вдали острова Нэр казалась какой-то затерянной.

Джесси медленно ехала по дамбе. Интересно, дежурит ли сейчас у ворот охранник, — ведь летний сезон закончился? Если да — ее дело безнадежно. Чем ближе Джесси подъезжала к воротам, тем более нелепой казалась ей вся затея.

Из сторожки вышел коренастый человек в униформе и поднял руку.

Ворота были закрыты.

— Привет! — послышался знакомый голос. — Мисс Шервуд!

Чарли Питерсон!

— А, мистер Питерсон, — обрадовалась Джесси.

— Что вы тут делаете? Вы же хотели уволиться?

— Да ведь знаете... — замялся толстый охранник. — Работа здесь нетрудная, особенно теперь.

— И еще когда к вам не пристают полицейские, — улыбнулась Джесси. «Как я могу ему объяснить свое появление здесь?» — подумала она.

— Это верно. — Охранник облокотился на дверцу машины. — Как поживаете, мисс Шервуд?

— Превосходно. А вы? — «Я обязательно должна придумать что-то правдоподобное. Но что?»

— Не жалуюсь. Знаете, я никак не ожидал увидеть вас.

Питерсон как-то очень странно взглянул на Джесси, и у нее тут же мелькнула мысль: «Вот оно, начинается! »

— Каким ветром вас принесло сюда, на остров?

Джесси почувствовала, что у нее начали сохнуть губы.

— Видите ли...

Питерсон очень близко наклонился к Джесси; от него пахло вином.

— Может быть, вы приехали повидаться со мною, а?

Джесси с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться.

Вот и выход из положения!

— Мистер Питерсон, что вы! — кокетливо воскликнула она. — Вы же семейный человек!

Питерсон загоготал.

— Уж с вами и пошутить немножко нельзя! А если я парень с горячей кровью?.. Вы хотели зайти к Хамфри? Но там никого нет.

«Кажется, мне все еще везет!» — с радостью подумала Джесси.

— Никого, мистер Питерсон? А где же сторож?

— Хамфри велел ему отвезти в Конкорд какие-то луковицы для пересадки, что ли. Там же у него зимняя дача.

— Я прямо не знаю, что мне теперь делать, — жалобно сказала Джесси. — Столлинг вернется сегодня?

— Наверное, только завтра.

— Вообще-то говоря, можно было бы приехать и завтра, но раз я уже здесь... — Она посмотрела на Питерсона, надеясь, что он еще не совсем протрезвел. — Как, по-вашему, никто не будет возражать, если я зайду в дом на несколько минут? Я оставила там кое-что из вещей.

— Да как вам сказать... — Питерсон нерешительно поскреб подбородок.

«Ах ты, увалень этакий! — подумала Джесси. — Все равно я добьюсь своего!»

— Только для вас, мисс Шервуд...

Но уже начав открывать ворота, он вдруг остановился.

— Одну минуту.

— Что еще?..

— Как же вы в дом-то войдете?

— Да уж как-нибудь, — поспешно ответила Джесси, хотя, по правде говоря, она это себе совершенно не представляла.

— Сейчас, обождите. — Питерсон зашел в сторожку и тут же возвратился, размахивая ключом. — Столлингс всегда оставляет мне ключ на тот случай, если в его отсутствие тут появится мистер Хамфри... Вам нужна моя помощь, мисс Шервуд? — галантно крикнул он ей вслед.

— Нет, спасибо, — ответила Джесси, сжимая ключ.

Чувствовала она себя не очень хорошо.

Над служебным входом светилась лампочка, зажженная, видимо, Столлингсом. Джесси поставила машину, выключила зажигание и свет и выбралась наружу.

Под ногами у нее заскрипел гравий. Джесси заколебалась, по коже забегали мурашки. «Почему я так нервничаю? — подумала она. — Здесь же никого нет».

Она пошла по дорожке и тут же обнаружила, что ступает так, словно попала в болото.

Открыв служебный вход, Джесси с облегчением вошла, но как только она закрыла за собой дверь, это облегчение немедленно исчезло. Она еще никогда не была в такой темноте. Не только в доме, но и на всем острове нет никого, за исключением Питерсона, который разрешил ей идти сюда, и все же... Джесси казалось, что дом переполняют какие-то таинственные звуки, а стены словно дышат.

«Помни Майкла! Помни Майкла!» — приказала она себе и умышленно медленно и глубоко вздохнула. Дом стал домом, а темнота показалась уже какой-то дружественной.

Джесси отошла от двери и уверенно двинулась дальше. Ее рука нащупала дверь в подвал, она открыла ее, нашла выключатель. Зажегся свет. Весь подвал лежал перед нею.

Джесси сбежала по ступенькам, застланным ковровой дорожкой, совершенно заглушавшей ее шаги. У подножия лестницы она остановилась, чтобы осмотреться.

Джесси знала, где находится выходное отверстие спускного желоба из детской. Стоя у лестницы, она видела, что большая парусиновая

корзина для грязного белья все еще подставлена под раструб.

Сэди Смит говорила о какой-то гибкой спирали водопроводчика. Джесси имела самое отдаленное представление о том, что это за штука. По всей вероятности, это какое-то приспособление для чистки труб и всяких труднодоступных мест. Но где может храниться такая вещь? Она тут же вспомнила, что в подвале есть полки для инструментов, лампочек и всякой посуды. Спираль, наверное, там же. Не лежит ли она в конце полки, сразу же за котлом?

Джесси прошла мимо больших лоханей, в которых миссис Смит разводила ручную стирку, мимо стиральной и сушильной машин, мимо котла...

Нужную спираль она нашла на самой нижней полке, среди гаечных ключей, уголков, труб и различных водопроводных принадлежностей. Спираль представляла собой круг толстой проволоки с большим грушевидным утолщением на конце.

Джесси взяла спираль, подошла к спускному желобу из детской, отодвинула корзину, вставила в желоб головку проволоки и принялась толкать ее вверх. Царапая по стене, проволока стала медленно уходить в отверстие. Время от

времени Джесси приходилось вертеть ею в разные стороны.

Наконец головка проволоки во что-то ударилась и дальше не пошла. Она, видимо, натолкнулась на крышку люка в детской. Однако из желоба ничего не выпало.

Джесси опустилась на пол и рассмеялась.

«Да, Джесси Шервуд, — подумала она, — сыщик из тебя не получился».

Теперь ей оставалось только положить на место спираль, выключить свет, сесть в машину и уехать.

Все еще сидя под раструбом, Джесси принялась складывать проволоку кольцами. Все так же скрежеща, спираль медленно спускалась из желоба, и вот уже показался ее конец с утолщением. Но вместе с головкой показалось нечто смятое и белое и упало Джесси на колени.

Это нечто было из батиста, обшитого по краям хонитоновым кружевом.

Дрожащими пальцами Джесси взяла наволочку. Почти в самом центре отчетливо виднелся отпечаток грязной руки.

— И все же я добилась своего! — изумленно сказала вслух Джесси. — Ведь я же нашла наволочку!

— Да, действительно, мисс Шервуд, — послышался знакомый отвратительный голос.

Джесси, как кукла, дернула головой, повернулась — и застыла на месте.

На верхней ступеньке лестницы стоял Элтон К. Хамфри. В правой руке он держал револьвер.

Дуло револьвера стало приближаться к ней. «Ричард, — подумала Джесси, — Ричард!»

— Во-первых, мисс Шервуд, — продолжал тот же голос, — позвольте мне избавить вас от этого.

Джесси почувствовала, как он выхватил у нее из рук наволочку, а уголком глаза заметила, что Хамфри левой рукой скомкал ее и затолкал в карман.

Дуло револьвера несколько отодвинулось от нее.

— Вы напуганы, мисс Шервуд. Я вам сочувствую. Но винить вы можете только себя. Не очень утешительная мысль, тем более что она из самых последних вообще. Поверьте, мне все это не нравится почти так же, как и вам. Но какой другой выход вы предоставляете мне?

Джесси чуть не сказала «никакого», но вовремя сдержалась. Если бы она и открыла рот, смогла бы только застучать зубами.

«Ричард, Ричард! Ни вы, ни Эйб Перл не знаете,

где я. Никто этого не знает, кроме Чарли Питерсона, а какая от него польза? Ты глупо умрешь, Джесси, — в одиночестве, в пустом доме на безлюдном острове».

— Вы должны понимать, что никакого иного выхода у меня нет. Вы нашли наволочку. Купить ваше молчание мне, вероятно, не удастся. Тем более, что вы слишком близки к такому любителю совать нос в чужие дела, как Квин. Вот поэтому, мисс Шервуд, мне придется убить вас. Придется, — все так же спокойно и равнодушно продолжал Хамфри.

«Наверное, я все это вижу во сне, — промелькнула у Джесси мысль. — В жизни такое не может произойти».

— Я не могу сказать, что меня радует эта перспектива. Я вовсе не закоренелый убийца. Правда, на своем опыте я убедился, что совершить убийство легче, чем кажется, но удовольствия это не доставляет. Ваша смерть даже связана для меня с определенной опасностью. Питерсону известно, что вы здесь. Я мог бы застрелить вас, а потом сказать, что стрелял, приняв вас за грабителя, но Питерсон сообщил мне о вас. Разумеется, ему известно и о том, что я здесь. Таким образом, я вынужден пойти на огромный риск...

«Сейчас я обязательно проснусь».

— Вполне естественно, что после вашего исчезновения подозрение падет на меня. Я вывезу ваше тело в море и утоплю в глубоком месте, а потом мне придется сочинить какое-то объяснение. Каким бы правдоподобным оно ни было, мне, конечно, не поверят. Но что, в конце концов, могут со мной сделать, если не будет ни трупа, ни каких-либо доказательств преступления? Я надеюсь, что и из этого положения мне удастся выбраться. Эта комната звуконепроницаема, мисс Шервуд, и прошу извинить меня за грубое выражение, но я тщательно удалю потом все следы.

«Он просто хочет напугать меня. Никто не может так спокойно разговаривать, а потом отнять жизнь у человека. Никто!.. Ричард, Ричард...»

— Мне и в голову не приходило, что я здесь на кого-то натолкнусь сегодня. А приехал я сюда за тем же, что и вы: чтобы проверить спускной желоб. Этот фарс в полиции Таугуса заставил меня задуматься, где бы вы могли найти наволочку. Я вспомнил, что после установки спуска в нем оказалась какая-то помеха. Откуда это стало известно вам, мисс Шервуд?

Джесси неловко пошевелилась, и Хамфри резко

приказал:

— Ни с места!

— Я не могу не двигаться, — словно откуда-то издалека донеслись до Джесси ее же слова. — У меня онемели ноги и шея.

— Извините меня, — сказал миллионер так, как если бы действительно имел это в виду. — Можете встать.

Джесси поднялась на ноги, но ноги не держали ее, и ей пришлось прислониться к стене.

— В известной мере вас подвело то обстоятельство, что я держу здесь сторожа, — все также монотонно продолжал Хамфри. — Я мог бы еще вчера осмотреть желоб, но мне помешал Столлингс. Я должен был возвратиться в Нью-Йорк и придумать какой-то предлог, чтобы вызвать его отсюда. Почему вы именно сегодня приехали сюда?

— Какое это имеет значение? — Джесси почувствовала, что даже думать о чем-нибудь не может, и закрыла глаза.

— Пожалуй, никакого.

Джесси услышала щелчок.

Она раскрыла глаза и дико взглянула на Хамфри. Он отступил назад, поднял вытянутую руку с казавшимся светло-голубым револьвером. Джес-

си успела рассмотреть и культяпку мизинца на рукоятке, и начавший белеть от напряжения указательный палец на спусковом крючке...

— Не убивайте меня, мистер Хамфри, я не хочу умирать! Пожалуйста, не убивайте меня!

— Я должен, — пробормотал Хамфри.

— Нет, не должны! — крикнула Джесси и крепко зажмурила глаза.

В подвале прогрохотал выстрел.

«Но я и боли не чувствую, — подумала Джесси. — Разве это не странно? Никакой боли! Лишь звук выстрела и звон разбитого стекла... Стекла?»

Джесси открыла глаза. Правая рука Элтона Хамфри была в крови. Револьвер лежал на полу, а Хамфри судорожно сжимал правую кисть. Губы и нос у него морщились от боли. Кто-то находившийся снаружи, у разбитого окна под самым потолком подвала, убрал руку с револьвером, а двое, сбежав по лестнице, бросились на Хамфри и свалили его на пол.

Затем у входа в подвал появилась хорошо знакомая фигура. Именно этот человек стрелял в окно, так как все еще держал в руке револьвер. Словно мальчишка, он сбежал по лестнице, и Джесси оказалась в его объятиях.

— Ричард! — пролепетала она и потеряла со-

знание.

Джесси проснулась и долго смотрела в белый потолок. Абажур и лепные украшения на потолке показались ей знакомыми, она повернула голову и осмотрелась. Ну, конечно — ее комната, рядом с детской. В коляске мирно спит ребенок, но сейчас зазвонит будильник, она вскочит и...

Джесси вспомнила, что произошло, и села в постели. Рядом с кроватью сидела в качалке миссис Перл и улыбалась.

— Как вы себя чувствуете, Джесси?

— Ничего. — Она взглянула на себя и обнаружила, что ее кто-то раздел. — Это вы...

Маленькая женщина утвердительно кивнула, выключила ночник и зажгла верхний свет.

— Сколько сейчас времени? — Часов на руке у нее тоже не было.

— Почти три часа утра. Вы основательно поспали. Доктор Викс сделал вам укол. Вы что-нибудь помните?

— Вот пытаюсь вспомнить. Как вы здесь оказались?

— Нас с Эйбом нашли в Вестпорте. Как только мне стало известно, что вам пришлось перенести, я потребовала, чтобы Эйб взял меня сюда с собой. Ричард хотел отвезти вас в больницу, но доктор

Викс заявил, что в этом нет необходимости... Вы в самом деле чувствуете себя так хорошо, что можете встать с постели?

— Да, — ответила Джесси, но опустив с кровати ноги, почувствовала, что они не гнутся. — Где Ричард?

— Пока здесь, — так же, как и все остальные. Хамфри тоже еще не увезли: он потерял много крови и сейчас лежит, хотя и под охраной. — На лице Бекки Перл появилось гневное выражение. — И подумать только, что полиция так заботится об убийце! Да я бы предоставила ему истекать кровью, пока он не сдохнет!

— Бекки! Разве так можно говорить!

— Вы — медицинская сестра и няня, Джесси, а я просто мать и бабушка. Хамфри убил ребенка!

Джесси вздрогнула.

— Пожалуй, мне следует одеться.

— Вам помочь, дорогая?

— Нет, спасибо. Можете сказать Ричарду, что я встала.

Бекки Перл улыбнулась и вышла.

«Ну вот и все, — твердила себе Джесси, одеваясь. — Теперь уже действительно все».

Квин ожидал ее в холле.

— Ричард!

Он взял ее за руки.

— Не рано ли вы встали?

— Вы спасли мне жизнь.

— Какая вы бледная!

— Вы спасли мне жизнь, Ричард, — повторила Джесси.

— Вам лучше сесть, — сказал он и усадил ее на большую кушетку напротив кабинета Элтона Хамфри.

Каким усталым он выглядел! Усталым и... встревоженным?

— Что вы здесь делали, Джесси? Я не мог поверить своим глазам, когда заглянул в окно подвала и увидел вас под дулом револьвера.

— Я пыталась вам позвонить, но безрезультатно. Я также не могла найти ни мистера, ни миссис Перл. — Джесси рассказала Квину, что ей удалось узнать у Сэди Смит, и как она сама решила осмотреть желоб. — Вот чего я не могу понять, Ричард, так это как ВЫ оказались, здесь. Я думала, что вы в Нью-Йорке, пытаетесь найти Генри Каллэма.

— Да я было начал, но наткнулся на Джонни Крипса и Гэса Полонского, которые на свой страх и риск вели наблюдение за квартирой Хамфри на Парк-авеню. — Квин ухмыльнулся. — Мне повезло — они были в машине Гэса. Некоторое время

мы сидели в ожидании Каллэма, чтобы взять его в работу и заставить сообщить теперешний адрес миссис Хамфри, но тут увидели самого Хамфри. Он был один и вел себя так странно, что мы решили последовать за ним. Хамфри прокрался в гараж, вывел машину и направился сюда. Мы проследили его до острова.

Джесси положила голову на плечо Квину.

— Ну, теперь, Ричард, все.

— Нет еще не все.

— Не все? — Джесси выпрямилась. — А что же еще?

— Кое-что. — Он закрыл глаза руками. — Не знаю, Джесси, сколько вы еще можете сегодня перенести.

«Боже мой, — подумала Джесси. — Что еще случилось?»

— Что еще произошло?

— Мы с вами сунули нос в эту историю — и влипли в такое дело, подобного которому не было в моей практике.

— Почему?

Квин встал и взял ее за руку.

— Пойдемте.

В кабинете были детективы Борчер и Тинни. Сильно наморщившись, Борчер читал «Республи-

ку» Платона, а Тинни дремал в кожаном кресле.

Оба они вскочили, как только Квин открыл дверь. По знаку инспектора Борчер все с тем же озадаченным видом погрузился в чтение, а Тинни снова опустился в кресло и закрыл глаза.

— Сюда, Джесси.

На очищенном от всего письменном столе Хамфри лежала та самая наволочка.

— Я нашла ее в желобе из детской в прачечную, — сообщила Джесси. — А потом... а потом появился Хамфри и отнял ее у меня.

— Значит, вы ее видели?

— Только мельком.

— Посмотрите сейчас внимательно.

Джесси склонилась над наволочкой. Рассматривая ее сейчас не спеша и при сильном свете, она удивилась, насколько хорошо запомнила положение отпечатка, и как правильно они поместили его на поддельной наволочке.

— Ничего я на ней не нахожу, что бы мы упустили, — заключила она, осмотрев наволочку. — Может быть, что-нибудь есть с другой стороны, которой я тогда не видела.

— Вообще-то говоря, да. — Квин слегка отвернул правый верхний угол кружевной обшивки. Джесси увидела маленькое пятнышко рыжева-

то-коричневого цвета. — Это — кровь, вероятно, из расцарапанного пальца. Но, как вы помните, и Хамфри не видел обратной стороны нашей подделки. Она лежала под стеклом на письменном столе Эйба лицевой стороной вверх. — Квин выпустил наволочку. — Так вы все еще не замечаете, что у нас было не так?

— Нет, — вынуждена была ответить Джесси, хотя долго и внимательно рассматривала наволочку.

— Ну, посмотрите еще.

Только тут Джесси наконец увидела совершенно нормальный мизинец.

— Хамфри сразу же понял, что мы предъявили ему не ту наволочку, — сказал Квин, — ибо на ней был отпечаток культяшки вместо нормального мизинца. Ему было прекрасно известно, что у отпечатка на настоящей наволочке имелись все пять пальцев.

— Но я все же не понимаю! — воскликнула Джесси. — У Элтона Хамфри действительно нет верхней фаланги на мизинце правой руки. Как же мог получиться на подушке такой отпечаток?

— Никак.

— Но...

Джесси в недоумении уставилась на Квина.

Скоро молчание стало таким неестественным, что Борчер оторвался от Платона и озадаченно посмотрел на них, а Тинни проснулся и открыл глаз.

— Ричард, но как же...

— Джесси, ребенка убил не Хамфри. Не зря, выходит, меня все же отправили на пенсию. — Квин тяжело вздохнул. — Я так был уверен, что Хамфри убил не только Финнера и Кой, но и ребенка!.. Однако, Джесси, здесь действовал не один убийца. Верно, Финнера и Кой убил Хамфри, однако виновником смерти Майкла является другой человек.

Джесси схватилась за голову руками.

— Я ошибался и в том, что у Хамфри возникли сомнения, действительно ли он отец ребенка. На самом деле никаких сомнений на этот счет у него никогда не было, а это имеет очень большое значение. Найдя ребенка мертвым и только взглянув на наволочку, он уже знал, кто его убил. Он тут же решил немедленно отделаться от наволочки и представить все так, словно произошел несчастный случай. Именно поэтому Хамфри заявил, что это он поставил под окном лестницу, хотя в действительности он до нее не дотрагивался. Лестницу поставил убийца — чтобы направить

подозрение на Рональда Фроста. Хамфри, сразу же после того, как Финнер попросил его встретиться с нами, понял, что если он не заставит Финнера замолчать навсегда, выплывут наружу настоящие родители Майкла, а это в свою очередь приведет к виновникам смерти ребенка. Поэтому Хамфри убил Финнера и изъял из его дел все, что могло его скомпрометировать. Когда мы все же нашли Конни Кой, и она уже намеревалась сообщить нам имя настоящего отца Майкла, Хамфри убил и ее. И все это, Джесси, с целью защитить «священное имя» Хамфри!

— Но и кого-то персонально! — воскликнула Джесси. — Кого именно, Ричард?

— А кто, по-вашему, сильнее всех других ненавидел незаконнорожденного сына Элтона Хамфри? Перед кем Хамфри больше всех других чувствовал себя виноватым? Чье разоблачение в убийстве в такой же степени скомпрометировало бы имя Хамфри, как если бы им оказался сам Элтон Хамфри? Кто устраивал истерики, настаивая на своей виновности в смерти маленького Майкла, — до тех пор, пока Элтон Хамфри не обратился в «учреждение» доктора Дуэйна? Майкла мог убить только один человек. На подушке — отпечаток руки Сары Хамфри!

Эйб Перл сунул голову в дверь.

— Алло, Джесси! Теперь вы уже чувствуете себя хорошо?.. Дик, Хамфри полностью пришел в себя и согласен давать показания. Давай, пошли.

Джесси тоже подошла к двери в спальню Хамфри, заполненную людьми. Полицейские из Таугуса, чиновник из прокуратуры штата Меррик — опять без галстука, доктор Викс, полицейские из столицы штата, Гэс Полонский и Джонни Крипс.

И Элтон Хамфри.

Он лежал на огромной кровати, опираясь на несколько подушек; правая рука его была забинтована. Лицо его было уже не желтым, а совсем бесцветным и ничего не выражало; но глаза метались — как два преступника, пытающиеся спастись.

— Я подожду у Бекки Перл, — глухо сказала Джесси и ушла.

... — Это лучший воскресный обед, — заявил Квин, блаженно отдуваясь и откидываясь от стола, — которым меня когда-либо угощали.

— Восхитительно, Джесси! — подтвердила Бекки Перл, хотя тут же зарезервировала про себя особое мнение о вине в соусе. — Она и в самом деле, Дик, чудесно готовит. Подумать только, что

медсестра и няня еще обладает таким талантом!

— Ничего особенного — всего только жареная телятина, — с напускной небрежностью ответила Джесси, словно она привыкла каждое воскресенье часами простаивать над раскаленной плитой, экспериментируя с чесночным салатом и приправой, состоящей из лимонного сока, белого виноградного вина, бульона и сыра пармезан, и умоляя всех святых, чтобы у нее получилось что-то хотя бы съедобное.

Дело происходило в воскресенье. Стоял солнечный октябрьский день, каждый чувствовал себя хорошо. Джесси много потрудилась для этого дня и долго его ждала, надеясь, что приятель Квина с женой окажутся в маленькой гостиной ее домика в Роуэйтоне, и она услышит (и Квин тоже), как замечательно она готовит. Вот только Эйб Перл, к сожалению, все время вел разговор на такую тему, о которой, как надеялась Джесси, и упоминания не будет.

— Чудесно, чудесно! — снова повторил Квин, расплываясь в улыбке.

— Благодарю вас, — тихо сказала Джесси.

— Она действовала хладнокровно и обдуманно, как многие из тех преступников, с которыми мне приходилось иметь дело, — гнул свое Эйб Перл.

— Наложение ее руки на отпечаток дает полную тождественность. Анализ крови показывает, что эта кровь — ее; она оцарапалась о лестницу. На наволочке — та же самая пыль, что и на лестнице. Кроме того, на наволочке имеются другие отпечатки ее грязных пальцев. Но, несмотря на все это, — мрачно покачал он головой, — могу заверить: на электрический стул ее не посадят. На суде, наверное, будет заявлено, что она сошла с ума, когда после усыновления якобы чужого ребенка подслушала телефонный разговор Хамфри с Финнером и поняла, что ее благочестивый муженек дважды обманул ее: жил с другой женщиной и выдал своего ребенка за чужого. После признания Сары Хамфри сумасшедшей ее отправят в соответствующее место, и тем дело и кончится.

— Эйб, — сказала Бекки Перл.

— Ну?

— Почему бы тебе не погулять после обеда?

Наконец-то Джесси осталась наедине с Квином в маленьком саду. Эйб Перл отправился погулять на набережную, а его супруга мыла посуду на кухне и нарочно громко стучала, демонстрируя, что вовсе не подслушивает.

Однако сейчас, когда Джесси и Квин остались

одни, казалось, что им вообще не о чем разговаривать, и между ними воцарилось напряженное молчание. Джесси время от времени обрывала лепестки циннии, а Квин сидел в плетеном кресле под кизилом и наблюдал, как играет солнце на волосах Джесси.

«Если он сейчас не заговорит, — подумала Джесси, — я начну кричать. Не могу же я бесконечно обрывать циннии».

Квин молчал.

Скоро земля вокруг Джесси была усыпана лепестками.

— Ричард, ради бога скажите мне, что с вами?

— Со мной? — удивился Квин. — Со мной, Джесси?

— Да. Разве я должна первой сделать вам предложение?

— Предло... — Квин издал такой звук, словно проглотил горячую картошку. — Предложение?

— Да, да! — расплакалась Джесси. — Я все жду и жду, а вы только хмуритесь да жалеете себя. Я ведь женщина, Ричард, — разве вы не знаете этого? А вы — мужчина, по-моему, вы и этого не знаете. Мы оба одиноки, и мне кажется, что будем... любить друг друга.

Квин вскочил, схватился за свой воротничок и,

совершенно потрясенный, застыл на месте.

— Вы хотите сказать, что... выйдете за меня замуж, Джесси? За МЕНЯ?

— Что же еще, Ричард Квин, я вам предлагаю? Сыграть в крестики?

Квин сделал шаг к ней, но тут же остановился и с трудом глотнул.

— Джесси, но я же старый человек...

— Неправда! Вы — старый дурак!

Ричард Квин был уже около нее.